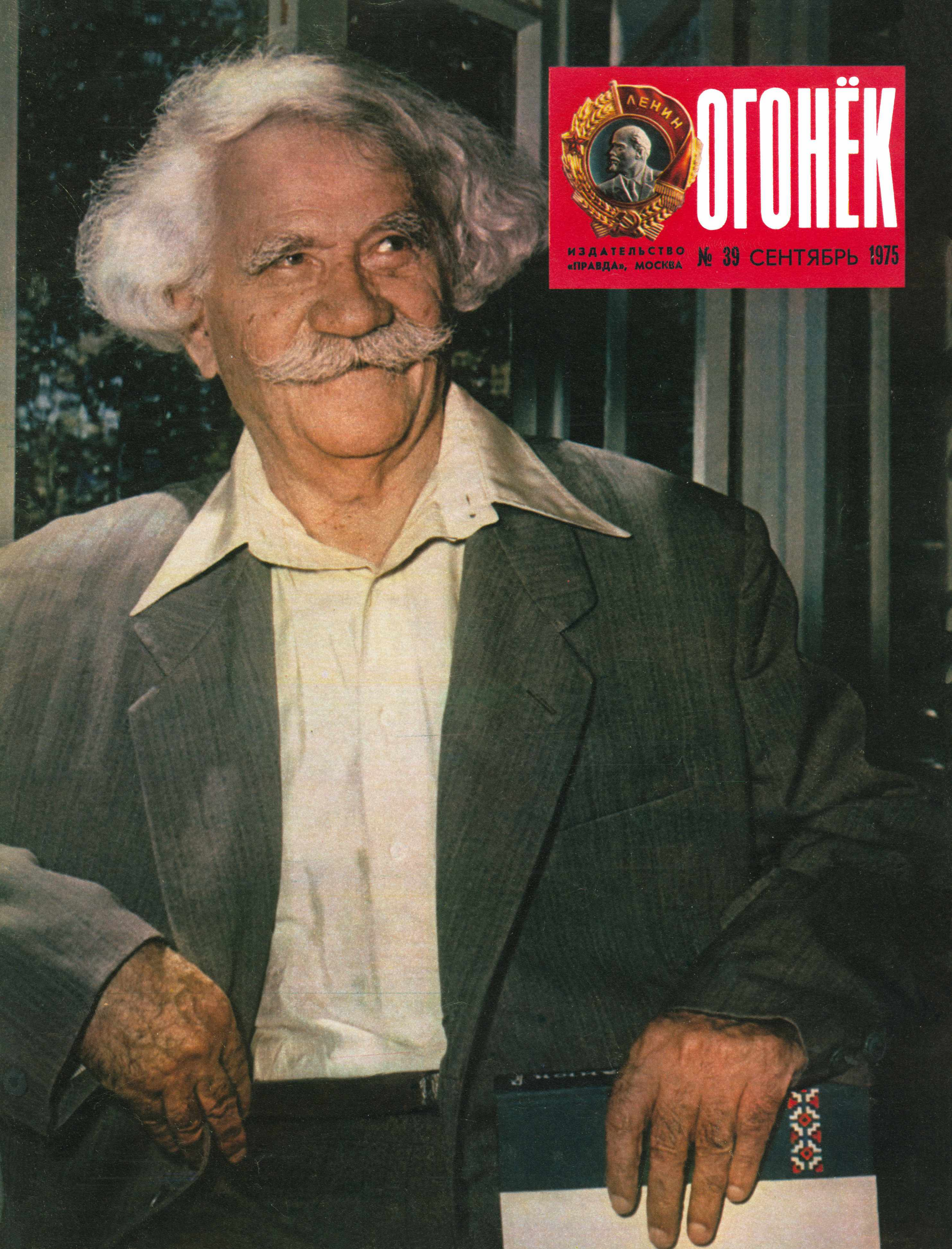

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1975

Комбайны вышли на поля «Боровского».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (2516)

27 СЕНТЯБРЯ 1975

ТРУДН

Для Владимира Прудника это четырнадцатая жатва.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька».

Такого жаркого лета не было уже двадцать один год. За три месяца — ни единого облачка, ни единой капли дождя. Да и зима выдалась бесснежная. Когда-то под Кустанаем наметало такие сугробы, что в них тонули тракторы, а в этом году поля оставались черными.

— Обычно хорошие дожди идут в июле,— рассказывает первый секретарь Боровского райкома партии А. Г. Ванин.— Под них мы и сеем. Но этим летом дождей так и не дождались. Сами понимаете, каково зерну, брошенному в сухую землю. А потом началось сущее пекло... Сгорело все — озимые, яровые, многолетние травы и даже такое засухоустойчивое растение, как житняк. В районе триста восемьдесят тысяч гектаров пахотных земель, и если в нормальные годы собираем по пятнадцать центнеров с гектара, то на этот раз будем рады, коли намолотим даже значительно меньше.

Алексей Григорьевич протер воспаленные глаза, торопливо встал и закрыл форточку: на поселок надвигалась пыльная буря.

— В колхозах и совхозах семьдесят три тысячи голов крупного рогатого скота. Так что главная задача всех хозяйств района — прокормить скот и любой ценой сохранить все поголовье. Это необходимо. Корма, корма и еще раз корма — вот с чем ложимся и встаем. Используем все, что может есть скот: заготавливаем березовые веники, срезаем и перерабатываем болотные кочки, собираем ботву, перепахиваем и вычесываем стерню. Но главная надежда на камыш. Да-да, не удивляйтесь, зеленый камыш по питательности не уступает сену. Только срезать его надо в фазе цветения и должным образом обработать. Инициатором в этом деле выступил совхоз «Боровской», советую там побывать.

В тот же день мы отправились на озеро Тениз. Его берега протянулись на сто двадцать километров и так густо заросли камышом, что воды как будто и нет.

— Видите дымки?— спросил директор совхоза Иван Федорович Мехов.— Это полевые станы. На камышовой страде занято тридцать тракторов, пятнадцать машин и более ста рабочих. Силы, как видите, немалые, но и заготовить мы должны более пяти тысяч тонн камыша.

— А вы уверены, что коровы будут есть это? — спросил я.

— Мы умеем готовить из камыша отличнейшее «блюдо». Камыш измельчается, его запаривают, добавляют силосную массу, солому и кое-что еще. «Дегустацию» уже провели: коровы с удовольствием лопают и увеличивают надои, бычки прибавляют в весе...

Вдруг Иван Федорович остановил машину...

— Дальше не проехать,— сказал он.— Топь.

Мы надели сапоги и побрели по широкой просеке, пробитой в камышовых зарослях. Свернули налево, направо и... заблудились. С сухим потрескиванием шелестели камыши, посвистывали кулики, высоко в небе словно застыл клин журавлей. И вдруг совсем рядом оглушительно затарахтел мотор! Прямо на нас задом наперед полз трактор. Он был на таких широких гусеницах, что совсем не проваливался. А перед ним катилась какая-то диковинная машина: жатка не жатка, комбайн не комбайн.

— Здесь всего помаленьку,— улыбнулся тракторист Жакен Туякбаев.— Сами придумали. Работает, как зверь. Жаль только, плавать не умеет: в воде камыш сочнее. Ничего, что-нибудь придумаем, доберемся и до него.

Мы снова сели в «газик» и объехали почти все озеро. Всюду кипела работа. От пресса, упаковывавшего измельченный камыш в тюки, одна за другой откатывали машины, доверху груженные сочным кормом.

— Как видите, засуха засухой, а дело идет,— сказал Иван Федорович.— Главное не паниковать. Ну, недород хлеба, ну, сгорели травы — что ж теперь, караул кричать?! Это бы проще всего. Звонил на днях один приятель, тоже директор совхоза: кормов, говорит, нету, буду сдавать коров на мясо. Сказал я ему кое-какие слова и, само собой, обещал помочь: камыша дам да и сеном поделюсь. Но ведь это ж не дело — сидеть и смотреть на небо: набежит облачко или нет. Действовать надо. Безвыходных положений быть не должно. Мы, например, даже в этом трудном году достраиваем еще один животноводческий комплекс и на четыреста голов увеличим молочное стадо. Ничего, перезимуем! Зато на следующий год будет урожай, каких не видывали. Это уж точно. После засухи всегда так...

А потом мы побывали на поле, где работал комбайнер Иван Бачмановский. Пшеница низкорослая, но надо было видеть, как тщательно и аккуратно вел он свою «Ниву». А когда, разгружая бункер, нечаянно рассыпал полведра пшеницы, стремглав соскочил на землю и собрал все, до последнего зернышка.

— Как же иначе-то?— сказал Иван, когда я поднялся на мостик.— Я это поле пахал, засевал, культивировал. Мы с ним сделали все, чтоб хлеб был... Я-то знаю, что это за поле: пять лет назад намолотил здесь по двадцать пять центнеров и получил орден «Знак Почета». А сейчас сушь. Ну и что, беда может случиться с каждым. Соберу все до последнего колоска и буду готовить землю к зиме. Приезжайте на следующий год — увидите, каким будет это поле!

Мы приедем. Приедем обязательно!

АЯ ЖАТВА

«МЫ РАДЫ СНОВА ВСТРЕТИТЬСЯ

Если у человека дел по горло, а он все же отправляется в гости, то он может идти только к настоящему другу. Сегодня у космонавтов, участников легендарного полета «Союз — Аполлон», очень напряженное время, и все-таки американские астронавты Томас Стаффорд, Вэнс Бранд и Дональд Слейтон прилетели в гости к своим советским коллегам.

20 сентября в аэропорту Шереметьево произошла дружеская встреча. Снова рукопожатия, снова теплые объятия космических братьев, но теперь уже не в просторах галактики, а на московской земле.

— Здравствуйте, друзья! — приветствовал всех по-русски Т. Стаффорд.— Здравствуйте, Алексей и Валерий!

— Мы рады снова встретиться с вами,— ответил А. Леонов.— Последний раз мы виделись с нашими американскими друзьями 19 июля. Это было в космосе. Расставаясь, мы условились встретиться на земле. Есть о чем поговорить, есть что вспомнить. Ведь нам довелось стать участниками небывалой программы международного сотрудничества. Будем рады снова встретиться в Звездном городке, где совместно тренировались к полету, показать нашим друзьям Ленинград, Киев, Новосибирск, Волгоград, Сочи, Тбилиси.

От имени встречающих к гостям обратился академик Б. Н. Петров.

— Ваше пребывание в Советском Союзе будет полезным и приятным,— сказал ученый.— Мы рассматриваем ваш визит как еще один вклад в дело развития сотрудничества между нашими народами и углубления процесса разрядки напряженности.

В ответном слове бригадный генерал Т. Стаффорд сказал:

— Мы чрезвычайно рады, что полет кораблей «Союз» и «Аполлон» сблизил наши народы, открыл новые горизонты в международном сотрудничестве. Мы рады также, что трудная работа уже позади, мы счастливы возможности увидеть вашу страну, побеседовать с советскими людьми.

22 сентября американских и советских космонавтов дружески принял в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Космонавты вручили Л. И. Брежневу памятную плату, посвященную первой международной стыковке пилотируемых кораблей в космосе. Плата была собрана во время совместного полета из частей, доставленных на советском и американском космических кораблях.

Командир корабля «Аполлон» Т. Стаффорд передал Л. И. Брежневу личное приветственное послание президента США Дж. Форда. Со своей стороны Л. И. Брежнев просил передать привет и добрые пожелания президенту Форду.

В состоявшейся теплой, дружеской беседе Л. И. Брежнев поздравил космонавтов с успешным выполнением исторического эксперимента, поинтересовался их самочувствием, впечатлениями о полете и совместной работе в космосе. Он подчеркнул большое научно-техническое значение осуществленного Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки первого в истории международного космического полета, дал высокую оценку мужеству и мастерству экипажей кораблей «Союз» и «Аполлон» и труду многих коллективов ученых, специалистов и рабочих обеих стран, сделавших возможным этот полет.

В ходе беседы были затронуты вопросы дальнейшего развития советско-американского сотрудничества в исследовании и освоении космического пространства.

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕ

Женская общественность нашей страны, руководствуясь принятой на XXIV съезде КПСС Программой мира, активно участвует в кампаниях и акциях миролюбивых сил в защиту мира, международной безопасности и национальной независимости, за разоружение, сотрудничество и дружбу между народами. В связи с Международным годом женщины советские общественные организации приняли участие в подготовке и проведении важных международных конференций, встреч и семинаров. Сейчас советские женщины готовятся к самому крупному событию Международного года — Всемирному конгрессу, который состоится в Берлине 20—24 октября.

Недавно в Кремле под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазурова состоялось очередное заседание Комиссии по проведению Международного года женщины в СССР.

С ВАМИ»

На беседе присутствовали: с советской стороны — заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, и. о. президента АН СССР академик В. А. Котельников, член президиума АН СССР академик М. В. Келдыш, председатель совета «Интеркосмос» академик Б. Н. Петров, технический директор проекта «Союз — Аполлон» от СССР член-корреспондент АН СССР К. Д. Бушуев, руководитель подготовки советских космонавтов летчик-космонавт СССР В. А. Шаталов, заместитель заведующего отделом США МИД СССР В. В. Михайлов; с американской стороны — ответственный за программу «Союз — Аполлон» в Национальном управлении США по аэронавтике и исследованию космического пространства Ч. Ли, руководитель службы НАСА по информации общественности Д. Доннелли и временный поверенный в делах США в СССР Дж. Мэтлок.

На снимке: во время приема в Кремле.

Фото С. Смирнова

БЛАГА ЧЕСТВА

На заседании обсужден вопрос об участии советских женщин в борьбе за мир и национальную независимость народов. В нем приняли участие председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова, секретарь ЦК ВЛКСМ З. Г. Новожилова, заместитель председателя Советского комитета защиты мира О. С. Хархардин, председатель правления Советского фонда мира Б. Н. Полевой, исполняющий обязанности председателя исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Ф. Г. Захаров, председатель президиума Союза советских обществ дружбы З. М. Круглова, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. С. Шапошников и другие.

На снимке: на заседании Комиссии по проведению Международного года женщины в СССР.

Фото А. Гостева

ХОЗЯЕВА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Гюнтер ХЕРЛЬТ,
главный редактор внешнеполитических программ телевидения ГДР

Наши деды говорили: «Каждый — кузнец своего счастья». И ковали его всю свою долгую жизнь, а счастья так и не видели.

Но они открыли важную истину: счастье одного прочно только тогда, когда оно заложено в счастье всех. Общество должно быть устроено так, чтобы человек был объектом его заботы.

Мы сами хозяева своей судьбы. И поэтому нашему социалистическому государству рабочих и крестьян, Германской Демократической Республике, в 26-ю годовщину его рождения мы желаем счастья, и за этим стоит многое. Мы даем клятву сделать все для его успехов и процветания, потому что в этом залог нашего благополучия.

Нынешний год — год тридцатилетия освобождения от фашистского ига. С чувством особой благодарности мы склоняемся перед теми, кто ценой своей крови, пролитой на полях сражений, открыл нам путь в новую жизнь. Мы никогда не забудем, что Советский Союз понес самые большие жертвы ради освобождения Европы. Он нанес решающие удары гитлеровским войскам. С Красной Армией пришел мир в Берлин. Под ее надежным щитом мы начали с фундамента возводить здание нового государства. Под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии мы справились с этой задачей. Советский Союз помогал нам словом и делом. В семье братских народов мы обрели свое счастье.

Наши взоры обращены сейчас к предстоящему IX съезду Социалистической единой партии Германии. Мы многое почерпнем из сокровищницы опыта советских друзей, чей партийный съезд соберется на три месяца раньше.

В преддверии съезда подводятся итоги. Мы можем похвастать немалыми достижениями в народном хозяйстве. Национальный доход за последние четыре года выразился суммой почти в 500 миллиардов марок. Среднегодовой прирост составил не 4,8 процента, как было запланировано, а 5,5 процента — в первую очередь благодаря повысившейся производительности труда.

Экономическая и социальная политика служат одним целям. Перевыполнение плановых заданий повышает материальный и культурный уровень жизни трудящихся. Пятилетняя программа жилищного строительства уже успешно выполнена. Построено или реконструировано 500 тысяч квартир. Производство товаров для населения увеличилось за эти годы с 65 до 80 миллиардов марок, а денежные доходы трудящихся возросли с 79 до 96 миллиардов. И это при твердых ценах. Нельзя забывать и того, что семья из четырех человек расходует на образование, лечение и спорт ежемесячно 511 марок из общественных фондов!

Отношения доверия между партией и народом стали еще теснее. Мы строим развитое социалистическое общество, и пройдена уже значительная часть пути. В наших новых планах, которые разрабатываются сейчас, встают контуры 80-х годов.

Юность знает по опыту старших: как мы трудимся сегодня, так будем жить завтра. Союз свободной немецкой молодежи готовит слет молодых рабочих. Движение «За экономию материалов» принесет народному хозяйству до конца года 750 миллионов марок. 470 миллионов уже на счету его участников. Создана тысяча молодежных объектов по овладению советской сельскохозяйственной техникой.

Год за годом увеличивается рождаемость. За первую половину 1975 года новорожденных появилось на 971 больше, чем за то же время в прошлом году. В соответствии с социальной программой, разработанной VIII съездом СЕПГ, за эти шесть месяцев получили кредиты 38 тысяч молодых супругов.

Последний съезд партии еще раз подчеркнул значение лозунга «Все для блага человека». Для того, чтобы он успешно выполнялся, необходимы внутренние и внешние предпосылки. К внутренним относятся стабильность и динамика нашего экономического развития, гарантированная народная собственность, продуманное планирование, использование новейших достижений науки и техники, сознательность трудящихся — хозяев и творцов нашего экономического потенциала, а также искусство партийного руководства. Объединение материальных и духовных ресурсов братских стран СЭВ, международное дипломатическое признание, которого мы добились, прочный мир — вот внешние предпосылки, без которых невозможно наше благо. Торжественным подписанием в Хельсинки Заключительного акта общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству закреплен поворот от «холодной войны» к разрядке в Европе. Ленинский принцип мирного сосуществования одержал победу над империалистической доктриной «холодной войны». Это источник нашей большой радости.

Германская Демократическая Республика лежит на стыке двух миров. Мы можем наглядно сравнить два противоположных способа производства, два образа жизни. Мы знаем, как миллионы трудящихся в капиталистических странах испытывают страх перед будущим, и знаем его причины. Преимущества социализма бесспорны. Мы — кузнецы своего счастья!

Открытие сессии Совета ОСНАА.

ЗА МИР И СОЛИДАРНО

Выступает заместитель генерального секретаря ОСНАА Азиз Шериф.

Члены палестинской делегации Халед аль-Фахум и Саад Юзеф беседуют с сотрудником ливийского посольства.

Делегаты Намибии А. Шихепо и Ф. Шимбили.

«Что касается Советского Союза, то он будет и впредь вместе со всеми силами, преданными делу мира и свободы, добиваться того, чтобы каждому народу были обеспечены условия для мирной жизни, для свободного развития и национального возрождения. Коммунистическая партия Советского Союза неизменно стоит на стороне тех, кто выступает против империалистической агрессии, национального гнета, неоколониализма, расизма и социальной несправедливости».

Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам XII сессии Совета ОСНАА

Председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки М. Турсун-заде, директор Института востоковедения Академии наук СССР Б. Г. Гафуров и глава советской делегации Ф. А. Табеев среди делегатов XII сессии Совета ОСНАА.

В. ВЛАДИМИРОВ,
В. ЛЕЙБА

Фото А. ГОСТЕВА

В Колонном зале Дома союзов с 17 по 19 сентября проходила XII сессия Совета Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА). Сессия Совета ОСНАА в Москве собралась впервые. В этом представительном форуме приняли участие общественные и политические деятели из 70 стран Азии и Африки, социалистических государств, а также представители 20 международных и региональных организаций.

XII сессию Совета ОСНАА открыл председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки М. Турсун-заде.

Участники сессии с большим воодушевлением встретили приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Его зачитал глава советской делегации, член Президиума Верховного Совета СССР Ф. А. Табеев.

С докладом выступил заместитель генерального секретаря ОСНАА Азиз Шериф.

Примечательно, сказал он, что наша сессия проходит в Москве — столице СССР, первого социалистического государства в мире.

От имени народов, борющихся за свободу и независимость, от имени участников сессии Азиз Шериф выразил глубокую благодарность советскому народу, Коммунистической партии Советского Союза и Советскому правительству за горячий прием, оказанный посланцам народов Азии и Африки.

Сегодня, продолжал оратор, мы обращаемся с глубокой благодарностью к выдающемуся борцу за мир Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу за его постоянную заботу о движении афро-азиатской солидарности, за его огромный вклад в дело мира.

Выступивший глава советской делегации Ф. А. Табеев отметил, что современное движение солидарности народов Азии и Африки представляет собой крепнущее единство антиимпериалистических сил, их решимость уничтожить все формы неоколониальной зависимости, искоренить расизм, добиться торжества мира и безопасности между народами. Для создания такого единства все более сплоченно действуют мировая социалистическая система, международное рабочее движение, молодые развивающиеся страны, все силы национального освобождения.

Делегаты рассмотрели актуальные проблемы антиимпериалистической борьбы, такие, как укрепление единства и сотрудничества сил национально-освободительного движения, демократии и мирового социализма на современном этапе, солидарность в борьбе арабского национально-освободительного движения против импе-

Женщины — делегаты XII сессии Совета ОСНАА (слева направо): Эмма Квартей (Гана), Яри Туре (Гвинея), Та Тхи Кью (Республика Южный Вьетнам), З. Гусейнова (заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки), Ева Ранавири (Шри Ланка), Б. Рамазанова (председатель Казахского комитета солидарности стран Азии и Африки).

Возложение венка к Мавзолею В. И. Ленина.

СТЬ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Т. Виньор и Л. Нугбоде прибыли из Дагомеи.

Представители Республики Южный Вьетнам и Демократической Республики Вьетнам в зале заседаний.

риализма и сионизма, обеспечение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке и осуществление национальных прав палестинского народа, окончательная ликвидация колониализма, апартеида и расизма на африканском континенте. Важное место в обсуждении занимали вопросы поддержания безопасности в Азии общими усилиями всех стран этого континента, а также задачи экономического и культурного строительства, проведение глубоких социально-экономических реформ в странах Азии и Африки, борьбы против неоколониализма и экономической экспансии империализма.

Сессия собралась в момент, когда после успешного завершения общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки происходят дальнейшие благоприятные перемены в пользу разрядки и сотрудничества не только в Европе, но и в Азии и в Африке.

Участники сессии особо отметили тот факт, что в своей борьбе за национальное освобождение, за укрепление уже достигнутой независимости, за плодотворное экономическое развитие молодые государства могут опираться на братскую помощь и содействие Советского Союза и других социалистических стран.

На заключительном заседании в Колонном зале Дома союзов была принята генеральная декларация и резолюция по случаю 30-й годовщины Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом.

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ XII СЕССИИ СОВЕТА ОСНАА

**В. САТХИ,
ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА ИНДИИ,
ГЛАВА ИНДИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ**

— Все прогрессивные политические силы и демократические организации, такие, как профсоюзы, движение за мир и солидарность в Индии, антифашистские организации — все они ставят своей целью борьбу за мир и безопасность в Азии. Для осуществления этой цели должны быть приложены коллективные усилия, и поэтому мы высоко оцениваем идею коллективной безопасности в Азии, выдвинутую Л. И. Брежневым. Если бы мы имели систему коллективной безопасности, то разрядка была бы возможной в Азии, как она стала возможной в Европе. Борьба против идеи коллективной безопасности на азиатском континенте является стратегией всех империалистических и неоколониальных сил, которые не хотят стабилизации и мира на нашем континенте. После поражения в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже США пытаются строить новые военные базы, в частности на острове Диего-Гарсия, где сотни людей были насильственно лишены крова. Для чего создаются эти базы? Только с целью создания реальной угрозы и оказания давления на народы развивающихся стран Азии. В этой связи мы отчетливо понимаем, что стратегия империализма и неоколониализма потерпит полное поражение при условии, что все страны Азии, все страны бассейна Индийского океана объединят свои усилия для выработки договора о коллективной безопасности. Мы за то, чтобы все государства стали участниками этого договора. Однако некоторые страны в Азии не приветствуют эту идею, очевидно, из страха потерять свое влияние в этом районе. Что же касается нас, то мы будем приветствовать любое государство, которое ищет пути создания системы коллективной безопасности. Необходимо выяснить мнения по данной проблеме. Вот то, что необходимо сделать в первую очередь.

Я думаю, что XII сессия Совета ОСНАА принесет большой успех, потому что она проходит в важный исторический момент борьбы народов Азии и Африки за мир, свободу и независимость. Эта борьба достигла своей последней ступени, говоря о крушении колониального господства в Африке. С другой стороны, она набирает силу на Ближнем Востоке, где народы арабских стран полны решимости покончить с экспансионистской политикой Израиля раз и навсегда. Нет сомнения в том, что каждый метр арабской территории будет освобожден, а сионистские агрессоры будут выброшены с захваченных земель.

**ПАТИРАНА ДЖАЛРАТХИ,
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АССОЦИАЦИИ
СОЛИДАРНОСТИ СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ ШРИ ЛАНКА**

— Проведение XII сессии Совета ОСНАА в Москве имеет особое значение в связи с теми событиями, которые происходят в мире. Национально-освободительное движение в мире одержало большую победу: империализму был нанесен сокрушительный удар в Индокитае, в то же время рухнул пятисотлетний колониальный режим Португалии. Для укрепления этих побед, для выработки новых методов борьбы с империализмом на современном этапе необходимо было собраться на такой форум. Вы можете спросить, почему именно Москва была избрана для проведения такой встречи. Я думаю, тот вклад, который вносят советские люди в дело борьбы народов Азии и Африки, позволил нам собраться в городе-герое в знаменательный год 30-летия Победы над фашизмом. Советский народ сыграл основную, решающую роль в деле разгрома фашизма в годы второй мировой войны. Эта победа досталась ценой огромных человеческих жертв для вашей страны. Признание этой роли прозвучало в выступлениях подавляющего большинства делегатов. Разгром фашизма имел непосредственное значение для борьбы против колониального господства, потому что эта победа позволила Индии, Шри Ланка и другим странам завоевать свою независимость. В этом заключается огромное значение XII сессии Совета ОСНАА, проводимой в Москве.

**М. НАЙКЕР,
ДИРЕКТОР ИНФОРМАЦИОННОГО
ОТДЕЛА АФРИКАНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА
ЮЖНОЙ АФРИКИ**

— Москва действительно прекрасный город. Я уже несколько раз бывал в вашей столице. Но особенно хорошо мне запомнился мой первый визит. Еще раньше я интересовался вашей страной, поддерживал политику, проводимую Советским Союзом, являлся сторонником позиции Советского государства по вопросам, касающихся непосредственно нашей страны.

Как бы горячо вы ни поддерживали страну, пока вы не увидите ее своими глазами, вы не можете осознать тех успехов, которых она достигла. И особенно если подвергаешься воздействию средств массовой информации в самой Южной Африке и со стороны Запада, которые постоянно выступают с нападками на вашу страну и пытаются принизить то общество, в котором вам, советским людям, выпало счастье жить; складывается ложное представление о вашей стране: люди нечеловеческого облика, люди в лохмотьях, безработные, голодные, несчастные. И даже если пытаешься противиться этому воздействию, так как веришь в победу социализма, тем не менее невольно закрадываются некоторые сомнения.

Мой приезд в Москву оказался важным именно потому, что он подтвердил правильность моих мыслей и представлений о вашей стране. Тот факт, что Советский Союз успешно развивается и продвигается вперед по намеченному пути, придает мне уверенность, и никакая изощренная пропаганда не в состоянии заставить меня изменить представление о вашей стране.

Во время работы в Москве XII сессии Совета ОСНАА состоялась встреча членов постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Собравшиеся обсудили вопросы, связанные с выпуском журнала «Лотос» и подготовкой к заседанию Исполкома Ассоциации, которое должно состояться в начале 1976 года в столице Иракской республики — Багдаде. В обсуждении вопросов приняли участие Алекс Ла Гума (Южная Африка), Субхас Муккерджи (Индия), Абдель Азиз Садек (АРЕ), Курт Крюгер (ГДР), А. Софронов, А. Косоруков, О. Агзибеков (СССР).

Во время встречи.
Фото А. БОЧИНИНА.

БО

В. ВИКТОРОВ

Два чемпионата мира по тяжелой атлетике в одной стране! Такого, наверное, не знала история спорта. Борцы, правда, оказались, как это им и положено, поворотливее штангистов и в то время как на помост вышли самые маленькие геркулесы, чей собственный вес не превышает 52 килограммов, борцы классического стиля уже закончили соревнования, уступив ковры борцам вольного стиля. Но затем события развивались почти параллельно, и когда в минском Дворце спорта третий отряд борцов-самбистов завершил свой спор, в московском уже были известны чемпионы мира и Европы по штанге в восьми весовых категориях.

От Минска до Москвы 750 километров, и это, казалось бы, лишало возможности болельщиков присутствовать сразу на двух чемпионатах. Но всесильный телевизор каждый вечер вплотную приближал минские ковры к московскому помосту, а тут еще как на одном, так и на другом чемпионате главными действующими лицами были спортсмены двух стран — Советского Союза и Болгарии.

Но если в споре борцов командное первенство спортсмены СССР завоевали абсолютно уверенно (восемь первых мест в классической борьбе, восемь в самбо и четыре золотые медали в вольной борьбе), то советским штангистам пришлось значительно труднее.

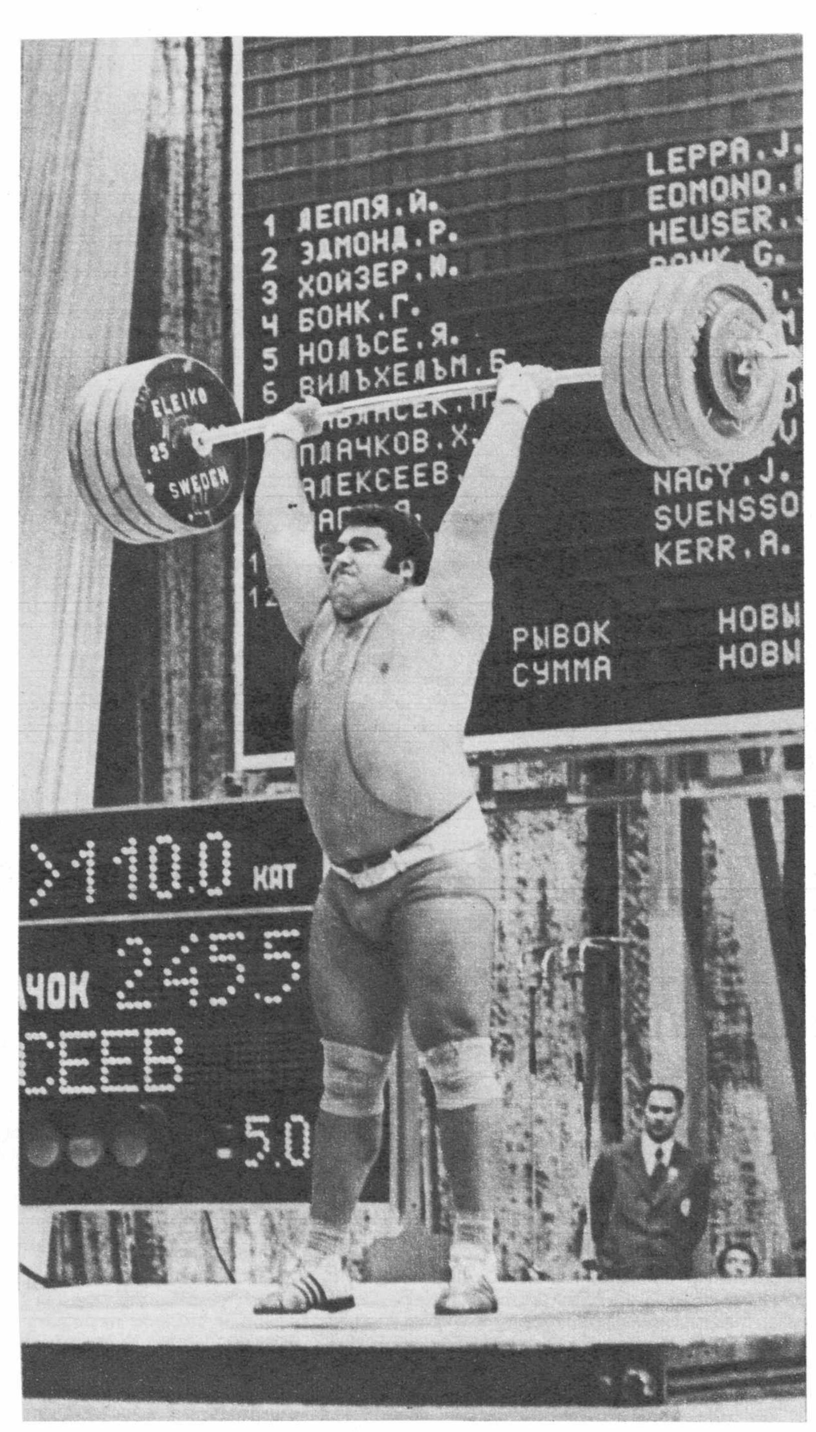
Болгарские тренеры по штанге добились за последние годы огромных успехов, создав команду неисчерпаемых возможностей. На прошлогоднем первенстве мира в Маниле штангистам Болгарии удалось одержать командную победу, и новая встреча советских и болгарских тяжелоатлетов на сей раз в Москве представляла особый интерес.

Насколько возросла за этот год сила штангистов Болгарии? Каковы тактические замыслы болгарских тренеров? Ведь от того, как они распорядятся своими резервами, в каких весовых категориях выставят по два спортсмена, а в каких совсем откажутся от борьбы, зависело очень многое. И вот первый сюрприз: в наилегчайшем весе болгары не выставили своего спортсмена, и золотая медаль у знаменитого польского атлета Зигмунда Смальцежа, а Александру Воронину досталась лишь серебряная.

Болгары начали свои выступления с легчайшего веса, выпустив на помост своего прославленного штангиста Атанаса Кирова, трехкратного чемпиона Европы и двукратного чемпиона мира, мы же на сей раз сказали «пас». Таким образом болгары повели в счете, а после выступления штангистов полулегкого веса, где наш Николай Колесников встретился с чемпионом и рекордсменом мира Георги Тодоровым, болгары вписали в свой актив еще одну золотую медаль (Тодоров не только добился победы, но и улучшил свой мировой рекорд сразу на 5 килограммов).

Но дистанция была восстановлена уже на следующий день, когда советский штангист Петр Король выиграл в легком весе у поляка Збигнева Качмарека и болгарского спортсмена Младена Кучева. И снова пауза: спортсмены двух стран на этот раз не встретились в полусреднем весе, мы не выставили своего штангиста, а борьба двух болгарских атлетов — Иордана Миткова и Недельчо Колева — со штангистом из ГДР Петером Венцелем закончилась сенсационно: победой немецкого спортсмена.

ГАТЫРСКИЙ РАЗМАХ

Василий Алексеев — непобедим! Он выжал 187,5 килограмма, вытолкнул 240 килограммов и с новым мировым рекордом в шестой раз завоевал титул чемпиона мира. А в четвертой попытке Алексеев сделал то, что не удалось Валентину Христову — вытолкнул 245,5 килограмма.

И все же команда Болгарии уверенно двигалась к финишу, хотя всем было ясно, что главные схватки впереди. И вот на помосте штангисты среднего веса. Нашу команду представляет Валерий Шарий (его собственный вес 82,05), болгарскую— Трендафил Стойчев (он на 350 граммов тяжелее), и хотя штангисты набрали одинаковую сумму — 357,5 килограмма, Шарий получил золотую медаль.

Все мы с огромным интересом ждали выступления трехкратного чемпиона мира, обладателя мирового рекорда (395 килограммов!) в полутяжелом весе Давида Ригерта. Видимо, не надеясь одолеть его, болгарские тренеры своего спортсмена не выставили, но борьба от этого нисколько не увяла. Наоборот, то, что произошло в тот вечер во Дворце спорта, запомнится надолго всем присутствующим.

Давид Ригерт, выступая с травмой, полученной на тренировке, и лидируя после рывка, не смог использовать двух своих попыток в толчке. У него оставался всего лишь один подход, еще одна возможность поднять штангу весом в 210 килограммов. Но советский спортсмен, проявив огромную волю к победе, безукоризненно точно поднял огромный вес и завоевал чемпионский титул, а на вторую ступеньку пьедестала почета поднялся его товарищ по команде Сергей Полторацкий.

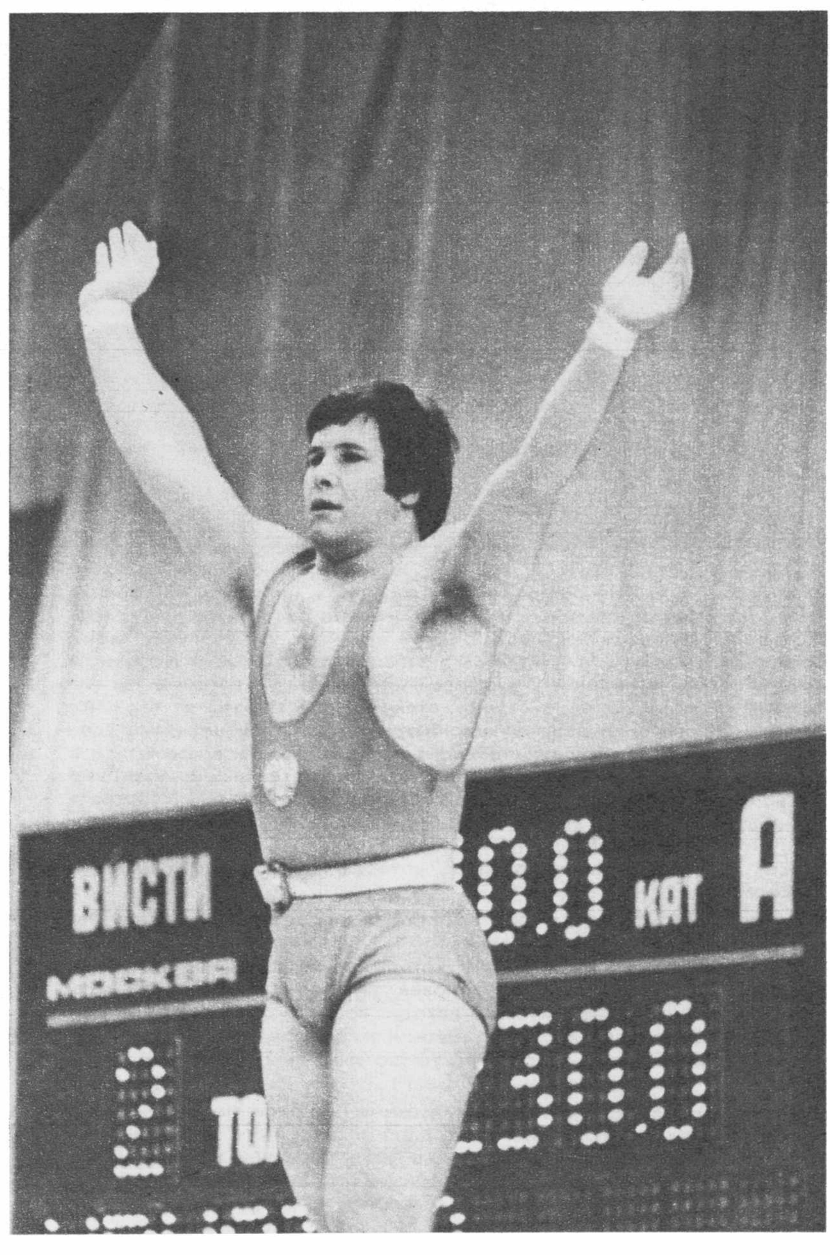
Таким образом перед встречей атлетов первого тяжелого веса, команда СССР, завоевав еще 21 очко (12 — за первое место и девять за второе), обогнала команду Болгарии на 11 очков и теперь многое зависело от того, сумеет ли наш штангист первого тяжелого веса Василий Мажейков в борьбе с болгарским атлетом Валентином Христовым и двумя штангистами из ГДР Юргеном Цицке и Петером Кексом закрепиться на одном из призовых мест.

Но события, развернувшиеся в предпоследний вечер чемпионата, заставили всех забыть о меркантильных расчетах. Вечер 22 сентября стал поистине большим праздником тяжелоатлетического спорта. Всех покорил девятнадцатилетний Валентин Христов, ученик одиннадцатого класса. Он стал заниматься тяжелой атлетикой всего три года назад, а на чемпионате мира среди юниоров, в этом году обновил все мировые рекорды для взрослых атлетов. И вот теперь на московском помосте, удивительно легко, задорно, вдохновенно Христов улучшил все свои рекорды, вырвав штангу весом 180 килограммов, вытолкнув 237,5 килограмма и набрав сумму в 417,5 килограмма. Но и этим он не ограничился. В четвертом подходе Христов пытался вытолкнуть штангу весом в 245,5 килограмма, побить рекорд самого Алексеева!

...Этого Христову не удалось, но жест его был совершенно ясен. Он как бы заявил: «Иду на вы». Да, через год-другой мы увидим в Валентине Христове нового Василия Алексеева. А пока после встречи со штангистами первого тяжелого веса нам предстояла встреча со штангистами второго тяжелого веса, с Василием Алексеевым и его главным соперником болгарским штангистом Христо Плачковым.

Перед последним днем чемпионата судьба командного первенства была решена — Василий Мажейков выполнил свою задачу: занял второе место после Христова и не дал болгарским спортсменам наверстать упущенное, но спор Василия Алексеева уже не заочный, как с Христовым, а очный со штангистом, который недавно побил его мировой рекорд в рывке, конечно, представлял огромный интерес.

Валентин Христов принимает поздравления. **Фото А. БОЧИНИНА**

Николай РОМАДИН,
народный художник СССР

ПОЭЗИЯ ПЕЙЗАЖА

Пейзаж... Вот уже больше века, как он прочно завоевал свое место, и я должен сказать с гордостью, что русская, советская пейзажная школа—одна из ведущих в мировом искусстве живописи—отличается особой человечностью, духовностью и лиризмом.

Но хотя пейзаж, пожалуй, наиболее свободный из всех видов живописи и по композиции и по колориту, все же он предъявляет к художнику, который посвятил себя этому жанру искусства, самые высокие требования. Ведь тот, кто отдал свое сердце, талант природе, обязан особенно тонко, обостренно чувствовать натуру во всех ее бесчисленных, порою почти неуловимых по быстротечности состояниях. Пейзажист должен уметь глубоко проникать в самую душу натуры, его не должно покидать ощущение природы как живого, близкого ему, родного существа.

Мне приходят на память слова замечательного русского прозаика Ивана Бунина из «Жизни Арсеньева»: «Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидал легкий и таинственный полусвет в комнате, а в большое незавешенное окно — бледную и грустную осеннюю луну, стоявшую высоко, высоко над пустым двором усадьбы, такую грустную и исполненную такой неземной прелести от своей грусти и своего одиночества, что и мое сердце сжали какие-то несказанно-сладкие и горестные чувства, те самые как будто, что испытывала и она, эта осенняя бледная луна».

Эти прекрасные слова, думается,— пример особого, обостренного чувствования природы, которое и позволяет живописцу передать в пейзаже то, что связано с его собственным, сокровенным, глубоко пережитым. Такое интимное, взволнованное ощущение мира есть в пейзажах Алексея Васильевича Киселева.

Открыть людям прелесть и очарование привычных, хорошо известных мест, понять и передать ежедневно, ежечасно меняющееся настроение природы, увидеть и почувствовать состояние земли, небес, облаков, деревьев и травы, оживающих под веселым весенним солнцем или готовящихся к приходу зимы, замирающих от порывов леденящего северного ветра или пребывающих в нежной истоме знойного июльского дня,— каждый пейзажист стремится к этому, и каждый истинный художник делает это по-своему.

Собираясь писать о художнике Алексее Васильевиче Киселеве, я вспомнил слова К. Паустовского о том, «что простой русский человек из всех видов искусства любит, пожалуй, больше всего живопись, особенно когда она открывает ему прелесть хорошо знакомых обжитых мест. «Вот они какие, наши места! — говорят в таких случаях с гордостью земляки такого художника. — А мы-то думали, что у нас, почитай, ничего интересного нету — одни поля да овраги, мосточки да реки».

Алексей Киселев родился в прославленных русских пейзажных краях — на калужской земле. Здесь создавали картины Поленов, Борисов-Мусатов и Крымов, бывали Белинский и Гоголь, Достоевский и Л. Толстой. По сей день это излюбленные места, современные «пенаты» многих писателей и художников.

У Киселева есть этюды, полотна, написанные в окрестностях Москвы, на Сенеже, на Северном Кавказе, в Чехословакии. Но крепче всего он связан с родным селом Ульяново, большинство его работ создано именно в тех краях.

Художник встает обычно затемно, выходит с этюдником еще до восхода солнца. Его не останавливают ни мороз, ни стужа, ни осенняя слякоть, ибо только наедине с природой можно постичь ее душу, проникнуться ее величием и красотой, найти в ней то, что созвучно твоим собственным мыслям и чувствам. У этого мастера особая любовь к природе, особая искренность в отношении к пейзажу, которые так необходимы и которые так выгодно отличают его работы от тех, что созданы «кабинетными репродукционистами», которые называют свое творчество освоением художественного наследия. Эта искренность и в том, как ловит он переливы света, как подмечает тончайшие цветовые нюансы, с какой непосредственностью старается запечатлеть «портрет» того небольшого уголка земли, который выбирает для живописи.

Калужские края особенно поэтичны, и это ощущается в лирической мягкости и духовной наполненности, которые свойственны пейзажам А. Киселева.

Его скромная московская мастерская вся заставлена и увешана работами, очень правдивыми и серьезными. Они свидетельствуют об огромном, самоотверженном труде, который вызывает неподдельное уважение: диву даешься, как этот человек, активно занимающийся вопросами и делами нашего искусства, находит время и силы для творчества, для поисков самостоятельного пути к живописи. Чтобы так работать, надо действительно любить искусство любовью чистой, бессребреной.

Главное в пейзажах Алексея Васильевича — верное понимание светотона, или, как говорят, валера. Благодаря знанию этого закона можно выразить состояние солнечного летнего утра, весенней ночи, зимнего дня. Без понятия тона нет пейзажа. Только находя тончайшие колебания света, можно передать внутреннее состояние природы, ее настроение. Искусство валера—дело тонкое, требующее высокого мастерства.

К сожалению, сейчас некоторые художники отклонились от валерной живописи. Живопись подменяется графичностью, а за всевозможными измышлениями, далекими от натуры, от ее естественной красоты и сложности, скрывается подчас полная беспомощность.

«Реализм родит глубину и всесторонность»,— говорил М. Врубель. Да, реализм — это единственно верная дорога в искусстве. Для овладения им пейзажисту необходимо посвятить себя постоянному, ежедневному наблюдению природы. Как тон в музыке, как одна только строчка Пушкина может перенести нас в мир, созданный могучим воображением и талантом, так и в живописи верно взятый тон вводит нас в мир света, красок—радости и весны, в таинственное окружение ночи, в пору зимней стужи или летней яркости, праздничности.

Раннее майское утро. Ласковое тепло солнечных лучей, воздух, насыщенный дыханием земли, ароматами молодых, сочных листьев, хвои, травы... Наверное, не найдется во всем свете человека, сердце которого не затрепетало бы от радости, от того высокого наслаждения, которые дарит природа. Из душных, пыльных городов люди тянутся в облюбованные уголки, в леса, на реку, побродить по лесным тропинкам, вдохнуть терпкие ароматы луговых цветов, наглядеться вдоволь на изумрудную зелень листвы, зеркальную гладь озер и лазурную синеву небес. Да и в городе мы стремимся украсить наши квартиры полевыми растениями или срезанной во время таких прогулок причудливо изогнутой веткой с яркими соцветиями. Почти в каждой комнате, как обязательную принадлежность, мы встретим пейзаж — в виде репродукции, небольшого этюда или эстампа. Скромная картина готовит глаз и чувства к восприятию красоты, неповторимости окружающего мира, она настраивает душу в унисон с природой, заставляет глубже чувствовать, сильнее любить свое Отечество.

Как истинный художник, А. В. Киселев далек от рабского «списывания» природы. Она живет в его полотнах, неповторимая и своеобразная, то светлая и звонкая, то элегическая, грустная, драматически-напряженная.

Если бы художники занимались лишь хитросплетением локальных, открытых цветов, живопись не имела бы столь великого значения для человечества. В том-то и состоит искусство, чтобы в одном, пусть даже небольшом пейзаже передать гармонию мира, целесообразность и великую силу природы. В динамичных цветовых ритмах полотен А. Киселева, в том, как энергично и свободно он кладет мазок, мы чувствуем остроту восприятия окружающего нашим современником, ибо время, эпоха, ее стиль накладывают неизбежный отпечаток на произведение. Выработанное с годами мастерство освобождает чувство и мысль художника, ему не надо думать о преодолении технических трудностей, которые неизбежно возникают в процессе работы. И он свободно переносит на полотно свои впечатления, осознанные и продуманные.

Живопись, как и слово,— прекраснейшая возможность для человеческого общения, установления духовного родства. В отличие от других искусств живопись воспринимается мгновенно, хотя любоваться ею можно до бесконечности. Ее «вечный», понятный всем язык (я имею в виду, конечно, реалистическое искусство) доносит образы, мысли и чувства, волновавшие художника; его радости и печали становятся близкими каждому зрителю, любящему искусство.

Станковая реалистическая живопись в отличие от модернистских ухищрений обладает живым, тонким, бесконечно разнообразным художественным языком, имеет в своем арсенале высокую технику и огромный опыт мастеров, который передается, как эстафета, от поколения к поколению. Только она в силах решить сложные задачи, передать все модуляции света, тон неба, воздух, пространство и такие явления, как туман, сырость, холод, — вообще все состояния переменчивой природы.

Так называемая декоративная, локальная живопись не в состоянии выразить всю многозначность видимого мира. Отход от станковой живописи ведет к упрощению колорита, условности формы, к грубости и «вкусовщине». Ложные, нарочито яркие или, наоборот, тусклые, умбристые тона не создают среды. Предметы становятся как бы раскрашенными, а сами произведения представляются неискренними. Какими бы названиями такая живопись ни прикрывалась, мода на нее временная; подобное «новаторство» неизбежно изживает себя перед великой и вечной правдой реалистического искусства.

Художники-пейзажисты в станковых работах постоянно ставят и решают новые задачи, открывают незаметные ранее красоты своей земли. Все эти поиски художественной выразительности говорят о подлинной творческой свободе мастеров, об их глубокой любви и нежности к Родине.

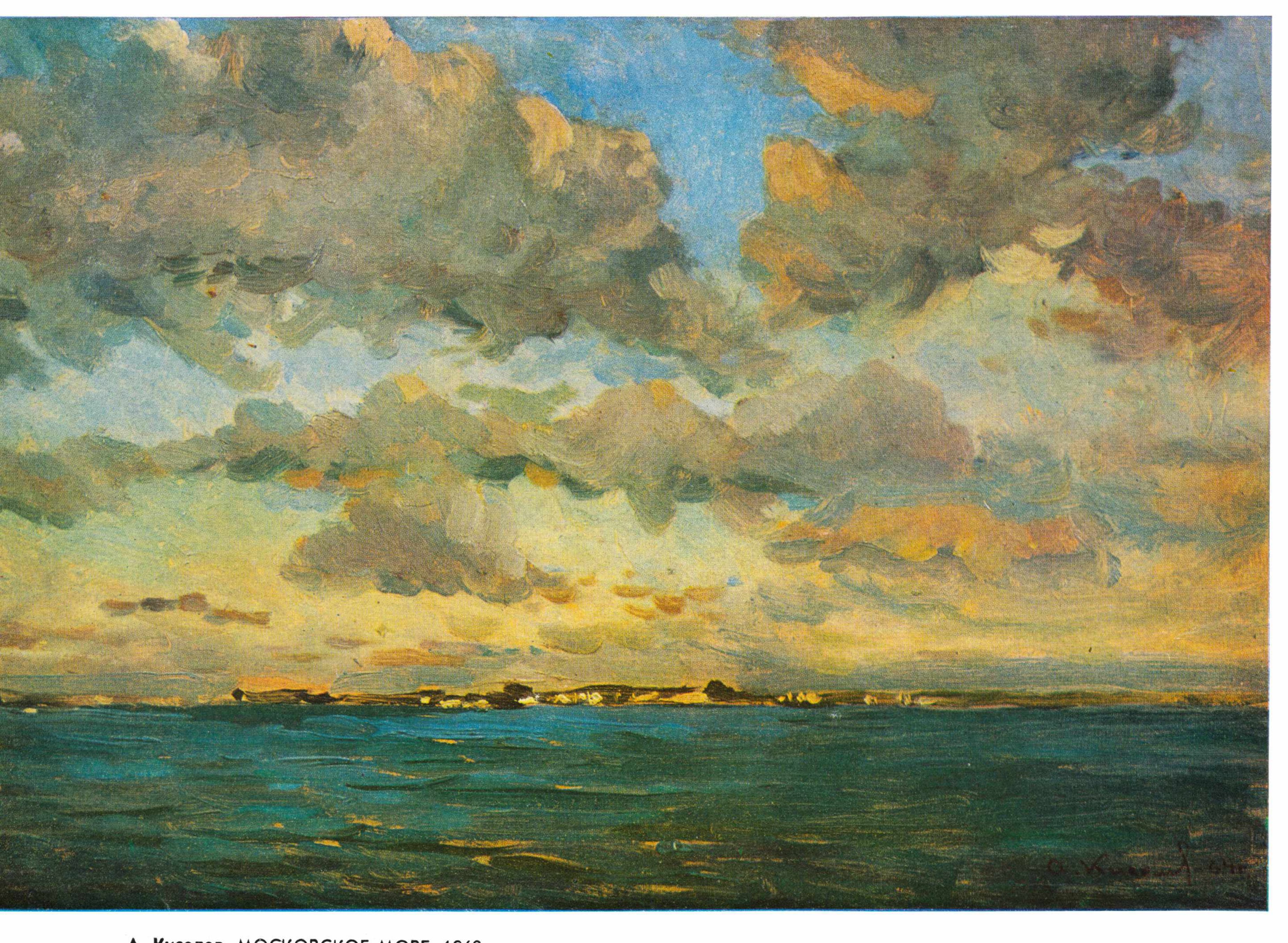
Такие размышления возникли у меня на выставке пейзажей заслуженного деятеля искусств РСФСР Алексея Васильевича Киселева, которая состоялась не так давно в Москве. Его картины свидетельствуют о верном пути, который он избрал в искусстве.

Эти мои небольшие заметки хочется закончить стихами Ф. Тютчева:

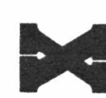
Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик—
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

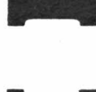

А. Киселев. Род. 1914. НАЧАЛО ОСЕНИ. 1967.

А. Киселев. МОСКОВСКОЕ МОРЕ. 1960.

МОСКВА

Заместитель сердца

Сколько времени человек может жить без сердца? Минуту? Две? Специалисты отвечают на этот вопрос более определенно: 5—6 часов. Именно столько времени может длиться сегодня операция на сердце, отключенном от человеческого организма.

Хирургу намного легче работать на «сухом» сердце. Он может и вскрывать его, и заменять сердечные клапаны, и зашивать отверстия в перегородках. В течение продолжительного «ремонта» кровообращение в организме поддерживается временным заместителем сердца. Таким заместителем является аппарат искусственного кровообращения (АИК). Он позволяет проводить и оживление человека при скоропостижных смертях, даже если организм некоторое время находился в состоянии клинической смерти.

Основные узлы АИКа: искусственное сердце — механический насос, перекачивающий кровь, и искусственные легкие — оксигенатор, в котором происходит насыщение крови кислородом и очищение ее от углекислого газа.

Среди семейства советских аппаратов искусственного кровообращения один из самых интересных — АИК-БО-1. Он сконструирован инженерами Всесоюзного научно-исследовательского института медицинской техники совместно с врачами Института сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева.

Перед создателями сложного аппарата вставало много трудностей, ведь коллоиды белка, входящие в плазму крови, неустойчивы к внешним механическим воздействиям.

Новый аппарат примечателен тем, что позволяет меньше травмировать кровь, ибо операции с его помощью можно проводить в барокамере с повышенным давлением. Оно-то в конечном итоге и приводит к меньшим разрушениям крови.

В клинике имени А. Н. Бакулева с помощью нового аппарата проведено уже более 40 успешных операций.

А начиналась история искусственного сердца еще в 1924 году. Впервые в мире с помощью аппарата искусственного кровообращения советский ученый С. Брюхоненко поддерживал жизнь в отделенной от туловища голове собаки. «Русское чудо» — так называли за рубежом этот опыт.

С. ВЛАСОВ

ОДЕССА

Производительность труда поднимает... музыка

Самый разгар рабочего дня. В цехах дружно гудят станки. А в это время два десятка рабочих сидят в мягких, удобных креслах посреди просторной тихой комнаты, слушают музыку Чайковского и любуются дивными пейзажами.

Кто же эти люди — нарушители трудовой дисциплины? Нет, они четко соблюдают распорядок трудового дня. И их общение с миром прекрасного в рабочее время запланировано!

Такая комната — называется она комнатой психологической разгрузки — вот уже второй год действует на одесском заводе «Стройгидравлика». Как установили специалисты, через два с половиной—три часа после начала работы у человека появляются первые признаки утомления, и кривая его работоспособности начинает падать. Как раз в это время в цехе загорается табло: «Комната психологической разгрузки свободна». А после окончания сеанса медицинские приборы показывают, что состояние рабочих значительно улучшилось, настроение поднялось, наступил прилив новых сил.

Что же происходит в этой комнате? Происходит воздействие на человека трех факторов: цвета, музыки и самовнушения. Между прочим, перед первым посещением комнаты рабочие проходят специальное обучение аутотренингу.

И вот начинается сеанс. Вы поудобнее усаживаетесь в глубокое кресло и стараетесь расслабиться. Приятный голос диктора убеждает вас, что вы спокойны, вы отдыхаете, вас ничто не тревожит. Загораются цветные витражи с пейзажами. Их задача — отвлечь рабочих от напряженной обстановки цеха. Нежное щебетание птиц как бы подготавливает вступление музыки — медленной, спокойной. Но вот освещение становится интенсивней, слева загораются экраны зеленого цвета. «Музыка вас успокоила, вы хорошо отдохнули»,— поясняет голос диктора, и с ним трудно не согласиться. Наконец, загорается красный, возбуждающий свет, и бодрый марш завершает этот 10-минутный сеанс.

Комнату посещают прежде всего рабочие, находящиеся на сдельной оплате труда, то есть именно те, кому особенно дорога каждая минута. Легко представить, как они встретили предложение посетить комнату психологической разгрузки. Идти в разгар работы в кабинет с какими-то цветными картинками и слушать музыку! Многие согласились на это лишь ради эксперимента, ради науки. Результаты превзошли все ожидания — производительность труда на заводе повысилась в среднем на 8 процентов. И комната прочно вошла в жизнь завода.

М. СЛУЦКИЙ

МИНСК

Два миллиона в целлофане

С каждым годом растет потребность в целлофане. Тонкая прозрачная пленка сохраняет белизну рубашек и свежесть сыра, защищает от всевозможных неожиданностей таблетки лекарств, цветы...

А начинает свой путь к заказчику целлофан в рулонах. Но когда такой рулон получают и пытаются его размотать, тут-то и начинаются неприятности. Значительная часть пленки слипается. Пытаясь ее разлепить, пленку царапают, режут ножом, подцепляют ножницами. Сколько целлофана при этом идет в отходы!

Сотрудники Института физико-органической химии Белорусской Академии наук под руководством И. Ф. Осипенко совместно с работниками Могилевского ордена Октябрьской революции завода искусственного волокна имени В. Куйбышева нашли способ предотвратить слипание пленки. Стоит добавить в исходный раствор небольшое количество изобретенного ими вещества — ученые назвали его антиблоком,— и целлофан словно преображается. Увеличивается его прочность, улучшаются качества, эластичность. Пленка теперь не ломается и рвется с большим трудом. А главное, не слипается.

Письма со всех концов страны с просьбами поделиться рецептом нового препарата и отклики с предприятий, где уже применяется изобретение ученых,— свидетельство его эффективности.

Сегодня интересной новинкой оснащают все предприятия страны, производящие целлофан. Процент отхода снизился почти в три раза. Экономический эффект — свыше двух миллионов рублей.

В. КРАМОВА

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Хлеб наш насущный

Северо-Кавказский научный центр создан немногим более четырех лет тому назад в Ростове-на-Дону. Среди многих проблем, которыми занимаются ученые центра, важное место уделяется помощи колхозам и совхозам.

Я отправился в Ростовский университет, на биолого-почвенный факультет, к заведующему кафедрой генетики и цитологии доктору биологических наук, профессору Ивану Федоровичу Лященко. Полвека отдал этот человек любимой науке.

— Наша лаборатория создает сорта озимой пшеницы с повышенной зимостойкостью,— рассказывает профессор.— Уже доказано, что гибриды, полученные от скрещивания нового сорта пшеницы со слабозимостойкими сортами, в суровые годы переносили холода благополучно. Кроме того, они обладают и высокой засухоустойчивостью. Перед селекционерами стоит еще более важная задача — добиться получения сорта, сочетающего высокую зимостойкость с высокой урожайностью. Приблизиться к решению этой проблемы нам помог метод экспериментального мутагенеза — воздействия химических веществ на зародышевые клетки. В качестве исходного материала мы взяли озимую пшеницу «безостая-1», выведенную академиком П. П. Лукьяненко. Она обладает высокой урожайностью и комплексом ценных экономических и вкусовых качеств.

Как показал опыт прошлого года, полученные мутанты даже превысили урожайность «безостой-1». Таким образом, путь химического мутагенеза оказался весьма обнадеживающим. Теперь надо выяснить природу этих стойких наследственных изменений...

— Какие еще исследования ведутся вашей лабораторией?

— Начаты работы по изучению путей, направленных на борьбу с вредным паразитом подсолнечника — заразихой. Дело в том, что с некоторых пор появились более агрессивные «расы» вредителя. Они поражают все селекционные сорта подсолнечника. Мы уже располагаем большим исходным материалом для действенной борьбы с этим опасным паразитом.

Г. ГОНЧАРЕНКО

ЩЕКИНО

Воду очищает... пламя

По рекам любой развитой страны ежегодно протекают миллиарды кубометров загрязненных, сточных вод. Нередко в них содержатся такие вредные вещества, ядовитее которых в природе трудно отыскать. Как их обезвредить?

Пробовали делать это концентрированной серной кислотой — не помогло. Отдавали на съедение бактериям — им эта «пища» пришлась не по вкусу. Уничтожали высокоимпульсным электрическим разрядом — даже «молния» оказалась бессильной. И тогда специалисты решили, что самый надежный и экономически выгодный способ очистки сточных вод — сжигание.

В конце прошлого года установка огневого обезвреживания стоков была внедрена на Щекинском химическом комбинате. Разработали ее специалисты производственного объединения «Техэнергохимпром» и Московского энергетического института.

Создание установки было целой революцией в деле обезвреживания сточных вод, ибо ни один из существующих ранее методов очистки — ни механический, ни химический, ни биологический, ни сорбционный — не был столь эффективен, как огневой метод, который полностью позволяет обезвреживать промышленные отходы самого сложного и разнообразного состава.

Сущность огневого метода заключается в том, что сточную воду, попросту говоря, сжигают в печке при огромной температуре. Печь эту называют циклонным реактором, или просто — циклоном. Назвали ее так совсем не случайно: вода, которую впрыскивают в реактор, попадает в огненный вихрь, созданный горящим газом. В нем возникают отличные условия для полного выжигания ядовитых примесей. Тепло образованных при реакции дымовых газов используется для нагрева воды, а минеральные примеси выводятся из печи в расплавленном виде. Нередко они содержат даже полезные вещества, например, капролактам, из которого можно получать синтетический шелк и капроновый корд для шин, мех и морские канаты.

При сжигании ядовитых отходов капролактама образуется ценнейшее вещество — кальцинированная сода, столь необходимая стекольной промышленности и цветной металлургии. Вот такой парадокс: яд превращается в полезный продукт.

В. СЕРГЕЕВ

Евгений ОСЕТРОВ

ВЛАСТЕЛИН СЛОВЕСНЫХ ТАЙН

Искусство корнями своими всегда связано с породившей его землей.

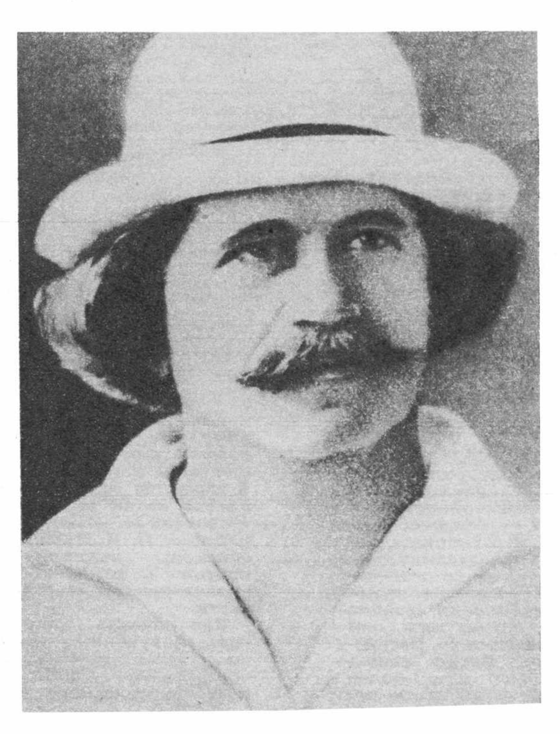
«Слово о полку Игореве»— это южные степи, ковыльные, опьяняющие медвяными запахами трав. Есенинская лирика — «страна березового ситца» и рязанские раздолья. Михаил Шолохов неотделим от тихого Дона. Сергеев-Ценский, выросший на тамбовской земле, немыслим все-таки без Черного моря, гористых берегов Крыма, уютной зеленой Алушты и без Севастополя, чье имя для всего мира — символ подвига.

Величественная фигура Ценского естественно вошла в синевато-туманный крымский пейзаж. Когда я поднимаюсь на поросшую миндалем гору, возвышающуюся над морем возле Алушты, то в душе рождается ожидание: вот-вот из-за густого виноградника, пахнущего сладко и пряно, появится могучая седовласая голова. Бродя по улицам Севастополя, где каждый замшелый камень — памятная военная страница,— я жду, что, наверное, на ступеньках Графской пристани встречу создателя «Севастопольской страды». Ее невыдуманные герои здесь вспоминаются чуть не на каждом шагу. Добрая и несколько печальная женская улыбка воскрешает в памяти образ Даши Севастопольской. Легкая походка юного мичмана напоминает о матросе Петре Кошке, чья находчивость в разведке стала легендарной.

Есть нечто знаменательное в том, что первые шаги в литературе, сделанные Сергеевым-Ценским, заметил автор «Севастопольских рассказов»— Лев Николаевич Толстой. Судьбе было вольно распорядиться так, что в сельском тамбовском сухопутье будущий писатель рано услышал шум моря. В семье жило предание о беспримерной обороне,— участником ее был и отец юного стихотворца. Молодой человек увлекался «Илиадой» и «Одиссеей». Переводы Гнедича и Жуковского — как много значит, что мы читаем в детстве и юности!— навсегда вошли в жизнь писателя, дали импульс эпическому началу его творчества.

Много десятилетий спустя, в мае сорок второго года, когда Сергей Николаевич Сергеев-Ценский был уже известным романистом, автором обширной «Севастопольской страды», полный текст которой занимает три толстых тома, защитники морских ворот Крыма писали ему: «Севастопольская страда» воюет вместе с нами. Она защищает Севастополь...» Примечательно, что название книги Сергеева-Ценского прозвучало тогда и в Лондоне, в английском парламенте. О ней упомянул Уинстон Черчилль, отвечая на один из запросов, связанных с отношением к воюющей России.

Большие формы литературы с неодолимой притягательной силой влекли Сергеева-Ценского. Но дорога к себе всегда трудна. Первоначально в печати появились стихотворения в прозе — это была превосходная школа ученичества. Многих ценителей пленила поэма «Печаль полей». Трудно было устоять перед искушением отправиться в столицы и поселиться там, где «шумят витии»,— в Москве, Петербурге. Но Сергей Николаевич избрал иной и особый путь. Он приобрел пустынный участок на берегу Черного моря, возделал его, построил дом, который и стал именовать своей «литературной мастерской». На карте России появилось новое художественное гнездо,— вскоре в Алушту явился Куприн, пожелавший

С. Н. Сергеев-Ценский. 1928.

первым познакомиться с крымским отшельником.

Уединение способствовало многочасовому ежедневному труду за письменным столом. Нет, художник и не думал укрываться от бурной действительности. Он понимал, что особенность писательской работы заключается в том, чтобы не дать увлечь себя потоку суеты. Здесь-то, в алуштинском доме, и родился грандиознейший из литературных замыслов С. Н. Сергеева-Ценского.

Работа длилась десятилетия и привела в конце концов к созданию эпопеи «Преображение России». Она состоит из двенадцати романов, трех повестей и двух этюдов. Писателю не удалось довести дело своей жизни до конца, но написанное им составило без малого двести авторских листов. Художник жил в эпоху, которая потрясла и изменила мир, облик и души народов. Стремясь в широкой эпической форме воспроизвести исторические перемены, происходящие в России, Сергеев-Ценский предельно уплотнил романы. Критика не раз отмечала, что по «плотности населения» эпопея занимает одно из первых мест в отечественной романистике. Перед глазами читателя проходит около трехсот литературных героев. Дело, разумеется, не в количестве персонажей. Движение жизни писатель рассматривает как эволюцию характеров. В центре мироздания, созданного художником, два героя — Человек и Время, непрерывно взаимодействующие, отражающиеся один в другом.

Примечательны соображения романиста, что для понимания человека важно не только то, что он говорит, но и как он говорит, какими именно словами и с какими интонациями:

«Я вывел в своих произведениях тысячи людей, стремясь к тому, чтобы каждое лицо у меня говорило своим, только ему одному свойственным языком... Причина этого — моя память. Мне часто приходилось ездить там, где любят поговорить по душам, и я только сидел и слушал...»

Весь творческий путь Сергеева-Ценского был озарен вниманием и поддержкой со стороны Максима Горького. Уже в 1912 году он писал, что Ценский — «самое крупное, интересное и надежное лицо во всей современной литературе», что читать его — «огромное наслаждение». Что же привлекало Горького на протяжении всей жизни в творениях романиста? Правда жизни, запечатленная, как тогда было принято говорить, в формах самой жизни. Прочитав в начале двадцатых годов «Преображение», он взволнованно отметил: «...очень хорошую книгу написали... Властно берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настояще русское. На меня оно всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой как это хорошо, и до чего наше, русское, мое!» В своих отзывах о Сергееве-Ценском Максим Горький, обращая внимание на то, что романист продолжает традиции Достоевского и Лескова, постоянно также подчеркивал, что писатель — редкостный мастер пейзажа.

Именно в картинах природы развернулся многокрасочный живописный талант художника, видевшего окружающее в ослепительном богатстве красок и пластическом разнообразии.

Крым, древнюю каменистую землю, побратавшуюся с морем, воспевали многие, но в произведениях Сергеева-Ценского щедрость крымской весны, знойные краски лета, осенняя пестрота природы нашли свое современное воплощение. Сергеев-Ценский редко прибегал к аллегориям. Он предпочитал «вещный» взгляд на мир. Горы, виноградники, долины, водопады и, конечно, море заблистали под его пером во всем колористическом разнообразии. Напрашивается сопоставление прозаических картин Сергеева-Ценского с пейзажами юного гения русского реалистического искусства Федора Васильева или с крымскими фантазиями Константина Богаевского, пристрастно передававшего фиолетовыми красками солнечный цвет, воз-

дух и пространство. Более же всего творчеству Сергеева-Ценского родственны марины Константина Айвазовского,— их сближает не только всепоглощающая любовь к Черному морю. Сергеев-Ценский, как и Айвазовский, великолепно чувствовал морскую стихию, ее безбрежность, глубину, фантастическую изменчивость — от штилевой безмятежности до девятого вала. А горы, Крымские горы... Откроешь том писателя, и вновь поднимутся перед глазами выжженные солнцем старые камни, столько повидавшие, упрямо повитые виноградной лозой.

У кого, скажите, еще мы найдем, например, такое описание: «А к апрелю горы, как гусенята, в желтоватом пуху дубов и буков, и не тяжелые, мягкие, жмурые: так и хочется протянуть к ним руку, погладить. И все как-то блаженно глупеет, переливается, лучится, прячется одно за другое, и море между горами сзади и небом спереди тоже какое-то лазоревое, наивное, вот-вот качнется и закачается сразу все целиком, справа налево, слева направо, мерно и плавно, точно детская люлька».

В этих словах чувство Крыма передается не только лексикой, но и мерным прозаическим ритмом,— его присутствие всегда ощущается в творениях романиста. И вспоминается, что Максим Горький называл Сергеева-Ценского «властелином словесных тайн» и «живописцем, каких ныне нет у нас».

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Сергеев-Ценский обратился к воспроизведению образов и эпохи, связанной с жизнью и творчеством Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Эти повести при всей полемической спорности отразили поиски художника, его напряженные раздумья о смысле жизни и искусства, о бытии и смерти, таланте и гении, о соотношении личности и времени. Нам еще предстоит внимательно прочитать его биографическую прозу и спокойно оценить сделанное, отделив художнические удачи от поражений.

Главное же, к чему напряженно и всю жизнь шел писатель,— это, как я уже сказал, эпопея «Севастопольская страда». В предвоенную пору книга стала широко известной и вошла в постоянный круг народного чтения, став рядом с «Петром Первым» Алексея Толстого и «Угрюм-рекой» Вячеслава Шишкова. Безо всякого преувеличения можно сказать, что «Севастопольская страда» плавала на кораблях, опускалась вместе с подводными лодками в морскую глубину и прошагала в вещевых солдатских мешках от Волги и Крыма до Одера и Берлина.

Пафос романа был близок и дорог сражающемуся народу, видевшему в образах прошлого своих героических современников. Особенно удались писателю вдохновенные фигуры Нахимова и Корнилова — воплощение спокойной военной мудрости, храбрости и победы. Романист подчеркнул близость, родственность Нахимова и его боевого окружения простым солдатам и матросам, защищавшим Севастополь. Здесь-то и пригодились рассказы отца, слышанные писателем в раннем детстве. Были использованы бесчисленные архивные и книжные источники. Рисуя образ Нахимова, художник подчеркнул, что «никто лучше его не знал ни быта, ни нужды, ни сердца матроса, и матросы его любили, хотя он был очень требователен по службе». О многом говорит читателю и совсем небольшая подробность, приведенная в романе: в разговоре между собою матросы называли Нахимова не «адмиралом», не «Нахимовым» — он был у них просто «Павел Степаныч».

Через всю эпопею — в движении, в развитии, переменах и случайностях — проходит динамичный образ города, выросшего в местах, изрезанных бухтами незамерзающего моря, видавшего на своем веку великое множество больших и малых войн. Каждый уступ на известковых отвесах «сотни раз орошался такою дешевой и такою грозной жидкостью, как алая человеческая кровь». Поразительны массовые батальные сцены в романе, дающие представление о народном героизме защитников Севастополя. Приведу только такой эпизод. Один из героев романа, обращаясь к полку солдат, сказал слова, облетевшие мгновенно весь город: «Ретирады не будет! А если услышите, что я вам скомандую ретираду, колите меня штыками!» Эти слова напоминают то, что не раз приходилось слышать уже в наше время, в годы Великой Отечественной войны, в том числе и в осажденном Севастополе. Конечно, изменилась лексика, звучали иные слова, но сущность осталась.

«Севастопольской страде» суждено было стать любимым народным чтением, войти в число книг, которые пользуются постоянным и неизменным спросом, воодушевляя все новые и новые подрастающие поколения. Тысячи и десятки тысяч людей ежегодно приезжают в Севастополь, осматривают места героических битв. Курганы и бастионы, улицы, скверы, бухты, площади воспринимаются теми, кто видит их впервые, как страницы любимой книги, которую надо постоянно читать и перечитывать.

В военную пору Сергеев-Ценский обратился и к жанру сравнительно небольшого рассказа, построенного на документальной, фактической основе, отличающейся острым сюжетом. Большой успех выпал на долю новеллы «Хитрая девчонка», выпущенной огромным тиражом. Пишущему эти строки не раз приходилось быть свидетелем того, как в окопах и землянках читалась и перечитывалась «Хитрая девчонка», пришедшаяся по душе тем, кому предстояло вот-вот идти в бой.

Оккупанты, ворвавшиеся в Алушту, проявили оперативную распорядительность в «литературной мастерской» Сергеева-Ценского. Его книги, рукописи были тщательно упакованы в ящики и отправлены в Берлин. Только в сорок пятом году их удалось разыскать и вернуть огромнейший архив на крымский берег, чтобы вручить владельцу.

* * *

В 1958 году готовился первый учредительный съезд Союза писателей России. Мне, работавшему тогда в газете «Литература и жизнь» (позднее ее реорганизовали в «Литературную Россию»), стало известно, что Сергееву-Ценскому, который был тяжело болен, хотелось высказать свои пожелания будущему творческому союзу. На заседании редакционной коллегии было принято решение направить меня и еще одного сотрудника газеты в Алушту, к Сергею Николаевичу. Грустно выглядела крымская земля поздней осенью. Нам пришлось не столько заниматься статьей, сколько непосредственно включиться в хлопоты, связанные с медицинскими заботами. Пришлось давать срочные телеграммы в Москву, помогать супруге писателя — Христине Михайловне дозваниваться до врачей и т. д. К дому постоянно подъезжали люди в белых халатах. Дни Сергея Николаевича были сочтены. Но, превозмогая смертельный недуг, он в последний раз взялся за перо. Незабываемо обращение художника, продиктованное безмерной — на всю жизнь!— любовью к родной речи. Не могу сегодня не вспомнить сказанное Сергеевым-Ценским:

«Русское слово! Как радостно бывает на душе, когда в книгах находишь у наших писателей замашистое, кипящее и животрепещущее русское слово. У кого из наших современников мы его чаще встречаем? Я думаю, что со мною согласятся миллионы читателей, когда я назову дорогое всем нам имя Михаила Шолохова! В его произведениях мы видим алмазные россыпи русской речи. Не в словарях отысканное, не из запыленных фолиантов утащенное, а взятое писателем у самого хозяина языка — у народа — вот какое это слово!.. Мне думается, что творческий путь Михаила Шолохова, его каждодневное общение со своими героями, слитость воедино с жизнью народной во всех ее проявлениях — вот единственно правильный путь для настоящего народного писателя».

Нет нужды говорить, что статья, появившись в печати, была с глубоким интересом встречена и читателями и писателями. Она неоднократно, как завет Сергеева-Ценского, вспоминалась на учредительном писательском съезде Российской Федерации.

Сергеев-Ценский говорил, обращаясь к молодым: «В каждом слове вашем будьте поэтами! Без поэзии художественного произведения нет и быть не может... Молодой писатель должен быть артистической натурой, очень чуткой к малейшей фальши как в чужих произведениях, так — и это прежде всего — в своих. Он сам должен быть своим всесторонним и строгим критиком».

Сергеев-Ценский был «вечным тружеником», и на его долю на жизненном пути выпало немало испытаний. Но мне хочется назвать его жизнь счастливой. Ему выпало счастье оттиснуть на лике времени и свой художнический облик.

Алушта. Памятник С. Н. Сергееву-Ценскому работы народного художника СССР Н. В. Томского.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Г. КУНДИРЕНКО,
директор Алуштинского литературно-мемориального музея С. Н. Сергеева-Ценского

В Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) хранятся письма С. Н. Сергеева-Ценского к редактору «Журнала для всех» Виктору Сергеевичу Миролюбову. Часть этих писем относится к девятисотым годам, когда писатель находился на службе в царской армии в Херсоне, Одессе, затем в Симферополе. Сейчас, в связи с 70-летием первой русской революции, они читаются с особым интересом. Сергеева-Ценского волнует тяжелое положение народа, возмущает косность, рутина, пошлость и скука жизни, затхлое мещанское счастье, сытость «красноцеких». Он замечает пробуждение сознания угнетенных, приветствует зреющий протест и во многих произведениях, созданных в эти годы, сам протестует против социальных несправедливостей.

Малоизвестные письма В. С. Миролюбову, с которым Сергеев-Ценский искренне делился своими мыслями и переживаниями, представляют несомненный интерес.

«Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Посылаю одновременно с этим свой рассказ «Бред». Если он не пригодится для Вашего журнала, будьте любезны отправить его по почте в редакцию «Нового пути».

Получил № 10-й «Журнала для всех» и прочитал свое «На поляне». Проклятая цензура по нем точно из девятидюймовки хватила, и если этой бреши нельзя будет зачинить в отдельном издании собрания рассказов, то над всем можно поставить крест.

На меня он произвел впечатление страшной бессмыслицы, а между тем задуман он был как будто стройно. Красный карандаш сделал эскиз похожим на бредень без мотни: сколько по воде его ни волоки, все равно ничего не вытянешь.

Жаль, что его напечатали в таком виде. Книгоиздательство «Волжанин» предложило мне издать для народа напечатанный у Вас «Взмах крыльев» с переменой заглавия на «Бешеный».

Я очень рад, что это пойдет в народ.

С искренним уважением С. Сергеев-Ценский.

2 ноября, Херсон».

«Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Я ничего не имею против помещения «Бреда» в апрельской книжке, а для майской пришлю Вам «протестующий» рассказ. Кажется, в редакции Вашего журнала был мой рассказ «Батенька» (тема — бунт рабочих и его усмирение залпами), но его прислали обратно, мотивируя это тем, что в настоящее время «и думать нечего о его помещении».

С таким же успехом «Батенька» обошел еще несколько редакций и теперь покоится в столе или корзине «Нашей жизни». Это был «протестующий» рассказ, но судьба подобных протестов мне, к сожалению, давно уже известна, а протестовать в рамках дозволенного цензурой как-то даже смешновато.

В настоящее время в редакции «Мира божьего» лежит мой довольно большой — в три с половиной печатных листа — рассказ «Сад», признаться, я не особенно надеюсь увидеть его в печати и только потому, что там герой протестует. Дай бог, чтобы мы когда-нибудь перестали заикаться и посмеялись над собственным косноязычием. Простите, что я так расписался, но я до сего времени искренне думаю, что в каждом своем рассказе я протестовал и что герой моего «Бреда» — воплощенный, хотя и запоздалый протест против целого уклада сытой и тупой жизни, а Вы его причислили к лику святых.

Вы пишете: «Теперь требуют отстаивания слабых, поражения сильных мира сего...» Отстаивать слабых у нас, кажется, никогда не воспрещалось, но поражения сильных мира сего? Сомнительно, чтобы позволили поразить околоточного надзирателя, например, не говоря уже о других, чином выше.

На всякий случай в том рассказе, который думаю Вам прислать для майской книжки, попробую поразить «частного пристава» и посмотрю, что из этого выйдет.

С искренним почтением С. Сергеев-Ценский.

Одесса, 2 февраля 1905 года.

Адрес прежний: г. Одесса, 59-й запасный батальон. Прапорщику Сергееву».

В 1905 году из-за притеснений цензуры Сергееву-Ценскому не удалось напечатать написанный им цикл стихотворений в прозе под общим названием «Ноты». Письма его к В. С. Миролюбову дают возможность точно установить время их создания. Они были написаны в год первой русской революции, а не в 1910 году, как полагали до этого исследователи. Вот эти письма:

«51-й Литовский полк, Симферополь, 14 сент. 05 г.

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Очень рад я, что Вам подошли н о т ы, но почему их нужно искать в двух книжках, а не в одной? Отказываюсь это постичь и скорблю смертельно!

Я понимаю, когда разбивают длинную эпическую вещь: там есть логическая связь — цепь событий,— возникающая в памяти читателя при каждой новой главе. Но... ведь «Когда я буду свободен» — лирическая вещь и вся рассчитана на цельность впечатления,— как же можно разделить ее на две части? Механически? Так, чтобы обе половинки никогда не спаялись в читательском мозгу? Утешьте меня, напишите, что напечатаете в о д н о й к н и г е и притом в э т о м году. Тогда я мог бы включить эту вещь в свой сборник, что для меня имеет понятное значение.

...Жду утешительного письма и остаюсь Вашим сотрудником попрежнему.

С. Сергеев-Ценский».

«9 ноября, Симферополь

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Вашу телеграмму о кознях цензуры я получил, но так как время терпит и печататься в эти смутные дни все равно мало смысла, то пусть «Когда я буду свободен» полежит у Вас до тех пор, когда будет свободно. Теперь, кажется, есть уже снова сообщение с Питером и потому пишу, тем более что есть вопросы.

Вы говорите, что можно будет поместить в декабре, январе; на эти два месяца я вполне согласен...

Передавать куда-нибудь «Ноты» — стоит ли? Можно бы только в «Вопросы жизни», но там весь беллетристический отдел до января заполнен, как мне писал Чулков...

Кстати, он тоже писал мне, что не пропущен предназначенный для октября — ноября мой рассказ «Сад» (тема — аграрный вопрос, решением радикальное) и предлагал поместить его в альманахе «Огни», готовящемся к бесцензурному выходу в декабре. Но что понятно по отношению к «Саду», непонятно у Вас. Неужели могла быть воспрещена на две трети отвлеченная вещь, в которой нет ни одного намека на текущие события?

...Напишите письмо, только подлиннее. Адрес прежний.

Ваш С. Сергеев-Ценский».

Это писалось уже после того, как политически неблагонадежный прапорщик 51-го Литовского полка С. Сергеев дерзнул выступить против организаторов черносотенного погрома в Симферополе 18 октября 1905 года. Вскоре его отчислили из армии и он переехал в Алушту, где находился под надзором полиции.

И в дальнейшем царская охранка не теряла из виду беллетриста Сергеева-Ценского, автора «Батеньки», «Молчальников» и повести «Сад», в которой услышала «набат революции». Напечатавший эти произведения журнал «Вопросы жизни» в конце 1905 года был закрыт. Вопреки козням цензуры Сергеев-Ценский в октябре 1905 года за 17 дней написал поэму «Лесная топь», где выразил протест против религии, суеверий, рабского труда, темноты крестьян и провозгласил, подобно М. Горькому, гимн свободному человеку:

«Человек... человек... Ты сначала дослужись до человека, послужи у разума на службе; человек — это чин... и выше всех чинов ангельских».

НАШ ЦЕНСКИЙ

Л. КЛЯРИТСКИЙ,
первый секретарь Алуштинского горкома Компартии Украины

Сергей Николаевич однажды сказал: «Где бы я ни ездил, я всегда спешил в Алушту, только в ней мне хорошо работается». В Алуште он жил с 1906 года. Здесь он создал лучшие свои книги. Алушта давала ему творческие силы и вдохновение. И в «Дневнике поэта» он записал:

Вторая родина моя —
Алушты край уединенный...
Полвека здесь я, в ширь влюбленный,
Читаю книгу бытия.

Отсюда, с высокой горы, где под сенью кипарисов и виноградных лоз белеет скромный домик, Сергей Николаевич всматривался в необъятную ширь страны, которой он посвятил все свое творчество. Очень хорошо сказал его младший собрат по перу П. А. Павленко: «Муза Ценского — крымчанка, у нее загорелые руки, ее лицо потрескалось от солнца и ветра, а ноги загрубели от каменистых дорог, она любит соленую хамсу и молодое вино... Я не знаю никого другого, кто бы писал о море и горах с такою расточительностью, как Ценский».

Когда в июне 1941 года над нашей страной разразилась военная гроза, со страниц «Красного Крыма» этот великий гражданин и патриот обращался к согражданам с пламенными словами: «...И пусть у каждого будет гордое сознание того, что мы теперь — мы все, как один,— делаем сами историю своей обновленной Родины, блистательно начав ее Великой Октябрьской революцией. С этим сознанием отбросим мы всякого, кто захочет повернуть колесо нашей истории вспять».

Сергеев-Ценский принадлежит всей стране, всему народу, но мы, алуштинцы, гордимся своим земляком и, стоя у беломраморного монумента, созданного народным художником СССР Н. В. Томским и воздвигнутого в центре Алушты, произносим: «Наш Ценский».

Писатель говорил: «Жить в Крыму и не любить Крыма нельзя!» По-хозяйски он заботился о нем, выезжал в Красногвардейский и Джанкойский районы Крыма, бывал в колхозах и совхозах. «Мне радостно видеть свой народ на вершинах духовного и экономического могущества... Это и есть величайшие плоды Октября...» — писал он.

Нескончаем людской поток на Орлиную гору, где ныне размещается музей писателя. Идут люди, приехавшие к Черному морю со всех уголков нашей страны, возлагают на надгробный гранит и к подножию памятника живые цветы, а затем в залах музея рассматривают дорогие сердцу каждого реликвии, слушают рассказы экскурсоводов о творческом подвиге богатыря русской литературы, как назвал Сергея Николаевича Михаил Шолохов.

ПИСЬМА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Эти письма С. Н. Сергеева-Ценского адресованы Евгению Ефимовичу Поповкину (1907—1968 гг.), известному советскому писателю, автору романов «Семья Рубанюк», «Большой разлив», «Таврида». В пятидесятые годы Е. Е. Поповкин руководил Крымской писательской организацией, и с Сергеевым-Ценским, жившим в Алуште, у него возникла живая, откровенная и дружеская переписка. Письма эти, часть которых публикуется сегодня в «Огоньке», свидетельствуют о постоянной заботе старейшего русского художника слова о подъеме нашей литературы, о его внимании к «комарносунеподточимой высоте», по выражению С. Н. Сергеева-Ценского, произведений советских писателей.

Публикуемые письма любезно предоставлены журналу Л. Е. Поповкиной, вдовой писателя.

18 декабря 1950 г.

Дорогой Евгений Ефимович!

Прочитал Вашу книгу[1] залпом, с большим интересом. Вместе с первой книгой она составила именно то, чего я и ожидал, когда познакомился с первой. У Вас получилось большое историческое полотно (по объему самое крупное в литературе об Отечественной войне), густо насыщенное живыми людьми, попавшими в трагическую обстановку. Ваша тема, при знании Вами особенностей самой страшной из пережитых человечеством войн, дала Вам возможность развернуться и как бытописателю и как психологу. Смелое введение на многих страницах в русскую повествовательную речь украинского диалога придает большую живость общему тону романа.

Принимаю на себя смелость судить о Вашей работе потому, что описанию военных эпизодов сам посвятил немало страниц.

Во всяком случае, Вы закончили большой труд, с чем Вас и поздравляю.

Жму Вашу руку и желаю успехов в дальнейшей работе.

С. Н. Сергеев-Ценский.

16. VII. 51 г.

...Насчет поездки в Ростов — что Вы,— разве я могу? Но если съезд южных писателей в Ростове придет к выводу, что следует ликвидировать альманахи, как не имеющие спроса у читателей, и на их месте организовать ежемесячный журнал, который издавался бы в Ростове, под редакцией Шолохова, то я очень охотно давал бы в этот журнал беллетристику (конечно, историческую). Хотелось бы, чтобы издавался в РСФСР хотя бы один журнал **русский**, т. е., чтобы в нем печатались не переводы с польского, французского и пр., как, напр., в «Нов. мире», а **русская** беллетристика, почти уже исчезнувшая с лица журналов, и чтобы она была действительно **художественной** словесностью, а не казарменной...

Мне кажется, что Шолохов мог бы возглавить такой журнал во имя сохранения русской художественной речи, на $^{7}/_{8}$ уже затопленной безликой газетчиной...

Такой журнал в настоящее время положительно необходим: не зря днем с огнем ищут теперь рассказов!.. Не зря также нет у нас ни порядочных пьес, ни сценариев для кино, ни либретто для опер...

Жму Вашу руку! Ваш С. Сергеев-Ценский.

9. XI. 51 г.

Спасибо Вам, дорогой Евгений Ефимович, за подарок к празднику — книжку, изданную «Огоньком»! То, что она издана большим тиражом, сделает ее доступной нескольким стам тысяч читателей. А для массового читателя, говоря по существу, представляет гораздо больший интерес почитать о том, как живет писатель и что он собою представляет, чем критическая статья о его произведениях. Читатели и вообще-то и всегда пробавлялись не столько книгами писателей, сколько рассказами о них, и хорошо в данном случае то, что рассказ о писателе положительного свойства, а не отрицательного.

Мне кажется, что пример «Огонька», то есть издательства «Правда», мог бы побудить и Крымиздат к изданию Вашей книжечки тем же тиражом в 150 т. и по той же цене в 40 к. для Украины, тем более, что говорится в ней о Крыме вообще и об Алуште, в частности. В отличие от приложения к «Огоньку» весь тираж поступил бы в продажу и, конечно, разошелся бы в два дня...

9. II. 52 г.

...Что касается статьи о Гоголе, то она сейчас переписывается на машинке, и дня через три я ее смогу послать.

Она написана не по шаблону и поэтому, м. б., будет читаться, а ведь все старания изд-ва[2] должны сводиться к тому, чтобы книги **покупались** и **читались**, а не валялись бы в магазинах и киосках, загромождая полки. Не ввести ли в альманахах иллюстрации как приманку для читателя? Ведь, в сущности, альманах **должен** издаваться,— бросать этого начинания нельзя... Альманах «Крым» может расходиться и в 10 и в 15 т. экз., если только он будет **интересен** для читателя. А чтобы учесть интересы читателя, надо Вам походить по книжным магазинам и узнать, какие книги **покупает** читатель и из каких мотивов — при этом исходить. **Красивое** издание, с хорошими иллюстрациями, покупается гораздо охотнее, чем серое, шаблонное, наполненное одними только поучениями, как в прозе, так и в стихах. Юмор имеет спрос несравненно больший, чем скука. Не палками надо загонять читателя в книжную лавку, а **талантом**. Если зритель не хочет покупать билеты на ту или иную пьесу в театре, это значит, что пьеса скучна, бездарна, ненужна ему, и кончено. Точно так же дело обстоит и с книгой, и с журналом, и с альманахом.

23. III. 52 г.

«...Изучение классического наследия, творчества таких гигантов, как Гоголь, Грибоедов, Островский, Горький, Чехов, должно показать нашим драматургам, что только явления, представляющие ВСЕНАРОДНЫЙ интерес... рождают **великую** драматургию».

Это цитаты из передовицы «Литгазеты», в которой помещено Ваше фото. Но не находите ли Вы, что надо бы пояснить на примерах, что такое «высокое мастерство», «волнующее увлекательное содержание», «кристально-ясная форма» и «всенародный интерес»?

Отчасти именно это я и пытался сделать в статье о Гоголе, которую я мог бы вдвое расширить для отдельного издания. Но мне бы хотелось поговорить и еще о двух художниках слова — Тургеневе и Чехове, как о звеньях одной и той же жемчужной цепи, похожей на созвездие Ориона, в драгоценном венце великого русского художественного творчества.

Из Гоголя вышел Тургенев, из Тургенева — Чехов. Книгу об этой троице мне и хотелось бы написать, если бы только был я уверен, что ее издадут в «Крымиздате». В ней было бы 12 листов — по 4 на каждого писателя, и я говорил бы преимущественно о темах и приемах художественного письма этих корифеев. Раз их рекомендуется **изучать**, но надо же все-таки знать, что изучать, а не отделываться одною фразой: «Борьба с крепостничеством». Ведь то, что говорилось... 20—25 лет назад, теперь уже анахронизм. Теперь у нас миллионов до 15 интеллигентов да миллионов до 50 полуинтеллигентов; теперь у нас 230 тысяч библиотек, а лекции слушают и малограмотные. Образование масс сделало огромный шаг вперед за эти 20—25 лет, а приемы агитки остались у критиков старенькие и беззубые.

Если бы в этом году, кроме 8-го альманаха, вышли еще 9-й и 10-й, то я мог бы дать статьи о творчестве Тургенева и Чехова (по 4 л. каждая) для этих альманахов. Целью моей было бы разъяснить для интеллигенции, что такое «высокое мастерство», «волнующее, увлекательное содержание», «кристально-ясная форма». Напишите мне, возможна ли эта моя затея.

28. III. 52 г.

Получил Ваше письмо и, когда получу набор статьи о Гоголе, посмотрю, что такое Вы там нашли криминального. А пока суд да дело, не покажется ли Вам приемлемым такое мое соображение.

24 марта в Доме литераторов в Москве отмечалось 75-летие со дня рождения Алексея Силыча Новикова-Прибоя, о чем прочитал я в «Правде» от 25-го, в заметке «Памяти А. С. Новикова-Прибоя».

Не отметить ли и нам в № 9 «Крыма» этой годовщины портретом А. С. и статьей о его худож. творчестве? Статью на 2—$2^{1}/_{4}$ л. мог бы дать я и прислал бы ее, скажем, через неделю.

Нов.-Пр. — писатель **крупный**, а главное, он матрос, крестьянин, самоучка и самородок и в то же время ученик Горького (на Капри), писавший в традициях старых

[1] Роман Е. Поповкина «Семья Рубанюк».

[2] Издательства.

русских мастеров — художников слова, но **о море и моряках**, что явилось новостью в нашей сухопутной по преимуществу литературе.

Статья моя будет оригинальна по основной мысли и деталям, и, быть может, ее прочитают моряки Черноморского флота, которые знают и любят Нов.-Прибоя.

А о Тургеневе, Чехове, Лескове я могу дать статьи потом... сколько бы альманахов «Крым» не вышло, я готов для каждого писать статью о том или ином писателе, поскольку мне, ветерану старой русской литературы, очень больно, что современное положение художественной словесности печально.

1. IV. 52 г.

...Нигде в своих материалах о Гоголе я ничего не нашел... об «озлоблении», которое будто бы вызвал у Николая I гоголевский «Ревизор», поставленный по его же, Николаеву приказу в целях борьбы с язвой взяточничества.

По-видимому, это еще один «москит в кипарисе», придуманный тем же «специалистом», который придумал и убийцу Лермонтова: сидел, дескать, какой-то

«Цена 3 руб. Номинал по прейскуранту 1952 г.».

Прейс — цена; почему же непременно нужно было отрезать от этого слова «с» и добавлять его к «куранту»?

Получилось что-то вроде Скуратова (Малюты)...

24. VIII. 52 г.

...А для доказательства известного изречения «врет, как очевидец», приведу Вам случай с писателем Скитальцем. Он умер в 41 г., а в 44 г. в журнале «Октябрь» мне с торжеством говорят: — Добыли мы от вдовы Скитальца воспоминания о Вас и печатаем.

И мне еле удалось изъять из верстки буквально такие «воспоминания»: «С. Ц. живет в Крыму в пещере, которую сам для себя выкопал... Родился он в городе Ценске, Тамбовской губ. ...» и т. д. и т. п., хотя Скиталец был у меня в Алуште и ночевал в моем доме; хотя никакого г. Ценска нет в Тамб. обл., а есть река Цна (что значит по-мордовски «тина», как «Тамбов» по-мордовски «лесной омут», «лесная топь»). Вышло так, что не верь и покойникам, когда они вспоминают о живых...

Касательно работы над новым

VI — «Севаст. страда» — тоже уже набраны и ждут своей очереди для печатания. Наконец, даже и VII-й т. (первый том эпопеи «Преобр. России») сдан уже в набор, так что к моему 80-летию весь 10-томник будет разослан подписчикам. Так сразу двинулось это дело, хотя его и всячески тормозили некие личности.

Подписал я два договора и с «Крымиздатом» на маленькую книжку о Севастоп. обороне и на книжку среднего объема (14 л.) — «Преображение человека» (без купюр).

Только Киев пока что молчит, хотя договор на 35-листовую книгу я подписал уже более месяца назад. Неизвестным остается и вопрос о бумаге для «Севаст. страды».

Вы пишете, что я был выбран на съезд писателей в Москву. Это — честь, конечно, но ехать в декабре, т. е. зимою, в Москву с теплого юга (у нас сегодня, 13 ноября, тепло, как летом) для меня все равно, что ехать прямо на больничную койку, на которой я должен проваляться с воспалением легких не меньше месяца. За что же мне такая экзекуция?

А вот, например, 12 альманах

С. Н. Сергеев-Ценский и А. С. Новиков-Прибой среди курсантов Высшего мореходного училища имени М. В. Фрунзе. 1941.

посланный Николаем I в яме за спиной Лермонтова и выстрелил в него снизу вверх, а Мартынов даже и курка не спустил...

А однажды Горький говорил мне:

— Знаете, С. Н., отчего бывает рак?

— Нет, говорю, не знаю. А вы знаете?

— Говорил мне один ученый, что от укуса кло-опов!

— Как же клопы могут проникнуть в желудок, чтобы вызвать рак желудка?

— Гм... да-а... Не знаю уж, право, как это они могут, но только правильно, факт! От укуса клопов!

По-видимому, ученый этот и «рак мог прививать» клопам, и убийцу Лермонтова загнал в яму, и все кипарисы в Крыму омоскитил...

Должно быть, он же — я узнаю его стиль! — в конце моей книжки напечатал буквально так:

романом, помните изречение Чехова: «День не попишешь,— неделю привыкай!..» А Вы, кажется, года два не писали (беллетристику).

Желаю Вам поэтому, как только жара спадет, взяться за перо покрепче и не выпускать его из рук хотя бы месяца два подряд, чтобы втянуться в работу.

13. XI. 54 г.

Дорогой Евгений Ефимович!

Спасибо Вам за «Огонек»! Хотя фото там и оставляет желать лучшего, как вполне правильно Вы сказали, но статейка В. Н. Голубевой оказалась не только написанной, но и принятой читателями тепло, как это видно из получаемых мною писем.

В ноябре ГИХЛ разошлет всюду проспект моего десятитомника, поскольку издание это подписное, а в первой примерно декаде декабря должны будут выйти из печати два первых тома. В декабре будут печататься III том, а IV, V и

«Крым» — это дело совсем другое: он — в теплом климате, но выйдет ли? В какой фазе находится этот вопрос? Может быть, он уже оставлен? Если так, то какой другой поставлен на его место?

Вообще говоря, отказываться от этого органа печати, как бы ни был он скромен по размерам своим, не следует...

Очень мало издается журналов, поэтому швыряться альманахами нерасчетливо.

3. III. 55 г.

Взяли Вы на себя обузу! Знал бы я это, ни за что не доживал бы до 80 лет! Но если уж нужна будет на юбилее и музыкальная часть, то вот что мне вспомнилось: радиопостановка по «Севастопольской страде» в исполнении артистов Малого театра...

А если симферопольские артисты захотят, то могут поставить из «Малахова кургана» сцену в доме Зарубежных («Картина вторая»). Действ. лиц там мало, а патриотизма много; и есть роли мужские (3) и женские (4), а массовых сцен нет.

Без концерта можно и обойтись, а прочитать два-три отрывка, где была бы прямая речь моих персонажей, необходимо. Можно и два-три стихотворения типа баллад. Вот и все, кроме Вашего доклада.

Рассчитать только надо время, чтобы не слишком затянулось сие торжество: ведь еще и адреса какие-нибудь будут, пожалуй, и телеграммы кое-какие придется зачитать. Словом, надо уложиться в 3—4 часа, чтобы не больше 4-х.

И чтобы никаких Штепселей и Тарапунек в тех или иных видах не было, как теперь уже не дают в театрах водевилей после серьезных драм. А если в зале театра окажется такая публика, которой будет скучно на торжественной части юбилея, то ведь она может и уйти туда, где ей будет веселее: ради ее вкусов превращать юбилей **старейшего** писателя, академика, в балаган с петрушкой совершенно дико и нелепо. Юбилей такого писателя должен явиться выражением **признания его заслуг в художественной литературе**, а не возможностью послушать Тарапуньку. Таких слушателей можно даже и не пускать в зал, чтобы они не жалели потом о зря потерянном ими времени...

12. IV. 55 г.

Прочитал я отрывки из «Тавриды» в 12-м альманахе с живейшим интересом. Писать о будничной жизни, в которой ничего особенного не случается, трудно, т. к. не за что зацепиться для росчерка, но Вам, при Вашей манере письма, вполне удаются **мягкие тона** и в них Вы хозяин. Диалог везде у Вас естественный, и маленький роман — Михаил Горовой — Надежда Бантыш,— хотя и односторонний, но в духе времени: женщина проникает в сердце мужчины, пользуясь раной (или даже ссадиной) на его теле.

Футбол, волейбол, теннис, состязание в плавании и т. п.— это все отблески военных лет, эрзац подвигов на поле брани. Но одно дело отбить футбольный мяч противника, и совсем другое — отбить женщину, и Вы хорошо сделали, что помогли летчику увезти Н. Бантыш.

Но, разумеется, на одной этой антиномии: он ее любит,— она его не любит; или — она (напр. Тоня) его любит,— он ее не любит,— строить современный роман нельзя, и Вы переходите к общественной теме — переселению украинцев в Крым. Для меня является вопросом, каков будет объем «Тавриды»; это зависит, конечно, от того, как широко и глубоко будет **содержание** романа, т. е. **действия** его героев.

Между прочим: где-то попалось мне у Вас слово «смириться» вместо «примириться» и еще где-то слово «глечик» без сноски в подстрочнике (ведь только украинцы знают, что «глечик» — кувшин).

В общем же, ознакомившись с содержанием альманаха, должен сказать, что он удачно составлен и представляет собою эталон альманахов «Крым»: если на таком художественном уровне и в прозе и в стихах будут все последующие №№ «Крыма», то это издание приобретет внимание читателей и заставит «Крымиздат» увеличить вдвое и втрое его тираж.

Необходимо только, чтобы молодые писатели Крыма подтянули свою прозу в той же мере, в какой подтянули стихи, а не стремились бы непременно протискивать на страницы альманаха все, что ни вздумается им написать.

...Всего Вам доброго, Евгений Ефимович! Продолжайте же интенсивнее и заканчивайте «Тавриду» (чтобы была она и в 13-м и в 14-м, 15-м альманахе «Крым») и двиньте издание альманахов так, чтобы еще ТРИ, не меньше, вышли в этом году.

16. IV. 55 г.

...Очень хорошо было бы, если бы Вы смогли написать еще хотя бы три листа из **«Тавриды»**, непосредственно примыкающих тому, что появилось в 12-м альманахе, и поместили бы это в 13-м; а затем — столько же для осеннего 14-го. Это было бы началом превращения альманаха в журнал, пусть бы этот журнал — «Крым» — выходил бы пока только в виде 4-х книг в год (по одной на квартал). **Периодичность** выпуска альманаха заставила бы и наличный состав молодых писателей **подтянуться** и пробудила бы энергию эмбрионов: у Крыма был бы свой орган, чего Крым вполне заслуживает. А читателями явились бы не только прочные крымчане... Поскольку природа Крыма исключительно красива, и журнал неминуемо должен, в соответствии с этим, помещать **только исключительно художественно-полноценные** вещи, как в прозе, как в стихах, так и в статьях о художественной литературе как искусстве. Я лично с величайшим удовольствием давал бы свою продукцию в разных жанрах, ибо я люблю и Крым и художественную литературу, и горячо желаю и тому и другой пышнейшего процветания. И внешность альманаха, и бумага, и шрифт в настоящее время вполне приличны: все это гораздо лучше, чем в «Октябре», напр., или в «Нов. мире». Так и нужно: чтобы читателю приятно было взять в руки **любовно** изданную книгу,— тогда он отнесется к ней с должным уважением. И нужен будет очень строгий отбор материала, чтобы крымские газеты, начиная с «Кр. правды», не относились так пренебрежительно к альманаху, что даже и ни одного слова о нем в них не увидишь.

Короче: нужно сделать альманах «Крым» периодическим (подписным) изданием — по книге в квартал — и поднять художественные достоинства помещаемых в нем вещей до **комарносунеподточимой** высоты, чтобы альманах «Крым» был самым лучшим из подобных изданий во всем СССР,— чтобы он был самым ярким, самым солнечным, самым поэтичным... Все!

23. VI. 55 г.

Только что прочитал я верстку своей книги — «сборник произведений разных лет» под общим заглавием «Утренний взрыв». Книга эта будет выпущена в Киеве в августе (так обещают). Объем ее — 50 печ. листов. Входят в нее 8 вещей: «Утр. взрыв» (1-я часть романа), «Лесная топь»; «Печаль полей», «Движения», «Медвежонок», «Пристав Дерябин», «Наклонная Елена» и «Искать, всегда искать!» Тираж 50 т. экз.

В июле, как мне сообщили из Гослитиздата, выйдут 2-й и 3-й тт. собрания сочинений. Таким образом к юбилею выйдет всего 7 толстых книг, считая 3 тома «Севаст. страды» в Крымиздате. Это называется «Не было ни гроша, да вдруг алтын». В 7 томах этих — свыше 250 авт. листов.

Спасибо Вам за опубликование телеграммы Шолохова в «Кр. пр.»[3], м. б., это повлияет кое на кого из моих закоренелых врагов.

Вы пишете «расскажу при личном свидании», но не находите для этого свидания времени. А поговорить бы не мешало. Конечно, если Вы уединились для продолжения «Тавриды», то это — святое дело, а если «в забавы суетного света погружены малодушно», то не извинительно.

В Киеве, оказывается, издается журнал на русском языке и на отличной бумаге «Советская Украина»; вот где нам с Вами можно бы печататься...

Алушта.
7. II. 56 г.

Дорогой Евгений Ефимович!

Спасибо Вам за «Большой разлив»! Это книга серьезная и, хотя, по Вашим словам, она была написана раньше «Семьи Рубанюк», Вы в ней уже мастер художественной литературы: много взяли фигур и вылепили их четко...

Народный язык донцов знаете Вы отлично, и говорят Ваши герои вполне непринужденно-красочно и в коротких репликах и в рассказах о тех или иных происшествиях (напр. рассказ Антоши, как он был архангелом Гавриилом). Народный юмор (напр. «трактор Бетезе») везде хорош. Таким образом, выходит, что когда Вы закончите «Тавриду», у Вас будет три больших романа, что не так мало, если принять во внимание, что Вы всегда загружены общественной работой.

Фонд, значит, у Вас имеется, и Вам бы написать еще десятка два рассказов (включая в это число и небольшие повести), тогда Вы закруглите себя как беллетрист. Темпераментные и глубокие по замыслу рассказы, если они будут опубликованы, скажем, в «Огоньке», создадут Вам гораздо большую известность, чем романы, требующие большого времени для чтения.

Алушта.
7. VI. 57 г.

Дорогой Евгений Ефимович!

Пишу Вам в Симферополь, надеясь, что Вы уже дома. Если это действительно так, то покажитесь на моей территории, расскажите, что и как было...

Меня очень радует, что Мих. Ал-ч[4] нашел в себе достаточно энергии, чтобы поехать в Стокгольм, Осло, Копенгаген...

В газете («Литературной») прочитал сегодня, что М. А. встречали в Стокгольме как почетного гостя и в честь его давали обеды. Это — добрый знак.

Именно культурное сближение должно послужить началом разрядки напряженности и недоверия.

Дожди и туманы, одолевавшие нас в апреле и мае, кажется, прочно сменились летней погодой, и у нас теперь хорошо, так что Вам надо бы посмотреть на нашу благодать.

Крепко Ваш С. Сергеев-Ценский.

---

[3] «Крымская правда».
[4] М. А. Шолохов.

Беспокойство

Иван ШЕВЦОВ

В 1955 году Сергееву-Ценскому исполнилось 80 лет. Писателя чествовали в столице Крыма Симферополе, там ему был вручен орден Ленина. Непривычными для Сергея Николаевича были эти торжества. Взойдя на трибуну, он подождал, когда стихнут аплодисменты, медленно осмотрел переполненный зал и заговорил своим рокочущим голосом. Выступавшие до него вспоминали о пройденном писателем пути, о созданных им книгах, а он, позабыв о своем возрасте, повел речь о том, что собирается сделать. Еще не была закончена эпопея «Преображение России» — по его расчетам, оставалось на год работы,— а он уже сообщал о замысле новой эпопеи — «Долой войну!».

Еще в годы Великой Отечественной, регулярно выступая в «Правде» и других газетах и журналах со статьями и рассказами о подвигах советских воинов на фронтах, работая над романами «Бурная весна» и «Горячее лето», «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили», он задумал новую эпопею, посвященную новой военной страде, которую условно назвал «Страшная книга». Тогда он записал в дневнике: «Чего же пугаться большого объема эпопеи? Наоборот, если на огромнейшие подвиги людей ответить только рассказами короче воробьиного носа, то это будет означать банкротство беллетристики». И дальше по тому же поводу: «Так ли, иначе ли, мне, кроме эпопеи о современности, писать будет совершенно нечего, как только я окончу «Преображение». Что же мне остается делать после двух эпопей? Только и всего, что начать третью, найдя для нее иные, чем в «Севастопольской страде» и «Преображении», краски и слова».

Как только отгремели юбилейные фанфары, он сразу же погрузился в работу. Чувствовал он себя в хорошей творческой форме и не подозревал, что жить ему осталось всего три года. В мировой литературе не много найдется писателей, которые бы плодотворно трудились, переступив порог девятого десятка лет. Его беспокойный характер не позволял оставаться в стороне от злободневного, что обжигало сердце и возмущало разум. Сергеева-Ценского заботило будущее родной литературы, в которой на его долю выпала честь перебросить мост от Горького к Шолохову.

В современной литературе писателя огорчали два недуга: мелкотемье и бедность изобразительных средств, серость. И потому из-под его пера выходят одна за другой великолепные статьи о художественном мастерстве: «Гоголь как художник слова», «Талант и гений», «Слово к молодым».

В феврале 1958 года он писал автору этих строк: «Надо установить необходимые нормы художественного письма, чтобы наша беллетристика могла иметь ориентиры, а то для нее всякий Н.— художник слова. И чем отличается один писатель советский от другого, как не художественным письмом, поскольку идеология у всех одна и другою никакой быть не может? Если у нас лучшие в мире шахматисты и конькобежцы, то должны быть и лучшие в мире художники слова».

Однажды, будучи в командировке в Алуште, я засиделся у Сергея Николаевича допоздна.

— Писатель, который в своем творчестве использует лишь автобиографию, быстро иссякает,— говорил Ценский.— Тут бедность воображения и богатство самолюбования. И, конечно же, мелкотемье.

Его характеру была присуща прямота в суждениях и оценках. Очень верно он сказал о себе:

Ни из кого и никогда
Не создавал себе кумира.
Спины не гнул пред сильным мира
И дня не прожил без труда.

Он не льстил, всегда говорил то, что думал, иногда, может, несколько резковато. В этих случаях он не делал исключения и для тех, кого искренне любил...

А болезнь подкрадывалась воровски и нежданно вонзила свое ядовитое жало. Но малейшее облегчение рождало в нем надежду. Могучий дух не сдавался. Так было и 2 июля, когда я в больнице навестил его вместе с Христиной Михайловной — его верным спутником и другом. Он лежал на кровати и, склонясь над тетрадью, писал. Увидя нас, обрадованно воскликнул:

— О, дорогие мои!

Руку жал крепко, до боли. Это были дни временного улучшения. Казалось, хвороба отступила. Задорные глаза его блестели, и по-прежнему в них виделось море, которое он беспредельно любил. Он светился в этот день какой-то тихой красотой и уже готов был ехать в Алушту, к морю, к кипарисам, сесть за письменный стол. Он решил, что кризис миновал и болезнь отступала. Но то были иллюзии. Когда 9 августа я привез ему в больницу экземпляры только что вышедшей в «Библиотеке «Огонек» книжки его стихов «Родная земля...», он вначале обрадовался, потом серая тень легла на лицо, глаза наполнились печалью, и он сказал с грустью:

— Начал стихами, стихами и кончу.— Пояснил:— Моей первой книжкой был сборник стихов «Думы и грезы», изданный пятьдесят семь лет тому назад. И вот — последняя. Нет-нет, не возражайте, я знаю — это будет последняя прижизненная книжка.

Так оно и случилось. Огоньковский сборник «Родная земля...» открывался стихотворением «Родина», которое заканчивается такими строками:

Я знаю много слов, и их удельный вес
Известен мне: слова — моя стихия;
Нет равного! Оно, как гром небес,
Оно, как девственный бескрайний мощный лес,
И круглое, как шар земной,— РОССИЯ!

КРЕСТЬЯНСКИЙ ТАЛАНТ

Юрий ГРИБОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Сухое выдалось в тот год лето. Последний дождь выпал, кажется, в середине мая, да и тот нельзя было назвать дождем: так, побрызгало малость, пыль только прибило. Яровые посевы, едва проклюнувшись, стали желтеть, не росли клевера, не поднимались на лугах травы. Где-то на северо-западе, за Ярославлем, вечерами тихо погромыхивало, вспыхивали на горизонте слабые молнии, и поговаривали, что там уже не один раз хорошо пролило, а над Костромой, над всеми ее районами, ну как напасть какая — ни капельки, ни дождинки...

— Как бы не того, не положить зубы на полку,— говорили старики в деревнях.

— До этого не дойдет, не старое, чай, время...

— Это понятно... Я не о себе, я о скотине больше думаю... Сердце кровью обливается, когда на коров глядишь...

У нас в редакции областной газеты, где я тогда начинал работать, тоже все разговоры начинались и заканчивались засухой, кормами, животноводством. «Кривая по молоку», как тогда говорили, резко падала вниз, а был уже июнь на исходе, самое, как говорится, молочное время. В воскресный номер на первую полосу был запланирован репортаж о доярках, который поручили сделать мне. Помню, я растерялся: куда ехать? Где выбрать передовое хозяйство? Выручил старый, опытный литсотрудник сельхозотдела.

— И не ломай голову,— сказал он мне.— Поезжай к Малининой... Там все нужное найдешь...

— Это к той самой Малининой?

— Ну да, в «Двенадцатый Октябрь», к Прасковье Андреевне Малининой. Вот она, сводка, только что передали. Смотри: ежедневно больше пуда на корову у них получается...

— Как это больше пуда? Кругом «кривая» падает, а там пуд?

— Так это же Малинина! Талант! Она, милый мой, посеяла раньше всех, вовремя влагу закрыла, удобрений внесла сколько нужно, часть лугов у ней окультурена, то есть поливные, вико-овсяную смесь на зеленую подкормку валит, ночную пастьбу организовала...

О Прасковье Андреевне Малининой я уже много слышал. Приедешь, бывало, в Кострому в отпуск, и где-то обязательно назовут это имя. То по радио, то в местной газете, а чаще всего упоминали Малинину просто в быту: на рынке, в магазинах, на волжской переправе, заставленной возами с разной деревенской снедью.

— Где это вы такой лучок брали? — спросит у женщины матрос с дебаркадера, перебирая в корзине крупные золотисто-голубоватые луковицы.— Ты гляди, как репа... Вот уж умело выбирала, видать...

— Не лук, а объедение,— охотно ответит женщина, поощренная похвалой.— Из Самети лучок-то, малининский. За час полон грузовик разобрали, еле досталось. Он, как яблоко, сочный. И сладкий...

Гонялись в Костроме и за малининской картошкой, такой рассыпчатой, крупной и запашистой, что когда ее сварят в чугунке, «в мундирах», то вкусный дух долго стоит в комнате. И молоко, привезенное из Самети, всегда брали нарасхват. Хозяйки, смотришь, дежурят у магазина, ждут, когда из колхоза «12-й Октябрь» машина придет. На полках полно и молока и кефира, а не берут, стоят в очереди за малининским.

А то как-то наша бабка пришла домой, запыхавшись, сказала от двери:

— Помогайте, не донести мне...

— А что нести-то?

— Вилок... вилок капусты... Малининскую капусту привезли, а вилки... Не поднимешь их...

Вот с таких вкусных деревенских вещей и началось мое заочное знакомство с Малининой. Я еще тогда подумал: счастлив тот человек, которого добрым словом за обеденным столом вспоминают как поильца и кормильца щедрого...

А спустя некоторое время я стал видеть Прасковью Андреевну Малинину на различных совещаниях, которые проходили тогда в Костроме довольно часто. Мне очень нравилось, как она выступает. Еще только, бывало, ее фамилию назовут, а уже волнами катится одобрительный, заинтересованный шумок в зале, люди ищут ее взглядами, затихают, готовые слушать, а то и заранее, как артисту известному, начнут аплодировать. Есть еще в сельской местности ораторы, «работающие» под деда Щукаря, их хлебом не корми, а дай только покрасоваться при народе, показать свою искусственную кондовость, «мудрость» стариковскую, которая держится иногда на простоватости, на всяких там «кубыть», «чаво» и «надыть». Малинина тоже у любой аудитории одобрительную улыбку вызовет, бывает, что и весело посмеются,— умеет говорить с юморком, но делает она это не специально, у нее все как бы само собой получается, идет от таланта, от прирожденной, я бы сказал, ораторской хватки. Авторитет ее на конкретных делах держится, на центнерах, килограммах и литрах, на разных показателях, которым нет равных во всей округе. Она всегда говорит только дело. И юмор ее «работает» на это дело. Не медленно и не суетливо, а как-то степенно-просто поднимается Прасковья Андреевна на трибуну и, выждав несколько секунд, как бы что-то вспоминая или мысленно здороваясь с залом, начинает костромским своим окающим говорком рассказывать о делах, о людях колхоза, о последних решениях партии и правительства. Она именно рассказывает, а не читает по бумажке, и за кажущейся простотой ее улавливается ясный, глубокий ум, широта суждений, государственный подход. Как-то во время ее речи я услышал сзади себя тихий разговор:

— Хоть в министры выдвигай ее...

— А что? Подучить только...

Все это я вспомнил по дороге в колхоз «12-й Октябрь». Я немного волновался: застану ли Малинину на месте, будет ли она на полдневной дойке?

Машина поворачивала направо, и мне пришлось сойти, добираться до Самети пешком. Стояло безветрие, и над дорогой подолгу висела серая пыль. И небо казалось каким-то пепельно-серым, не было в нем облачков, радующей глаз голубизны. За колдобиной, на перепаханной узкой полоске, раскрыв клюв, лениво ходили грачи, и ничем, кроме горькой сухой пыли, не пахло: ни землей, ни травой, ни деревьями...

За деревянным мостиком, на пологом взгорье показался столб с надписью на щите: «Колхоз «12-й Октябрь». И только тут я обратил внимание на поля по ту и по эту сторону «границы». Очень заметно они отличались друг от друга. Картофельные борозды на малининской стороне были ровны и глубоки, умело окучены, чисты, густо кустилась на всем участке зеленая, сочная, полнокровная ботва с венчиками беловатых цветков. И рожь еще местами колосилась, была такой сильной и густой, что руку меж стеблей не просунешь. А сзади, по ту сторону «границы», та же картошка выглядела жалко, рахитично, по межам желтела сурепка, хвощ и молочай глушили все поле. Я невольно залюбовался малининским участком, склонился над бороздой, чтобы потрогать растеньица рукой. Два связиста, разматывавшие провод невдалеке, заметили меня, и кто-то из них крикнул:

— В глаза бьет разница-то, верно? Из одной тучи на обоих хозяев капает, а по-разному попадает. Один хозяин капельки-то худым ртом, видно, ловит, а второй — пригоршнями, вот и разница!

В Самети, на ферме, Малининой не было. Молодой парень, сгружающий фляги с обратом для телят, посмотрел на часы и сказал удивленно:

— А почему она должна здесь быть? У нас распорядок. Прасковья Андреевна сейчас в летнем лагере, там сегодня новую доильную установку пробуют...

До летнего лагеря меня подвез механик на мотоцикле с коляской. Мы обогнули небольшое озерцо и покатили по кочковатой широкой тропке. Коляску так подбрасывало, что казалось, она вот-вот отвалится. Но механик, кажется, не замечал этого, то и дело поворачивался ко мне и давал пояснения:

— Движок там у них смесь богатую засасывает и глохнет. И компрессор не отрегулирован... Прасковья Андреевна сама вчера доильные аппараты пробовала, говорит, что вакуума нет. Дайте, говорит, мне настоящий вакуум — и баста! Я, говорит, коров портить не позволю! Она у нас такая, понимаешь... Чтобы порядок во всем был... Новую технику, говорит, с первого дня дискредитировать не позволю!

Мы остановились у кустиков, за которыми начиналась луговина, и пошли пешком, чтобы не пугать стадо треском мотора. Здесь, в лугах, было попрохладнее. С Волги, с широкого ее плеса, дышало свежим ветерком. Одинокий чибис кружился над ивняком и жалобно кричал, словно что-то высматривал.

Дойка уже закончилась. Коровы лежали на траве. Одни ели кошанину, разложенную крупными охапками по всему лагерю, другие — их с десяток было — стояли еще в станках, и доярки в белых халатах хлопотали вокруг них, покрикивали, уносили аппараты и фляги с молоком. Одна коровенка, видно, первотелок, с отпиленным левым рогом, никак не хотела идти в станок, упиралась, посматривала в сторону пострелевающего за изгородью движка, мычала, а когда ее легонько хлестали хворостиной, норовила боднуть, угрожающе прицеливалась целым рогом.

— Да не хворостиной бей, а возьми корочку да помани! Слышишь, Марья?

— Манила уж и так и эдак...

— Спокойно надо, без крика,— сказала женщина в белом платке и стала что-то искать в своей объемистой сумке, похожей на ту, что раньше носили ротные старшины. Это была Малинина. В халате нараспашку, с засученными рукавами, смуглая от загара, она по-хозяйски подошла к корове, стала трепать и чесать ей шею, скормила корочку, потом вторую и все приговаривала ласково:

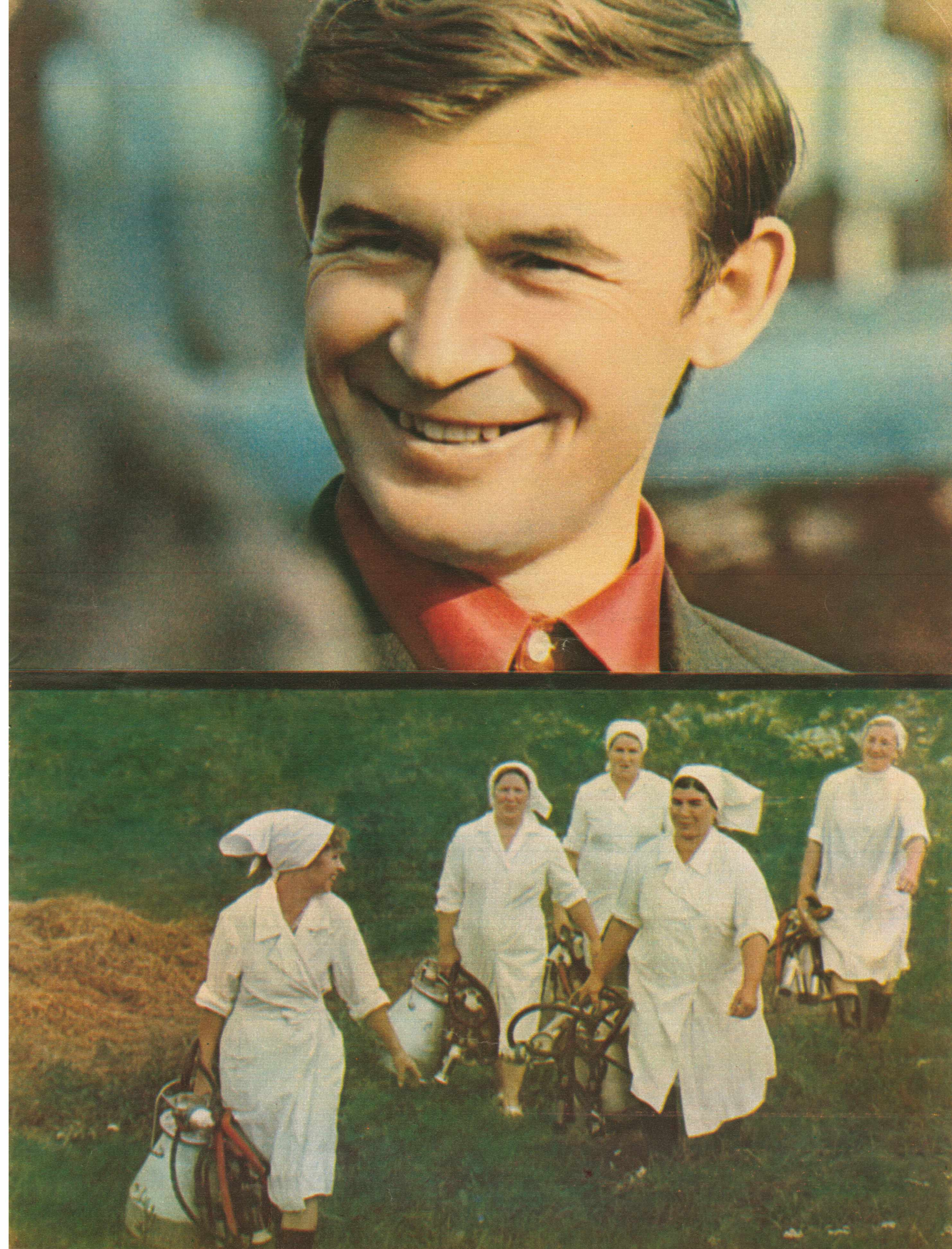
— Ну что ты, дурочка, упира-

■

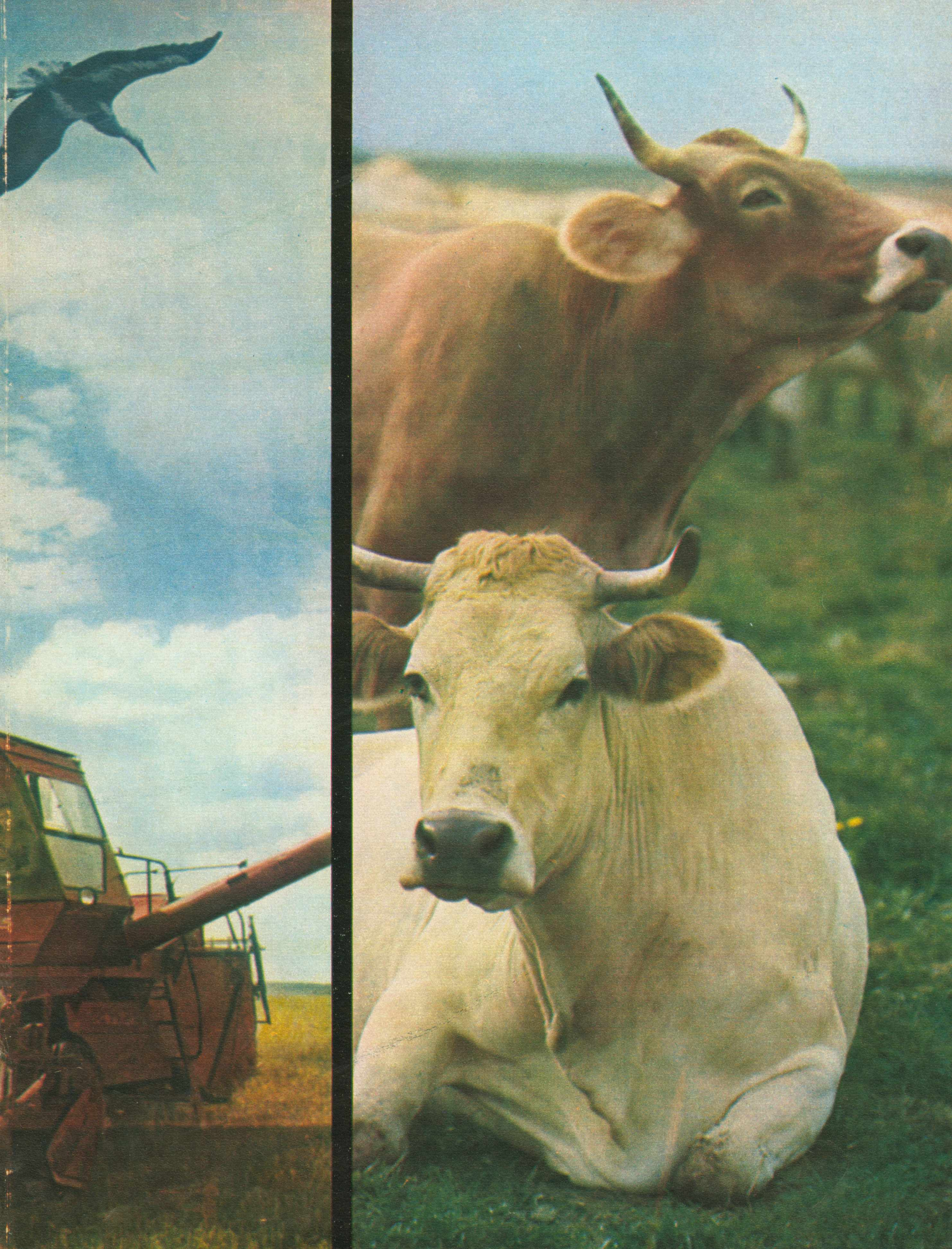
Главный инженер, секретарь парторганизации колхоза «12-й Октябрь» В. Д. Никулин. * Обычное утро.

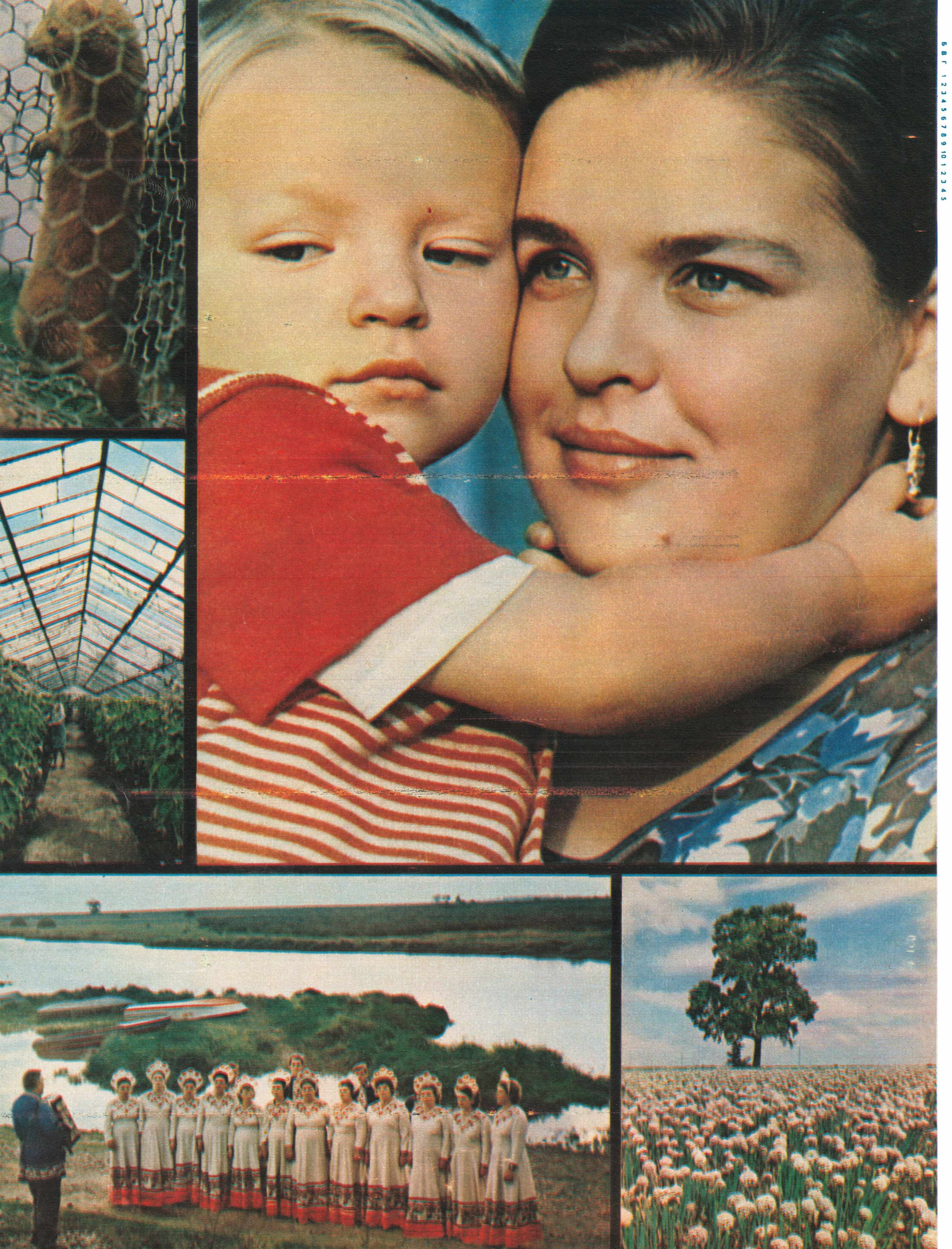
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Прасковья Андреевна Малинина. * Аисты живут только возле добрых людей. * Прославленные костромские...

ешься, а? На ферме не боишься, а здесь испугалась. А ну-ка пойдем, Зорька, пойдем! Вот так, милая, вот и хорошо!

Когда Зорьку подоили и пустили в стадо, Прасковья Андреевна сказала мне, как бы продолжая прерванный разговор:

— Денька через два попривыкнут. На ферму в полдень по такой жаре гонять — только молоко терять...

Я приготовился было по всей форме взять у нее интервью, но этого не потребовалось. Она сама незаметно, как бы между делом, все доходчиво и толково рассказала. Расстелила на траве газету, положила редиску, лук, яйца вареные, хлеб...

— Угощайтесь... Эти дни, понимаешь, и пообедать некогда... Пока привезли установку, пока смонтировали... Сегодня в среднем по стаду килограммов двадцать пять надоим. Это для нас мало. Эка сушь какая! Беда прямо! И барометр, понимаешь, ни с места. Приходится поливальные машины пускать, подкормку не жалеем. Молоко для нас — основная марка. Позавчера проверяю: жирность упала. И горчит молоко, запах не тот. Пастухов спрашиваю: в чем дело? Оказывается, коровы полыни наелись. Вот уж я их чистила, окаянных, вот чистила! Такое молоко для сыров не годится. И в детские садики его не дашь. Да и масло, поди, горчить будет...

Одна за другой подходили доярки, садились рядом, плотным кольцом окружая Малинину. Прасковья Андреевна сняла туфли и, подставляя солнцу босые ноги, блаженно жмурила свои голубые улыбчивые глаза. Я заметил, что и при серьезном лице глаза ее все равно улыбались. Где-то в глубине их всегда светилась живая радость, искорка. И было видно во время беседы: любили Малинину доярки. Любили так, как молодые солдаты своего опытного, справедливого, умного командира. В деревне трудно завоевать авторитет, если сам не умеешь делать крестьянскую работу. А Малинина все умеет: и коров доить, и отелы принимать, и огуречную рассаду на грядки садить, и стога метать, и хлеб сеять. Разве только в машинах не сильна. Да и то лишь в новых, а старые машины знает.

— Ну так что ж, девоньки,— говорит Прасковья Андреевна дояркам,— давайте сообща подумаем, как нам это сухое лето продержаться, при хороших показателях... Высказывайтесь, а товарищ корреспондент послушает...

* * *

Шли годы. Я частенько встречался с Малининой. То в Костроме, то в Самети, то в Москве, на сессии Верховного Совета России, куда она приезжала, как депутат от родных своих мест.

Один костромской поэт сочинил про Малинину стихотворение, первые строки которого были такие:

В Самети, в Самети
Все деревья в замети.
Все высокие посты
Женщинами заняты...

И вот при встрече как бы вместо приветствия я читал эти строчки. И без того улыбчивое лицо Прасковьи Андреевны начинало светиться еще больше.

— А что? — говорила она, шутливо принимая осанистый вид.— Мы, бабы, еще покажем, как надо работать. Мне один знакомый академик сказал, что за нами, женщинами, будущее. Вот так!

В Самети и в самом деле все высокие «портфели» заняты женщинами, не говоря уже о должностях рядовых, бригадных. Шестнадцать Героев Социалистического Труда в колхозе, и двенадцать из них — женщины. Из трехсот человек, награжденных орденами и медалями, двести сорок — женщины...

Пожалуй, каждый год, в Самети что-то новое: то редний сорт капусты внедряют, то телят холодным методом выращивают, то корову-рекордистку, такую, как знаменитая Волшебница, везут на выставку. Жадна Прасковья Андреевна до новинок, неугомонна. Приедет из какой-нибудь области или из-за границы, собирает актив и говорит:

— Вот мы сено в пургу и мороз из лугов возим. А в Польше я видела, как на фермах чердаки под корма оборудованы, специальный транспортер сделан. Удобно, быстро. Я вот тут срисовала на бумажке, дело нехитрое, давайте попробуем наладить...

Приехали мы недавно с секретарем райкома партии в Саметь, ищем Малинину. Часа два уже ходим мы по селу а найти председателя не можем. Колхоз вроде бы и не велик, но «точек» много: гараж, ферма, Дом культуры, мастерские, магазин и контора... Куда ни зайдем, везде отвечают: «Только что была». По распорядку у Малининой сегодня осмотр хозяйства, вот она и колесит по замкнутому кругу.

На ферме мы задержались, чтобы побывать на дойке. Это давно уже не ферма, а настоящий завод. В просторном помещении светло и чисто, коровы сосредоточенно жуют корм, мягко гудят за стеной моторы, пульсирует по стеклянной трубе молоко, охлаждается и вылетает из специальной машины уже в аккуратных бумажных пакетах, готовых к продаже. На каждом пакете штамп: «Колхоз 12-й Октябрь»...

Сегодня суббота, а в Самети будничное рабочее оживление. Вспыхивают огни электросварки в мастерской, гусеничный трактор тащит прицеп с сухим торфом, бегут за трактором мальчишки.

— Эй, ребята, Малинину не видели?

— В детском садике она!

Но и там ее не оказалось. Застали мы Прасковью Андреевну в правлении, в председательском уютном кабинете. Присев с краю стола, она с кем-то доругивалась по телефону, просила десять покрышек и запасной калорифер. На ней серые разношенные валенки, меховая безрукавка, на плечах пушистый платок. Положив трубку, она, как и всегда, приветливо улыбнулась и стала жаловаться на нехватку запчастей, шифера.

— Тебе всегда чего-то надо, Прасковья Андреевна,— говорит секретарь райкома. — Опять что-то строишь?

— Свадьба у нас скоро, надо успеть для молодых пристройку доделать, в общем, дом настоящий, и не тесом же его крыть, дом-то? Шифер нужен, и хорошо бы, понимаешь, цветной, понаряднее...

Поговорив о разных новостях, интересуемся колхозными делами. В Саметь приезжает много людей, советских и иностранцев, и все они, вот как и мы, задают примерно одинаковые вопросы: порода скота, себестоимость, урожаи овощей и зерна, проценты... Это и понятно, экономика ведь — главное, и Малинина давно привыкла к подобным вопросам, хотя и без вопросов, с первого взгляда на сельские улицы каждому ясно: хорошо живут в Самети, крепнет хозяйство, в ногу с наукой идет. Еще лет двадцать назад, когда многие костромские деревни не отличались богатством, «12-й Октябрь» уже процветал и гремел на всю страну. А теперь что! Теперь в любом колхозе бодрое настроение, и когда я, намекнув на это, попросил Прасковью Андреевну не о делах бригадных, а просто о своей женской доле и счастье рассказать, она как-то вдруг по-домашнему обмякла и положила на стол крупные крестьянские руки.

— Я очень счастлива, хоть и трудное у меня счастье,— говорит она задумчиво и щурит свои добрые, ясные глаза, как бы смотрит куда-то в даль...

Не так давно Малинина отметила свое семидесятилетие. Точнее: не она отметила эту дату, а народ, вся область...

Второй Золотой Звездой Героя Социалистического Труда наградили ее. В Саметь столько гостей понаехало — не протолкнуться. Здорово на своем вечере Прасковья Андреевна «барыню» отплясывала, частушки пела. Смотрю я на нее и удивляюсь: не берут ее годы, все такая же быстрая, боевая. Ну разве самую малость изменилась. Седина вон на висках, неглубокие морщины в уголках рта. Да и замечаешь эти меты, когда задумается она, нахмурится. А ведь за эти последние годы не один, говорят, инфаркт перенесла Прасковья Андреевна. С полгода, не шевелясь, на спине пролежала. За всю свою долгую жизнь семь раз только в отпуске была, да и то как-то, не догуляв срока, из санатория уехала. А чего бы, казалось, надо ей? Вот уж и дважды Герой, и лауреат, и знаменита на весь мир, отдыхай себе, нянчи внуков, телевизор смотри, не вставай в четыре утра, не бегай на ферму, не хлопочи о калориферах и коленчатых валах. Но разве уговоришь ее отдыхать беззаботно?

— Конечно, я счастлива,— тихо повторяет Прасковья Андреевна.— Если бы сызнова жизнь-то начинать, то это бы и выбрала... Как же я без земли-то? Без земли мне нельзя...

* * *

До Малининой в Самети перебывало шестнадцать председателей: Богомолов, Шишков, Кузнецов, Шумилов, Кукушкин... Разные это были люди, по-разному дело вели, но ни один из них не смог так перевернуть хозяйство, добиться таких успехов, как Прасковья Андреевна. Находились да и сейчас есть люди, которые говорят о каких-то «особых условиях» для Самети, о «подкормке сверху». Это неправда. Своей энергией, неиссякаемым крестьянским талантом, смекалкой и хозяйственной жилкой сумела Малинина поднять и зажечь земляков своих, направить по верному руслу, проложенному Советской властью, колхозным строем.

А начинала она с нянек, батрачек. Шестилетней отвел ее отец в чужой дом: семья большая, есть нечего, куски у Настенки-нищенки покупали. Работала Прасковья уборщицей в чайной, возила на санках прутья для корзин, и когда колхоз организовался, ее, как неподкупно честную и прямую, единогласно в кладовщики определили. В то время кладовщик фигура была важная.

В колхозе семья их вздохнула, свет увидела. Только в личной жизни трудно пришлось Прасковье: одного мужа-пьяницу сама прогнала, а второй вскоре умер. Хороший был человек, но заболел и скоропостижно умер. Осталась она с дочерью и сыном...

Любила Прасковья за коровами ухаживать. Заметили это члены правления и назначили ее бригадиром на ферму. Вот с того дня и начался взлет Малининой. Показала себя блестящим животноводом. Она является одним из создателей костромской породы скота, лучшей, пожалуй, породы в мире.

Еще до войны встречалась Малинина с академиками, вместе с представителями совхоза «Караваево» утверждала в Москве эту высокопродуктивную породу. Предлагалось назвать породу караваевской, но Малинина выступила и рассказала, что караваевцы для опытов брали коров у них в Самети. Отсюда пошла порода, из Самети. И чтобы не было ни у кого обиды, решили назвать породу костромской. Предложение Малининой приняли...

Уже будучи заведующей, а потом и председателем, ночи не спала Прасковья Андреевна, улучшая свое стадо. Где она только не была, куда только не ездила, чтобы крупицу опыта перенять! И стадо росло с каждым годом, удои подскочили под четыре тысячи литров. В Москве на сельхозвыставке стал греметь колхоз. Получила Золотую Звезду и Прасковья Андреевна. Стала Героем Социалистического Труда ее сестра Дуня, лучшая в колхозе доярка. Зачастили на Волгу делегации, смотрели, трогали руками, записывали, восторгались. И не только ферма в Самети была образцовой. Стрельниково рядом, Некрасово, та же земля там, а результаты поразительно разные. В чем дело? В чем секрет? Малинина разводила руками и только улыбалась: сами, мол, смотрите, перед глазами весь секрет. В ту пору она не была еще такой речистой: с тремя-то классами церковно-приходской школы не шибко разговоришься. Это уж потом объездила многие страны, побывала на многих съездах, подучилась, стала она говорить свободно, по-народному, широко, с юморком...

Однажды во Франции ее попросили выступить в сельскохозяйственной академии. Пока шла она переполненным залом к трибуне, кое-кто откровенно и ехидно улыбался, в упор разглядывали ее костромского покроя черный костюм: ну что может сказать эта курносая русская баба, что она знает, чем удивит? А она, однако, удивила. Два часа слушали ее, затаив дыхание. Говорила она о своей родной Самети, о жизни колхозников, о костромской породе скота.

В перерыве подошел к ней человек в берете блином, какие наши девушки до войны носили, и начал:

— Я уверен, мадам Прасковья, что у вас диплом ученого, но, видно, пропаганде так нужно представлять вас с малым образованием... Ничего... Я понимаю... Это меня, мадам, не касается. Я только хочу задавать вопрос о пропорции жирности молока и его количестве... И о кормах между сезонами, извините...

Малинина не обиделась, когда иностранец упомянул насчет пропаганды: что с него взять? Начитался, поди, разных буржуазных бредней. Она ответила на все его вопросы. Она вообще человек добрый, незлой, редко повышает голос...

Только однажды изменила ей

■

Таких норок на звероферме восемь тысяч. * Новая теплица. * Внучка П. А. Малинин Людмила преподает в музыкальной школе, а правнук Олег в этом году пошел в детский сад. * Колхозный хор. * Созревает семенной лук.

выдержка. Была она на Третьем съезде колхозников, сидела в президиуме, слушала речи делегатов и беззвучно-радостно плакала, незаметно утираясь платочком. Все годы колхозного строя проходили перед ее взором. Как этот строй, Советская власть возвеличили крестьянина, изменили его психологию!..

А после заседания ехала она в такси, везла своей знакомой артистке в корзине деревенские гостинцы. Шофер, молодой и нахальный парень, сказал небрежно:

— Ну что, тетка? Спекулировать едешь? У, деревенщина! Все вы там спикули!..

Может быть, Прасковья Андреевна и промолчала бы, но уж очень презрительно парень выговорил слово «деревенщина», да еще выбросил из кабины остаток надкушенной булки.

— А ну, стой!— крикнула Малинина.— Останови сейчас же, наглец!

— Да ты что, тетка?

— Какая я тебе к черту тетка? Хлеб бросаешь, мазурик? На асфальт кидаешь, как мусор какой! А знаешь, как он добывается, этот хлеб, а? Знаешь?

Прасковья Андреевна вышла из машины, лицо от волнения у нее раскраснелось, пошло пятнами, распахнулось на ветру пальто, и шофер, увидя ордена и медали на ее темном мужском пиджаке, застыл как вкопанный и залепетал:

— Да извините... Я, знаете... Прошу прощения...

— За деревенщину простила бы, а за хлеб нет. Как твоя фамилия?..

* * *

Прасковья Андреевна пригласила нас к себе в дом пообедать. Живет она одна. Сын ее работает в Ленинграде. Он моряк. А дочь — костромская ткачиха. Три внука уже у нее.

В доме у Малининой часто ночуют приехавшие в Саметь люди. Придут к ней с жалобой, и она, если не решит вопроса сразу, оставляет человека у себя дома. Четверть века бессменно руководит колхозом...

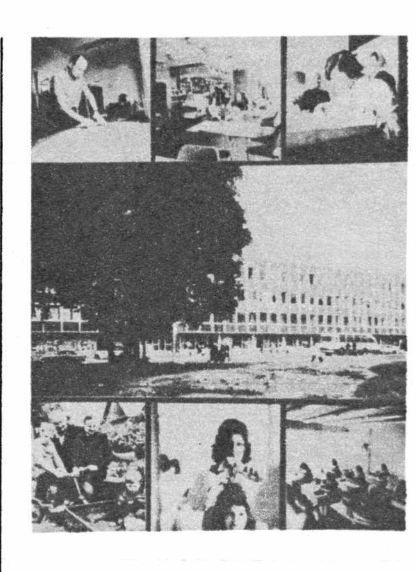
Расстаемся мы с ней возле военного памятника. Памятник прост и впечатляющ: возле гранитного столба сидит солдат и прижимает к груди мальчонку. Часто приходит сюда Малинина. Сто двадцать человек не вернулись с войны в Саметь. Сто двадцать... И все, как родные, все свои, деревенские...

Долго стоим молча. Малинина поправляет платок и, выйдя на дорогу, снова начинает говорить о делах. Девятую пятилетку колхоз заканчивает хорошо. Семьдесят четвертый год на погоду был неудачный в этих местах, весна опоздала, холода стояли, черемуха только в конце мая зацвела, но Саметь, как и всегда, сумела себя показать: зерновых взяли по тридцать пять центнеров на круг, картошки — по двести центнеров, молока надоили по четыре тысячи килограммов на корову. Капуста, огурцы, лук, морковь, свекла кормовая, и все это шло первым сортом, нарасхват, радовало людей, радовало и бухгалтера колхозного: Малинина всех приучила копейку считать...

Большая стройка намечается в Самети. XXV съезд партии колхоз встретит достойно. Есть хорошие заделы, виды на урожай радуют.

— Планов у нас многонько,— нажимая на «о», говорит Прасковья Андреевна.— Не оплошаем, чай, с таким-то народом. Удобства в Самети получше, чем в городе, будут. И горячую воду пустим и бассейн плавательный построим. Пусть люди хорошо живут. Они заслужили это...

Прасковья Андреевна поднимает голову, посматривая на летящих грачей, и синь неба отражается в ее умных, веселых глазах.

НОВЫЕ ДЕ

Н. ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Вообще Юзе здорово повезло. Мало ли их было — литовских крестьян, что искали дополнительный заработок портняжным ремеслом? Ходили со своими сундучками из деревни в деревню. Шили из домашнего тканья немудрящие крестьянские одеяния, полушубки и шапки из овчины, при надобности и печку умели сложить, постричь мужика, да еще и на свадьбах играли на самодельной скрипочке. А Палангос Юзе к тому же был прекрасным рассказчиком — помнил уйму литовских народных сказок да и небылицы придумывал такие, что люди слушали его, развесив уши и покатываясь от хохоту. А повезло ему в том, что в тех местах жил литовский писатель — собиратель фольклора Мотеюс Валанчюс, он записал юзевские штучки и тем самым увековечил Юзе. Теперь скульпторы режут из дерева его проворную фигурку с большими ножницами под мышкой, она и стала как бы символом одной большой литовской организации, выполняющей все, что когда-то делали Юзе и его собратья, только на совершенно ином уровне и в иных масштабах.

А что, если взять да и пригласить Юзе со страниц книги Валанчюса — показать ему дела сегодняшних его преемников?

Вначале Юзе растерян и потрясен: ему ничего не узнать. Где крытые соломой халупы, где крохотные, сурепкой заросшие поля? Откуда взялись новые, каменные деревни и зеленые, без межей просторы? Что за гладкие, отражающие солнце ленты протянулись по всей Литве вместо тех дорог, по которым он с трудом пробирался от деревни к деревне, от хутора к хутору? И что это за белые длинные, с широкими окнами дворцы выстроились по всей Литве — вроде замков графа Тышкевича, только без украшений?

Но Юзе смекалист, и вот он уже как должное принимает новые колхозные деревни, и асфальт, и заводы, и даже животноводческие фермы, столь похожие на замки без украшений. И, конечно, больше всего он гордится своими владениями. Теперь он очень даже богатый и, если так можно выразиться, рентабельный человек. А что? Далеко не у каждого магната, не говоря уже о ремесленниках, было 53 больших дома в городах и 629 небольших — в деревне. И не у каждого было 46 миллионов для капиталовложений на пять лет. И уж вовсе никто не получал от своего дела за четыре года больше 40 миллионов рублей прибыли.

А теперь перейдем на язык цифр и фактов, что были получены нами в Вильнюсе, в Министерстве бытового обслуживания — главной современной резиденции Юзе.

53 больших комбината бытового обслуживания построено в городах и районных центрах Литвы за последнее десятилетие и 629 комплексно-приемных пунктов в деревне. 46 миллионов рублей было ассигновано на текущую пятилетку для нужд бытового обслуживания. Всего населения в Литве — 3 миллиона 300 тысяч человек. В сфере бытового обслуживания работает 33 тысячи разных мастеров. И оказывают они жителям городов и сел в общей сложности до 200 видов различных услуг, помогая им управляться с неизбежными и нередко назойливыми трудностями бытовых дел.

В этой пятилетке обнаружилось интересное новшество: службой быта в широких масштабах стали пользоваться сельские жители. Свидетельством тому самый точный показатель — рубль. В Литве за четыре года девятой пятилетки услуги на одного жителя села возросли с 11 рублей 46 копеек до 17 рублей 24 копеек.

И как вы думаете, к каким услугам больше всего прибегают сельские жители? К стирке!

Вот тут, надо сказать, Палангос Юзе страшно удивился бы и, пока не увидел, даже не поверил бы: чтобы сельская женщина стала отдавать свое бельишко в прачечную, устроенную, как в городе? Да у нее и белья такого нет, чтобы на люди вынести, да и позором бы она сочла не своими руками свое белье стирать.

Но времена изменились. Сельская труженица зарабатывает теперь не меньше горожанки. И так же, как горожанка, она покупает самое лучшее, что есть в продаже, и предпочитает услуги прачечной изнурительной домашней стирке. Даже если дома есть необходимая машина. Ведь тот, кто стирает дома, знает, что это такое. Надо закупить мыло, порошки, отбеливатели, крахмал. Нужно потратить немало электричества для стиральной машины и утюга. Много времени надо убить на замочку и стирку, кипячение и опять стирку. А крахмалить, сушить, гладить! Руки потом сутки ноют. В механизированной же прачечной стирка одной простыни стоит всего 5 копеек. Стирка килограмма белья — 25 копеек, а с крахмалом — 27. А забот всего-навсего — нашить метки в кои веки раз да раз в неделю собрать белье в узел. В назначенное время за бельем придет машина, и ровно через неделю та же машина привезет его белоснежным и отглаженным да еще и увезет очередной узел. На этот предмет в распоряжении службы быта имеется 900 машин, в основном грузовых, и большая часть этого автопарка обслуживает сельскую местность. Но если мы воспринимаем эту цифру «900» как большую, то в Вильнюсе, в Министерстве бытового обслуживания, нас поправят.

— Это еще очень мало! — говорит министр Казис Плехавичюс.— Ведь на весь процесс стирки, сушки и глажения партии белья уходит всего 40 минут. Если бы было больше машин, срок стирки можно было бы значительно сократить и отнюдь не доводить его до недели!

Но если не быть в этом вопросе максималистом, то можно сказать, что неделя — срок не такой уж и долгий. Во всяком случае, сельских хозяек он пока вполне устраивает. И устраивает сельские комбинаты бытового обслуживания: самый большой доход они получают именно от стирки.

— А самая маленькая прибыль от какого вида услуг? — спрашиваем Зенонаса Тамошюнаса, директора Варенского районного комбината бытовых услуг.

— А у нас есть и убыточные виды услуг,— отвечает Тамошюнас.— Например, не дает прибыли швейное производство. Хотя там счет идет не на копейки, а на рубли и десятки рублей, но уж больно высока оплата мастеров. Знаете, портной ведь своего рода художник, личность творческая, если ему мало платить, он и работать не будет, а шить на заказ у нас в Литве любят, не хотят до-

ЛА СТАРОГО ЮЗЕ

вольствоваться одеждой стандартного, фабричного изготовления. Здесь приходится прежде всего думать не о деньгах, а о потребностях клиентов. Пока не приносят особой прибыли и мастерские химчистки: они не полностью загружены. Но это, надо полагать, дело поправимое: еще недавно и прачечные на селе не были загружены, думаю, что и химчистка скоро войдет в деревне в привычку. Еще не дает прибыли ремонт обуви. Тут несколько причин. Ведь подошвы и каблуки современной обуви прочны. Да и общая зажиточность тоже играет не последнюю роль: мода на обувь меняется быстро, деньги есть, зачем же чинить старую обувь, если она все равно быстро выходит из моды?

— А довольны ли клиенты качеством ремонта?

— Не совсем. Нынче летом в Вильнюсе состоялась всесоюзная конференция по вопросам ремонта обуви. В конференции участвовали специалисты из-за рубежа: из Польши, ГДР, Венгрии, Чехословакии. Обсуждались проблемы качества ремонтных материалов, механизации, прочности клеев, проблемы индивидуальных заказов, моды, заменителей кожи, оплаты труда. И все сошлись на одном — качество ремонта обуви надо улучшать.

Зенонас Тамошюнас — бывалый человек в сфере бытового обслуживания. Он прекрасно помнит, как в конце сороковых годов из ремесленников-кустарей создавались артели, мастерские. На его глазах вырастали комбинаты бытового обслуживания, сам организовывал в деревнях комплексно-приемные пункты. А сейчас в Варене он показывает нам большое новое сооружение: комплекс чистоты. В здании находится благоустроенная баня, тут же — прачечная с таким видом услуг, как стирка белья за то короткое время, пока человек моется в бане. Здесь и парикмахерская: мужчины стригутся перед баней, женщины же после бани не закутывают мокрые волосы платками и полотенцами, а идут прямо к мастеру и выходят с такими прическами, что впору отправляться на конкурс красоты. И, конечно, работает буфет, где можно славно закусить и выбрать любой из прохладительных напитков.

Из Варены мы отправляемся в Меркине. Это в Дзукии, лесном краю, живут здесь в основном работники леспромхозов. Раз лес кругом, то естественно было бы считать эти места глухими, во всяком случае, для бродячих портных времен нашего знакомца Юзе тут был, как говорится, не «клондайк». Новый павильон бытового обслуживания стоит на центральной площади. Работают в нем четырнадцать человек разных специальностей. Знакомимся в первую очередь с бригадиром Яниной Сорокене. Она депутат апилинкового (сельского) Совета, возглавляет службу быта в Меркине уже десять лет. Женщина она крепкая, ладная, за словом в карман не лезет, про таких говорят: «пробивная». Это чувствуется даже по набору тканей, вывешенных на общее обозрение,— хорошие ткани, все, что надо, есть — на пальто, на костюмы и платья для разных сезонов.

— Как вам тут работается?

— Ну, это вы не у меня спрашивайте, а у клиентов, они сейчас подойдут, — улыбается Сорокене.

А клиенты уж тут как тут. Первой пришла Антонина Тураускене.

— Привезли кримплен? — спрашивает у бригадира.

— Да нет, ждем, но, скажи на милость, зачем тебе еще одно кримпленовое платье? — интересуется Сорокене. — Ты, наверное, то, что мы недавно шили, еще обновить не успела? Давай выберем шелк.

— И не уговаривай, мне на свадьбу ехать надо, хочу именно кримплен понарядней, так что я уж лучше подожду. Примерка готова?

— Конечно!

И обе женщины уходят в кабину, откуда доносится обычный в таком случае щебет.

После примерки я спрашиваю Антонину Матвеевну:

— Довольны ли работой ваших портных?

— Что вы, как же иначе! Десять лет у них шью, они все мои причуды и недостатки знают. Наверное, не меньше тридцати штук всяких одежд тут сшито. Недавно платье кримпленовое шили, мужу костюм и пальто, сейчас кофточку мерила да еще хочу кримпленовое платье заказать. Я ими очень довольна и никогда еще так хорошо не одевалась, как здесь, у меркинских портных.

А вот и вторая клиентка — школьный повар Мария Янушкене.

— Наша швейная бригада на весь край известная, из Друскининкая приезжают к нам шить,— дополняет она.— И срок исполнения короткий — неделя! Я на днях заказала летний костюм и кофточку, скоро уже и готовы будут. Их тут девять человек работают, они между собой дружны, друг с другом советуются и нам что помоднее присоветуют. А главное, переработать не боятся: у кого свадьба или иной какой праздник, постараются сделать и побыстрее и получше.

Феликс Крымский приехал из дальнего леспромхоза, из деревни Пелекишки, привез кусок отличной английской костюмной ткани. Закройщик Антанас Урбонавичюс спрашивает:

— Срочно тебе?

— Да нет. Я ведь на примерку-то не каждый день смогу приехать, только в неделю раз.

— А тут три примерки потребуются, значит, через три недели получишь. Устраивает?

— Устраивает.

Рядом в небольшом помещении у окна, не разгибаясь, с лупой в глазу работает молодой парень. Год назад окончил училище бытового обслуживания в Шяуляе. Гинтаутас Сорока пошел по той же дороге, что родители, — часовых дел мастер.

— У всякого дела есть достоинства и недостатки, — говорит министр Плехавичюс.— Так и у нас в службе быта. Недостатков, конечно, хватает. А вот одно из достоинств, которому я придаю большое значение: к нам пришло немало молодежи. Все они два года учатся в Шяуляйском училище. Приедете в следующий раз, в учебное время, и отправимся в Шяуляй. А к тому времени, может быть, мы уже начнем строительство нового училища в Каунасе — на семьсот человек и в Клайпеде — на четыреста.

— Как министерству удалось привлечь молодежь на работу в такую сферу, как бытовое обслуживание?

— Да, труд здесь нелегкий, но интересный. В первую очередь постоянное общение с людьми. Девушек очень интересуют профессии швеи и парикмахера, они с удовольствием «творят всякую красоту», и им приятно ежедневно видеть дело своих рук — хорошее платье или нарядную прическу. Уважение людей здесь тоже далеко не последний стимул. Вот в таком же небольшом комплексно-приемном пункте в другом конце Литвы, в городке Рамигала, работает парикмахером молоденькая девушка — Янина Аучюнайте. Она такой авторитет завоевала, что ее выбрали депутатом Рамигальского городского Совета.

Мы побывали в Рамигале и познакомились с Яниной в субботу, перед тем, как она закрывала парикмахерскую. Прибрала все на столах, присела, устало положила на столик руки.

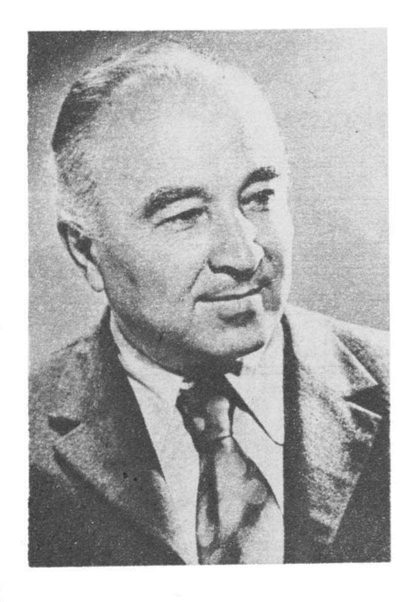
— Утомились, Янина?

— Ага, — с удовольствием согласилась она.— Я сегодня двадцать одну девчонку причесала. Да и в другие дни у меня бывает много народу, всем приятно ходить аккуратно причесанными.

Интервью с министром бытового обслуживания мы завершили разговором о заработках.

— Безусловно, было время, когда низкая оплата почти во всех звеньях службы быта отнюдь не привлекала к нам молодежь. Но теперь это позади. Вот давайте посмотрим, сколько зарабатывают наши мастера в том же Варенском районе, где мы были. Больше всего получают строители — по двести—двести пятьдесят рублей в месяц. Существует у нас на селе такой вид обслуживания, как строительство домов: заказчик вносит деньги и вскоре получает готовый дом. В Варене работает бригада из двадцати человек, и работает быстро, строит дома как каменные, так и деревянные. У работниц прачечной и химчистки выходит до 150 рублей. Чуть меньше у швей, вязальщиц и парикмахеров. У сапожников большие «ножницы» — есть такие, что зарабатывают по 300 рублей, а иной едва до 80 дотягивает. Все зависит от мастерства. Но в общем-то средний заработок работников службы быта на селе неплохой. Это тоже привлекает молодежь. Сейчас мы серьезно думаем о том, как побыстрее обеспечить наших будущих специалистов квартирами: так, чтобы они приехали, пожили в общежитии, укоренились, себя показали в работе, а там и ключи от квартиры получайте. Мы не пренебрегаем и материальным стимулированием: квартальные премии выдаем. Все это так. Но не менее важно и моральное поощрение. Немало у нас людей, награжденных орденами, медалями, почетными грамотами. Стараемся своевременно поблагодарить людей, о которых клиенты пишут в своих отзывах добрые слова. Есть у нас и такое поощрение, как памятная медаль «Палангос Юзе». Поскольку Юзе, так сказать, фольклорный покровитель нашего цеха, медаль его имени у нас в чести. Награда эта веселая, подымающая настроение, а обрадовать людей, внести в их жизнь нотку юмора и веселья — дело, по-моему, нужное и правильное.

...Медаль «Палангос Юзе»! Наш Юзе прямо разбух от славы и в таком виде снова отправился на страницы книги Валанчюса. А мы хотим сообщить читателю напоследок, что бытовое обслуживание в Литве стало важной отраслью народного хозяйства, что неусыпная забота о капитальном производственном и жилищном строительстве, о механизации и химизации всех отраслей службы быта, о серьезной подготовке молодых кадров выдвигает литовскую систему бытового обслуживания на одну из лучших позиций в нашей стране. Тут есть чему поучиться.

ИЗ КНИГИ «К У

Алим КЕШОКОВ

КУПЛЮ ТЕБЕ ПЛУГ ЗОЛОТОЙ

«Я тебе, буйвол мой,
Плуг куплю золотой...»
(Из индийской песни)

Восход сделал шаг семимильный,
Треть неба в багряном соку.
Усердствуй, мой буйвол двужильный,
Тяни за собою соху.

Работу со мной половиня,
Ты взять постарайся в расчет,
Что плодоношенья богиня
Нам благословение шлет.

Пусть кажется этой богине,
Чьи брови темны от сурьмы,
Что родом под куполом синим
Из львиного племени мы.

Ты сильный, мой буйвол, ты сильный,
А пашни надел невелик.
Усердствуй, мой буйвол двужильный,
Держись, не сдавайся, старик.

Извечно ты с пахотой слитен
Бывал на речных берегах.
И отсвет зари первобытен
Всегда у тебя на рогах.

Жена под раскидистым манго
Мне двух близнецов родила.
Теперь я встаю спозаранку,
Теперь ты встаешь до светла.

Не слон ты, и сам не раджа я
И капли стираю со лба.
Снять риса нам два урожая,
Быть может, поможет судьба.

Даю тебе, буйвол мой, слово,
Когда мы окончим страду,
Пойду в Бенарес я и снова
В священную реку войду.

Поэт Алим Кешоков не раз бывал в Индии. По мотивам индийской народной лирики он написал книгу стихов «Кубок неба», которая готовится в издательстве «Советский писатель». Журнал «Огонек» публикует из нее цикл стихов.

В честь дочери славного Неру
Моленья обряд совершу,
Обязанный ей, как премьеру,
Землей, на которой пашу.

Все ярче час рдеет светильный
Над пашней, водой залитой.
Усердствуй, мой буйвол двужильный,
Куплю тебе плуг золотой.

СИНДУР

«Не надо мне дома,
и поля, и сада,—
Без мужа мне жизни
не надо, не надо!»
(Из «Махабхараты»)

Кидавшийся весело в пляс,
Огонь погребальный угас,
И мужа душа улетела,
А пепел достался костру.
И холод вошел в мое тело,
И завтра по воле удела
Синдур меж бровей я сотру.

Как мака отцвел лепесток,
Замужества черный кружок.
И брат на запястие вдовий
Браслет мне надел не к добру.
Печальнее всех послесловий
Огонь погребальных становий,
Синдур меж бровей я сотру.

Женою пробывшая год,
Я только пригубила мед.
Шелк красный купив на базаре,
Сошью, как восток поутру,
Подобное огнищу сари,
С душою простясь в его жаре,
Синдур меж бровей я сотру.

Мне двадцать исполнилось лет,
Венчает их вдовий браслет.
Лишь Агни — бог огнища в силе
Его разомкнуть на миру.
Брат милый, я горсточка пыли,
А ветер всесильный не ты ли?
Синдур меж бровей я сотру.

Мой свадебный белый наряд
Отныне стать облаком рад,
А мне обернуться б звездою,
Что льнула к ночному шатру,
И вспыхнуть над черной водою.
Оставшись вдовой молодою,
Синдур меж бровей я сотру.

СЕМИЦВЕТИЕ

Земля округлая едина,
Начала и конца ей нет.
Высок, как белая вершина,
Над нею незакатный свет.

В земную честь не раз, бывало,
Держал я радугу в руках.
И, семицветная, сверкала
Она на мокрых облаках.

Или, венчая купол синий,
Вновь очарованному, мне
Напоминала хвост павлиний
В грозой омытой вышине.

Благословенна эта арка —
Творенье солнца и дождя,
Чьи семь цветов лучатся ярко,
Один в другой переходя.

Века летели, как недели,
Но равноправны искони,
Ее цвета не потускнели
И неразъемлемы они.

Нельзя нарушить их порядок,
Уменьшить вечное число.
Держитесь семицветных радуг,
Чтоб небо рухнуть не могло.

МЕЧТА ВСЕГДА ОПЕРЕЖАЕТ НАС

Мечта всегда опережает нас,
Ты держишь путь пешком,
А в это время
Перед тобою, опершись на стремя,
Она летит, подав зазывный глас.

И верхового на тропе любой
Опережает, обернувшись птицей.
Ты зрелый муж иль мальчик яснолицый,
За нею вслед летишь, как за судьбой.

ТЫ БОЙСЯ В ПУТЬ ПУСТИТЬСЯ ЛОЖНЫЙ

Не бойся женского обмана,
Упреков и ревнивых слез,
Не бойся вывернуть кармана,
Презреть анафему брахмана,
Не бойся вражеских угроз.

Не бойся, если в час тревожный
Изменит друг, тебя предав,
Не бойся зависти ничтожной,
А бойся в путь пуститься ложный,
Его за истинный приняв.

СЛОВО И ХЛЕБ

Живет человек в мире словом и хлебом,
И должен от праздного гула вдали
Поэт обладать независимым небом,
А пахарь — хоть малым наделом земли.

Коль слово древней остального на свете,
И хлеб вековечен под желтой луной,
Любой землепашец пред полем в ответе,
Любой стихотворец — пред целой страной.

ЖЕЛАНЬЯ МУДРОГО ВЛАДЫКИ

Время власти — горькая услада.
И однажды —
дело было встарь —
Заявил:
— Мне многого не надо,—
На престол вступивший государь.

Был бы тесен стол,
располагая
К откровенью подданных моих.
И была б одна
мне дорогая
Комната с кроватью на двоих.

ПОЭТ И ВЛАДЫКА

Не тот поэт прославит властелина,
Который смотрит властелину в рот.
И хоть стоит тревожная година,
Вновь не совет, а стремя подает.

И на века прославить в книге звездной
Владыку может стихотворец тот,

БОК НЕБА»

Чьей неподкупной искренности грозной
Владыка сам оказывал почет.

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ВЛЮБЛЕНА

Если женщина влюблена,
Все минует она преграды.
И соперницам нет пощады,
Если женщина влюблена.

Вся таинственна, как луна,
Улыбнется, вздохнув украдкой.
Схожа женщина впрямь с загадкой,
Если женщина влюблена.

ЖЕНСКИЙ ГНЕВ

— За мной однажды на коне
Враг мчался. Не догнал.
— Могло такое быть вполне,—
Я, веря, отвечал.

— И позже, помнится, сумел
Я смерть перехитрить...
— Когда ты жив, когда ты цел,
Могло такое быть.

— И повезло мне на войне:
Я пулей не задет.
— Могло такое быть вполне,—
Пришлось сказать в ответ.

— Во грех одну из королев
Я ввел. И вдруг она
С обиды горькой впала в гнев,
Как молния, грозна.

К спасенью я нашел пути...
— Ты лжешь, мил человек,
От гнева женского уйти
Никто не смог вовек.

ЖЕНСКОЕ ЛУКАВСТВО

Лукавство женщин неисповедимо.
Оно способно среди бела дня
Мужей окутать призрачностью дыма,
Который сотворен был без огня.

Скорей отринем сладостные яства,
Скорей травою зарастет луна,
Чем перестанет женское лукавство
Морочить нас в любые времена.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Розы цветут, а у мужа забота:
Трудится в поле до позднего дня.
Кончит работать — охватит дремота...
Не до меня ему, не до меня.

Летом он воду таскает до ночи,
Хлеб убирает, косою звеня.
Рухнет в постель — шевельнуться нет
мочи...
Не до меня ему, не до меня.

Осенью в джунгли спешит за дровами,
Чтоб не остался очаг без огня,
Или ворочает вновь жерновами...
Не до меня ему, не до меня.

В зимнюю пору ночь темная длится,
Праздных людей к сновиденьям клоня.
А мужу не спится, а мужу не спится:
Он до зари обнимает меня.

МОДНИЦЕ

Какая женщина не рада,
В шелка одетая опять,
К себе, как войско в час парада,
Вниманье многих привлекать.

Хоть сшит наряд ее на совесть,
Пусть не забудет одного,
Что муж, исполненный достоинств,
К лицу ей более всего.

О БЕЗОПАСНОСТИ РАССТОЯНИЯ И ОПАСНОЙ БЛИЗОСТИ

Вдали от женщин, власти, суеты
Ты мыслил всласть,
иной не зная страсти.
И вдруг затосковал однажды ты
По шумной жизни, женщине и власти.

От суеты лишился вскоре сил,
В закатах видя отсвет волчьей пасти.
И женщину, пресытясь, разлюбил
И равнодушен стал к щедротам власти.

ТЫ БЫКА ОБЛЮБУЙ МОЛОДОГО

Развеселая давняя повесть,
Говорят старики хорохорясь:
«Старый бык борозды не испортит».

Ну, какая от старого благость?
Когда собственный хвост ему в тягость?
«Старый бык борозды не испортит».

Похвали с уваженьем седого,
А быка облюбуй молодого,
Не тревожась за борозду в поле.

Я поклясться готов головою:
Молодой,
приспособленный к делу,
Зарасти не позволит травою
Твоему небольшому наделу.

ЕСЛИ С АНГЕЛОМ СХОЖА ЖЕНА БЕДНЯКА

Поднят тост, но безмолвствует звон
хрусталя
И не радует золото блеском,
Если сущая ведьма жена короля —
Жизни нет во дворце королевском.

В бедной хижине звезды глядят с потолка,
Отсвет солнца на каждом предмете.
Если с ангелом схожа жена бедняка,
Нет жилища счастливей на свете.

ЕСЛИ ПОДОЛГУ ЛЕЖАТЬ НА ЦИНОВКЕ

В небе луна избегает ночевки,
Вдаль убегают дороги кругом.
Если подолгу лежать на циновке,
Станет циновка заклятым врагом.

Были б смертельны для рек остановки,
Вечным движением мир одержим.
Если подолгу лежать на циновке,
Злейшим врагом она станет твоим.

И ТОЛЬКО ГЛУПЕЦ СРЕДИ УМНЫХ

От зноя земля заскорузла,
Но снова,
бурля все слышней,
Ворвется вода в свое русло
Во время сезона дождей.

От дружеских возгласов шумных
Дом бедный вдруг станет дворцом,
И только глупец среди умных
Останется вечно глупцом.

ВО ВРЕМЯ УРАГАНА

Опять к земле покорно льнет трава,
Впрямь, как раба, склонившаяся в страхе.
И ураган терзает дерева,
Вздувая их зеленые рубахи.

Хоть всякий раз, впадающий во гнев,
Походит ураган на дровосека,
Покорности добиться от дерев
Он был не в состоянии от века.

СИЛЬНЫЙ ЗАИКОЮ СДЕЛАЛ ВРАГА

Ветер — лесного пожара слуга
И повелитель свечей завсегдашний.
Сильный заикою сделал врага,
Крепость сровняв его с собственной
пашней.

Мужество исстари красит мужчин,
Мужеству гимны не зря мы слагаем.
Если от страха дрожит властелин,
Повелевать начинает слуга им.

ПЕСНЯ БОЛИ

У каждой боли — горькие слова,
У каждой боли — тихие шаги,
И вместо рук — пустые рукава,
А взор венчают черные круги.

Порою боль смахнет слезу тайком
И запоет вблизи иль вдалеке.
И песнь ее печальна,
на каком
Она бы ни звучала языке.

САМАЯ СТАРАЯ ПЕСНЯ

Я сына родила не для того,
Чтобы овец он тестя своего
Отсюда за семью горами пас,
А для того,
чтоб в очаге родимом,
Прокуренном насквозь сладчайшим
дымом,
Огонь с моей кончиной не погас.

СУДЬБА ПОПУГАЯ

Человеческий язык
Цапля некогда познала,
Но об этом умолчала,
Проглотив тщеславный крик.
Человеческий язык
Попугай постиг,
и свету
Объявил он новость эту,
Как тщеславный еретик.
Люди в честь забав земных
С той поры,
как полагаю,
Предлагают попугаю
Развлекать из клетки их.

Перевел с кабардинского
Яков Козловский.

КОНЕЦ „ТИГРОВЫХ КЛЕТОК"

В. ДУНАЕВ

Они передвигаются ползком, так как не могут ходить. Их тела — это кости, обтянутые кожей, их ноги — атрофированы, утратили чувствительность и покрыты глубокими шрамами от кандалов и цепей. Это узники острова Коншон. Брошенные в глубокие ямы, они в ужасной тесноте оставались там долгие годы. Одно упоминание об этих застенках вызывает дрожь: это «тигровые клетки», в которых бывшие марионетки Сайгона держали политических заключенных.

Сразу же после капитуляции сайгонского режима железные решетки «тигровых клеток» распахнулись, и политические узники оказались на свободе. Их рассказы о «жизни» в «тигровых клетках» и о зверском обращении тюремщиков кажутся совершенно невероятными.

Вот как описывают камеры бывшие заключенные: площадь — два с половиной метра на полтора, толстые каменные стены, земляной пол, сверху — железные прутья, на которые настланы дорожки из досок для надзирателей. В каждой такой клетке — до восьми человек. Ноги прикованы цепью к поперечному железному брусу.

Лежащие вповалку заключенные не имели права ни говорить, ни сесть, ни встать: любое нарушение тут же каралось избиением. Надзиратели часто обрызгивали их сверху через прутья известью, которая обжигала кожу, попадала в глаза, проникала в легкие. Часто длинными заостренными бамбуковыми палками они кололи узников куда попало.

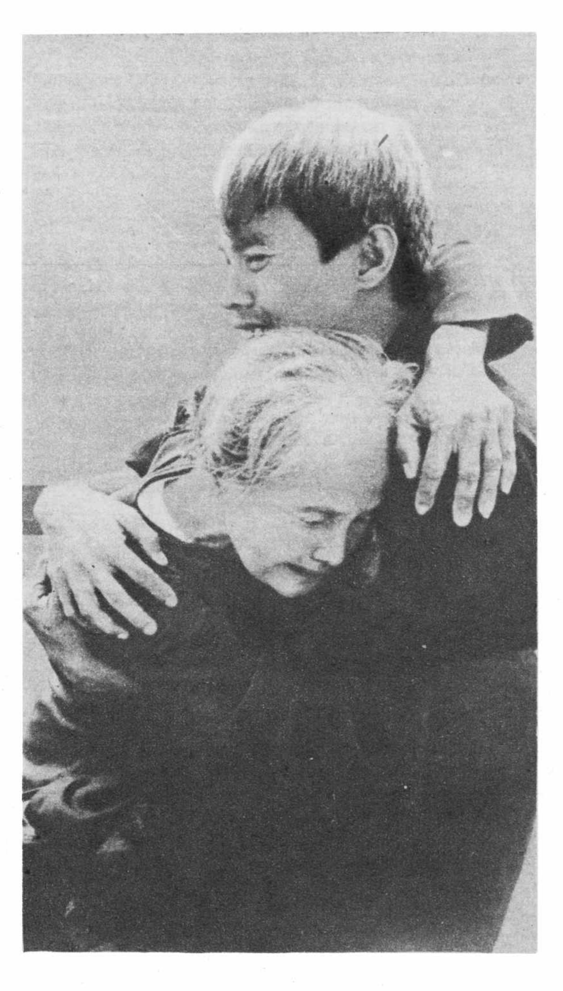
«Иногда,— рассказывает один из бывших заключенных,— голод и жажда были столь сильны, что наиболее слабые не выдерживали и пили из параши. Если надзиратели это замечали, они избивали их». Еду давали в ничтожном количестве. Несколько щепоток риса, кусочки рыбы и сушеных осьминогов, жестких, как дерево, и несколько глотков воды... Пища раздавалась дважды в день: в 8 утра и в 2 часа дня. Три минуты еды, а затем «перерыв» в 18 часов до следующей кормежки.

Раз в неделю заключенным устраивали «баню»: приносили лохань с водой и выплескивали ее на камеру. Медицинское обслуживание при любом заболевании заключалось либо в выдаче одного порошка аспирина, либо в жестоком избиении, «чтобы вылечить».

К началу этого года в застенках сайгонского режима находилось более 200 тысяч узников, арестованных часто по одному лишь подозрению в симпатиях к коммунистам.

Священник Тхинь Вьен Хао преподавал буддизм в пагоде Анкуанг в Сайгоне. Он участвовал в буддийской оппозиции марионеточным режимам Сайгона. За это он и был арестован в первый раз в 1963 году, во второй раз в 1966 году, во время широкого движения буддийской оппозиции, и, наконец, в третий раз в 1969 году. «Полицейские и солдаты ворвались в мою пагоду и перерыли там все сверху донизу,— рассказывает Тхинь Вьен Хао.— Меня отвезли в тюрьму, поместили в одиночную камеру, где двое полицейских избивали меня в течение 24 часов. Я все еще не знал причин ареста. Когда меня перевели в центр по допросам, меня обвинили в том, что я прятал вьетконговцев и оружие для них. А между тем во время обысков ничего не было обнаружено. Мои палачи приказали мне подписать протокол, признающий все действия, в которых я был обвинен. Я отказался сделать это. Меня потащили в управление провинциальной полиции, потом в штаб сайгонской национальной полиции. Я вытерпел все виды самых бесчеловечных пыток (пытка электротоком, питье мыльной воды и воды с перцем)».

Ле Ван Тиет, узник «тигровой клетки», после освобождения встретился с матерью.
Фото ВИА — ТАСС

В июне 1969 года его, скованного, отправили на корабле вместе с 500 другими заключенными на остров Коншон. «Когда мы прибыли туда,— рассказывает Тхинь Вьен Хао,— нас сначала избили уголовники, а затем выстроили перед знаменем марионеток. Тех, кто салютовал знамени, отводили в одну сторону, тех, кто отказывался,— в другую. Нас, отказавшихся салютовать знамени, поместили в подземелье, где мы пробыли около двух лет. Уже через 6 месяцев мы не могли ходить. Из 25 человек, заключенных в это подземелье, остались в живых лишь 10. В середине 1971 года нас погрузили на грузовик и перевезли в «тигровые клетки». В течение ряда лет нас перебрасывали из «тигровых клеток» в камеры (несколько большие по размерам) в бывшем хлеву, построенном еще во времена французов, а позднее переделанном под тюрьму».

Наступление Народных вооруженных сил освобождения и внезапный распад сайгонского аппарата не оставили времени тюремщикам для расправы над заключенными.

На каторге острова Коншон начальник лагеря № 7 приказал бросать гранаты в «тигровые клетки». Но было уже слишком поздно. Тюремщики, которые заботились только о том, чтобы спасти свою шкуру, разбежались.

Ле Куанг Виню было 26 лет, когда его, молодого преподавателя математики в сайгонском лицее, арестовали. Сейчас он вернулся с каторги. Ему 40. За то, что он отказался приветствовать сайгонский флаг и учиться на курсах антикоммунизма, его приговорили к смертной казни, а затем к пожизненному тюремному заключению. В течение 14 лет он терпел все мучения, все пытки, но не подчинился.

На каторге на острове Коншон Ле Куанг Виня бросали в «тигровые клетки», в «каменные мешки», в самые страшные застенки. Он до конца сохранил свою волю бороться.

Ле Куанг Винь рассказывал о последних часах на каторге острова Коншон: «Мы очень редко получали информацию: это были клочки бумаги, завернутые в трубочку и заложенные в пробирку для медикаментов или в стебли овощей, которые мы получали.

В лагере среди заключенных было несколько видных руководителей движения сопротивления, в частности полковник Ле Кау. Вечером 30 апреля один священник, который иногда передавал заключенным информацию, сообщил полковнику, что Сайгон освобожден.

Ле Кау вместе с несколькими товарищами по камере решил взломать дверь.

Едва они вышли в коридор, как прибыл начальник лагеря в сопровождении нескольких стражников. Будут ли они стрелять? Они подошли, не обнажив оружия.

«Полковник, я к вашим услугам»,— заявил начальник, обращаясь к Ле Кау.

«Тогда я приказываю принести сюда радиоприемник».

Начальник тотчас же ушел и вернулся с транзистором. Ле Кау и его товарищи услышали сообщение ханойского радио: «Сайгон освобожден. Весь Южный Вьетнам освобожден».

Тогда во всем лагере стали раздаваться возгласы: «Да здравствует освобожденный Сайгон! Да здравствует освобожденный Южный Вьетнам!»

Ле Кау приказал начальнику: «Сдайте мне свое оружие и скажите своим людям, чтобы они сделали то же самое».

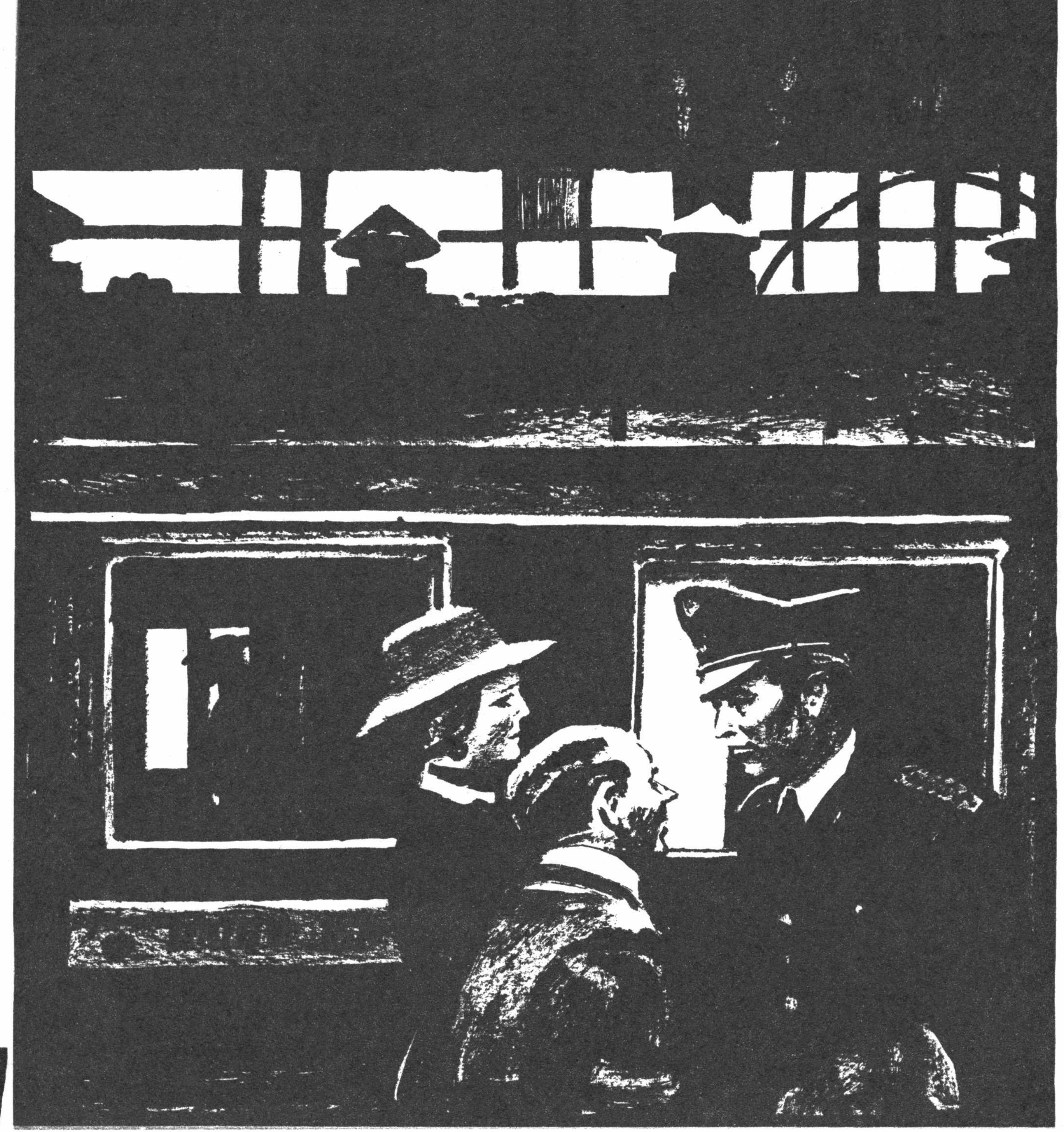
Все повиновались.

Политические заключенные лагеря тотчас же организовали вооруженную группу и заняли важные секторы, прежде всего пост гражданской гвардии, которым командовал один капитан. Этот капитан сказал: «Я присоединяюсь к революции. Я буду повиноваться вашим приказам».

Дверь склада оружия была открыта. Заключенные стали вооружаться. Там хватило бы оружия на две роты.

Группа направилась к полицейскому участку. Начальник полиции бежал. Его заместитель вышел с белым флагом...»

1 мая, 2 часа ночи. Распахиваются ворота других лагерей. Когда солнце поднялось над островом Коншон, все политические заключенные были уже на свободе. «Тигровые клетки» навсегда ушли в прошлое.

Третья карта

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Омельченко оказался человеком плотненьким, маленьким, юрким, постоянно потеющим, с застывшей улыбкой на широком, по-девичьи румяном лице. Жена его была статной, красивой женщиной на том *изломе*, который обычно наступает к сорока годам — либо хороша будет до горделивой старости, либо вот-вот сделается такой каракатицей, взгляд на которую оставит наиболее прозорливых мужчин холостяками.

— Познакомьтесь, пожалуйста, господин Штирлиц,— улыбаясь еще шире, быстро рассыпал слова Омельченко.— Моя жена Елена.

— Очень приятно.

Елена кивнула головой, и что-то странное, похожее на усталое презрение ко всему, появилось на ее лице.

— Она по-немецки смущается говорить,— суетливо пояснил Омельченко, расплачиваясь с носильщиком,— только по-русски.

— По-русски? — удивился Штирлиц.— Или по-украински?

— Нет, Леночка русская, по рождению русская. По духу, конечно, наша, да и бабка ее, мне думается, была все же не москалькой, а украинкой. Она потому не говорит на украинском, что кажется ей, будто недостаточно хорошо знает. Такой, видите ли, характер: или чтоб все с блеском, или — никак.

— Прекрасный характер,— заметил Штирлиц, предлагая руку Елене, чтобы помочь ей войти в вагон.

В хозяйственном управлении СС места на поезд, следовавший в Краков, были забронированы с соблюдением обязательной субординации: отдельное купе для Штирлица и рядом, тоже отдельное,— для Омельченко с Еленой.

К ужину проводник предложил галеты с жидким кофе — в последнее время выдачу продуктов урезали: начиная с марта на человека выдавали по карточкам два с половиной килограмма хлеба в неделю, полкило мяса и всего двести пятьдесят граммов маргарина.

Елена, однако, постелила салфетки, достала из сумки маленький кусок бело-розового сала, порезала его тонкими ломтиками, красиво разложила это царское угощение на тарелке, и стол сделался иным, домашним, милым.

— Ужин победителей,— не взглянув на Омельченко, а только чуть повернувшись к

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37, 38.

нему, заметила Елена, предлагая мужчинам приступать к еде.

— Не сходи с ума,— по-прежнему улыбаясь, бросил сквозь зубы Омельченко и шумно распахнул свой толстый, свиной кожи портфель.

«Сейчас достанет бутылку,— решил Штирлиц.— Обязательно початую. С хорошо притертой пробкой».

Омельченко действительно достал плоскую бутылочку с пробкой, вырезанной из дерева — носатый черт с красными глазами, который отчаянно-дерзко показывал свой горбатый нос.

— Горилочка,— пояснил Омельченко,— гетманская. Лучше не бывает.

Елена странно усмехнулась, и Штирлиц понял, что Омельченко лжет, что никакая это не гетманская горилка, а обыкновенное берлинское эрзац-пойло.

«Он не из корысти,— подумал Штирлиц,— он лжет для того, чтобы было лучше. Есть люди, которые привирают в малости, но не для собственной выгоды, а во имя общего блага. В таких людях много от детского — ребята ведь врут, как правило, не сознавая лжи, потому что для них игра — продолжение жизни, а вымысел — грань правды».

Шумно чокнувшись, Омельченко выпил, грациозным, чисто женским движением положил кусочек сала на сухую галету и понюхал:

— Мальчишкой был, а все равно помню, как мы дома ели, на Житомирщине, в поместье деда. Разве там эдакие кусочки отрезали? Во,— он показал ладонь,— и не меньше. А цибуля какая, боже ты мой!

— Цибуля? — переспросил Штирлиц.

— Лук. Так мы называем лук. Сладкий, сахаристый, в нос бьет; вкусом — словно патока. А хлеб!? Каравай разломят — дух мучной, словно утренний пар поднимается, полем пахнет, озимью, миром.

— Вы настоящий поэт,— сказал Штирлиц, заметив мельк прежней странной усмешки на лице женщины.

Омельченко, видно, тоже увидел усмешку жены, потому что на какой-то миг замер, будто натолкнувшись на невидимую преграду. Лицо его враз осунулось, стали заметны отеки под глазами и нездоровая припухлость век. Но это было одно лишь мгновение, а потом он снова скрыл себя, заулыбался и начал говорить про то, что никакой он не поэт, а так, издатель, что поэзия — испепеляющее и единственное, а он отдает все свое время борьбе с большевизмом и лишь крохи сэкономленного досуга — рифмоплетству.

— Поэт — категория постоянная, господин Штирлиц, а я — ртутный, меня носит.

— Так ведь, наверное, хорошо, что носит: впечатлений много.

— Когда их слишком много, они начинают убивать самое себя. Это вроде большой кучи конского навоза, которую дурной хозяин долго на поле не вывозит: все должно перегорать в настоящем времени, иначе пропадет.

— А как вам видится будущее? — спросил Штирлиц, и только потому, что, спрашивая, он пристально смотрел на Елену, она не усмехнулась отстраненной своей, умной и горькой усмешкой.

— Когда свершится — сяду за стол,— ответил Омельченко.

— Что свершится?

— Ну... Как же... Я имею в виду освобождение Украины...

— А когда это свершится?

Омельченко рассмеялся слишком уж колокольчато и снова разлил водку по рюмкам.

— О, уж мне эти политики: все знают, а делают вид, будто первый раз слышат.

— Вы имеете в виду начало кампании на Востоке? — спросил Штирлиц, зная, что Омельченко вошел в круг посвященных.

— Ну, конечно! Она,— он кивнул на жену,— если быстро говорить, не понимает, так что можете быть спокойным...

Штирлиц посмотрел на подвижные губы Елены, которые жили своей особой жизнью, словно бы не связанные с ее лицом.

— Вы убеждены в этом? — спросил он.

— Конечно. Чувствовать — как всякий умный человек, да еще к тому женщина — наверняка все чувствует, но говорить можно не опасаясь, что поймет.

— Кто вам, кстати, сказал, что Украина будет освобождена?

— То есть как? — споткнулся Омельченко, даже остановил движение руки — он за галетой тянулся.— Не понял, простите.

— Кто вам сказал об освобождении?

— А что ж с ней будет, как не освобождение?! Уйдут большевики, придем мы.

— Придем мы,— поправил его Штирлиц,— вы будете нас сопровождать.

— Вы им будете служить,— сказала Елена по-русски,— в услужении вы у них.

— Не сходи с ума,— суетливо разливая водку, сказал Омельченко сквозь зубы.

— Русский язык очень трудный,— вздохнул Штирлиц, поднимаясь,— я пытался учить язык фрау Елены, но у меня ничего не вышло. Спокойной ночи. Давайте отдохнем — завтра будет тяжелый день. Спасибо за великолепный ужин.

...Он лежал в своем купе, смотрел на синюю лампочку под потолком, и думал о том, что за перегородкой, где громко говорило неспроста включенное радио, ехал маленький квислинг, которого он, Штирлиц, должен держать при себе и с ним обсуждать проблемы ближайшего будущего, связанные со статутом оккупационного режима на его, Максима Исаева, родине. Иногда все происходящее казалось ему нереальным, невозможным, диким, следствием усталости и разошедшихся нервов, но он обрывал себя, когда кто-то другой начинал в нем так убаюкивающе думать, ибо все происходившее было правдой, и он знал это, как никто другой.

«Я правильно осадил его,— рассуждал Штирлиц, чувствуя, как тело сведено напряжением, как оно ощущает тяжесть простыни, жесткость подушки и клочковатую неровность тонкого волосяного матраца.— Он может жаловаться кому угодно. Я обязан стоять на своем. Я солдат фюрера, а не политикан. А фюрер всегда говорил о завоевании восточных территорий для нужд германского плуга. Восток — это жизненное пространство, необходимое для выведения арийской расы. Славяне в раскладе гитлеровской расовой политики идут после евреев и цыган — неполноценное племя, обреченное на вымирание и частичное онемечивание. Неужели Омельченко не знает про это? Хотя, может, и не знает — не зря здесь издан приказ, запрещающий допуск иностранцев к партийной литературе. Наивно? Черт его знает. В чем-то наивно, но по остзейской, тяжелой и медлительной логике разумно. У несчастного эмигранта своих забот по горло, а тут еще бегай, доставай книгу! Зачем? Информация только тогда опасна, когда она целенаправленна. А так — утонет в ней человек, только пузыри пойдут. Из миллиона — один, кто может понять. Но этот один в картотеке гестапо. Следовательно, этот один — агент. Или сидит в концлагере, если позволяет себе роскошь думать. Третьего не дано. Занятно, что к националистам льнут в первую очередь несостоявшиеся литераторы. Чем это объяснить? Жаждой силы? Желанием приобщиться к политике, которая так богата сильными ощущениями? Или все проще? Считают, что, завоевав место под солнцем, они с немецкой помощью заставят поверить миллионы украинцев в то, что именно их «творчество» гениально?

Радио неожиданно замолчало, видимо, передача закончилась, и Штирлиц явственно услыхал голоса Омельченко и Елены. Перегородки между купе были тонкие, фанерные, поэтому Штирлиц слышал каждое слово. Разговаривали они, видно, давно — для этого и включили радио, но сейчас в пылу спора они не обратили внимания на то, что голос диктора исчез и стало тихо, только колеса перестукивали на стыках.

— У тебя в голове всегда был иной стереотип мужчины,— обиженным, жалостливым голосом, но тем не менее зло и убежденно говорил Омельченко,— тебе нравится молчаливый, сильный, высокий, седой. А у меня шея потная! И тороплюсь вечно! И нечего всё на меня валить! Нечего меня винить в том, что жизни у нас нет!

— Можно подумать, что это я по девкам бегала.

— Ты сама меня толкала к бабам своими подозрениями, ревностью, своими дикими представлениями!

— Но, значит, бегал?

— Да ты вспомни, как в первые же месяцы стала меня ревновать черт те к кому. К какой-то жирной старухе! Это ведь ужас был какой-то, ужас!

— Я очень тебя любила, Тарас.

— Нет. Ты никогда не любила меня. Ты всегда любила свою любовь ко мне. А сейчас чем дальше, тем горше — тебе этой своей любви жаль. Ты жила в другом мире, иначе воспитана была, республиканка при дедушкиных тысячах, а вот пришел хохлацкий разночинец, взбаламутил воду, вскружил голову... Эх, чего там...

— Так ведь не я вскружила тебе голову, Тарас. Не я звала тебя к венцу.

— Поэтому я столько лет и тяну, Лена. Только поэтому.

— А я все эти годы чувствую, как ты несчастен из-за нас. В каждом твоем слове, взгляде, жесте — жалоба на меня, на детей, на всех нас, кого тебе приходится тащить.

— А ты еще и погоняешь. Ты даже не замечаешь, как ты бываешь жестока, Елена. Ты говоришь мне — «брось все»! А что ты будешь есть, если я все брошу?! Чем ты будешь кормить детей?

— Не надо попрекать.

— Как только я обнажаю правду, ты говоришь — «не надо попрекать».

— Бунины живут в нищете, но они чисто живут.

— Ты сможешь жить, как Бунины? Ты ж привыкла кормить детей продуктами с рынка!

— Если ты устраиваешь приемы для своих бандитов, так что же мне, детей лишать того, что вы себе можете позволить?! Я всю твою банду терплю только потому, что могу благодаря этому кормить детей с рынка!

— Господи, ну как можем мы жить вместе, Лена? Я мечтаю о том лишь, чтобы забиться в нору и писать! А ты ведь, верно, думаешь: «Если б хоть писать мог»...

— Не говори за меня.

— Ты всегда за меня говорила. Ты придумывала за меня моих любовниц. Ты всегда стыдилась того, что я пишу. Ты всегда хотела, чтобы я был только издателем. Ты стыдилась меня в доме своих родителей: даже из-за стола уходила, когда я начинал читать стихи...

— Это неправда.

«О чем они, господи? — недоуменно подумал Штирлиц.— Ведь как больные говорят, как тяжело больные... Мир трещит, война начинается страшная, на смерть или жизнь, а они этакую ахинею несут!»

— В самом начале,— продолжал между тем Омельченко,— когда я взбаламутил тебя, когда ты еще не увидала меня в моем доме, в нашей с тобой первой конуре, пока ты не поняла, как мне приходится зарабатывать, ты слушала меня, даже любовалась мной — не думай, у меня тоже память есть, а вот потом, когда мы остались одни и когда я стал в твоих глазах тем, кто я есть, вот тогда...

— А зачем ты говоришь за меня?

— Ничего я не говорю... Не жизнь у нас, а зеленая тина...

— Вот бы в ней и утопиться.

— А не пугай. Хочешь топиться — топись. Я слишком устал, чтобы бояться, Лена. Я только хочу дождаться и сесть писать. Тогда я смогу обеспечить вас, а мне, кроме хлеба — и ты это знаешь,— ничего не надо. Масло и колбаса нужны вам.

— Мне? (Штирлиц почувствовал презрительную усмешку женщины.) Мне хлеба не надо. А колбаса, ты прав, нужна. Твоим детям.

— Ужас какой нас со стороны послушать,— со вздохом сказал Омельченко.— Вот-вот свершится то, о чем я мечтал эти годы, чему отдавал себя, а тут...

— Не я в этом виновата.

— Я?

— Конечно.

— Бессовестный ты человек, Лена.

— Нет, это ты бессовестный человек! Из-за тебя я научилась лгать, окунулась в грязь, чтобы не сходить с ума из-за любви к тебе — клин клином выбивают, из-за тебя я ненавижу себя!

А. Киселев. РОЗЫ. 1965.

А. Киселев. РЕКА СТЫНЕТ. 1970.

— Это оттого, что забот при мне не ведала.

— Премного вам благодарны! Спаситель-батюшка! Я родила твоих детей, и ты обязан их содержать! Как любой порядочный мужчина.

— А ты обязана принимать меня таким, какой я есть — во имя того, чтобы я содержал их так, как содержу! И не болтать про то, чтобы я «все бросил»! Если я брошу мои дела, ты первая запоешь через полгода! «Бросать» можно дантисту — он ничем не рискует, да и золота припрятано! А я — политик!

— Политик,— с усталым презрением повторила Елена.— Осточертели мне наши выяснения отношений хуже горькой редьки!

«Больное самолюбие — самая страшная форма деспотизма,— подумал Штирлиц.— Этот «политик» с супружницей бичуют себя двумя плетками. Одна — ощущение собственной малости, вторая — желание стать могучим. Он хочет стать великим политиком и поэтом, она — настоящей матроной, хозяйкой, которая задает тон дому. Нашла кого ревновать! А я обманулся: она показалась мне умненькой. Она ж его действительно ревнует! Ревность — это злодейство в страдательной форме. Только такой злодей особенно несчастен, потому что живет в плену собственных горячечных представлений. А «политик» мучает себя ложным сознанием вины, потому что если бы он смог подняться до понимания вины истинной, он бы освободился, он бы смог тогда все бросить, сесть и писать, если ему действительно есть что писать. Но он мал и слаб, чтобы понять высшую вину... Да и потом, может ли нацист понять вину? Они и сильны тем лишь, что исключили понятие вины из практики взаимных общений. Но мы все равно разобьем их. Мои здешние хозяева говорят о примате расы. В этом их обреченность. Мы говорим о примате идеи. Идеи равенства всех со всеми. Они говорят о будущем господстве. Пойдет за Гитлером пятьдесят миллионов немцев? Нет. Пойдут те, кто может носить автоматы. А это десять миллионов. За ним не пойдут умные немцы; не пойдут поляки, чехи, французы, сербы, норвежцы, потому что они «недочеловеки», они оккупированы. За нами пойдут все те, кого унизили. Значит, количественный перевес за нами. Но в ведении войны Гитлер может показать класс. Удержимся ли? Самое главное — выдержать, выиграть время, ибо оно работает на правду больше, чем на неправду. Это факт. Во временном отдалении люди точнее различают, кто был враг, а кто — друг. Это надо перенести и на общества, которые живут по людским законам — добрым или злым. Но человеку нормальному противно зло, каждый мечтает о добре. В этом — наше спасение. В конечном-то счете время служит добру — с этим не поспоришь. С вандализма ведь начали, как ни крути, с вандализма, и считали его единственно возможным и самым лучшим способом общения. А все ж научились отличать черное от белого. Обидно, правда, что на это пришлось ухлопать пять тысяч лет... Стоп. Спокойной ночи, Штирлиц, пора спать. Завтра мне предстоит не философия, но практика — ОУН».

ЭКСКУРС № 1: «ОУН»

...Исследуя то, с чем ему предстояло столкнуться лицом к лицу, Штирлиц исходил из материалов, которые он собрал за эти июньские дни.

Политика, считал он, начинается с карты.

Если рассматривать Австро-Венгрию как некую историческую «окостенелость», то кабинетный ученый мог бы составить хронологическую таблицу взлетов и падений, причем общая «кривая», даже в моменты наибольшего подъема империи, была бы явно направлена вниз, к упадку. Конгломерат национальностей, связанных лишь честолюбивыми амбициями габсбургской монархии, не мог, естественно, развиваться, ибо развитие предполагает единство интересов значительной части общества.

Если же Австро-Венгрию рассматривать, словно таинственные линии на старой европейской ладони, то не надо быть гадалкой, чтобы прочитать прошлое и объяснить его.

Гигантская держава включала в себя исконные земли Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Украины, Италии, Хорватии, Боснии-Герцеговины, Далмации, Славонии. Монархи Австро-Венгрии тщательно следили за тем, как составлялись географические карты. Цензоры двора обращали особо пристальное внимание на то, чтобы «коронные» земли империи, то есть собственно Австрия, Каринтия, Крайна, Чехия и Моравия, Далмация и Галиция, были закрашены типографами в одинаково розовый, теплый, будуарный цвет. Всякого рода оттенки — в данном конкретном случае — карались немедленно и жестоко. Типографы, понимая, что им нечего больше делать на свете, кроме как печатать, отдавали себе отчет, какой будет их судьба, ошибись они хоть в малой малости — прогонят взашей, и никуда более не пустят. Книгопечатание — заметная профессия и дело имеет не с чем-нибудь, а со словом. Придворные типографы в глубине души кляли свою молодость, когда можно было сделать иной выбор, став лекарем, архитектором, парикмахером на худой конец. Так нет же — потянуло поближе к искусству, будь оно трижды неладно. Прогонят лекаря — так он в другом городе объявится, и снова — лекарь. Не понравится монарху дворец, созданный зодчим, откажут от работы, так ведь можно и не для коронованных особ строить, а для купца или промышленника — всё одно уплатят. А типографу несчастному куда? Он ведь печатал-то, он, а не кто другой! С него и ответ — по единственной и неумолимой строгости закона. Ошибка исключена — речь идет не о чем-либо, а о престиже империи. Поэтому директор монаршей типографии, печатавшей прибыльные карты империи, лично, по нескольку раз проверял состав красок и старался заручиться визой чиновника, близкого к дворцовым кругам. «Коронные» земли должны быть всегда одинакового цвета, чтобы ни у кого — спаси господь! — не могло возникнуть и мысли о чем-нибудь «этаком»...

Воистину политика начинается с карты.

Громадность территорий, втиснутая в типографский лист, манит к себе полководцев, рождает тиранов, подвижников, провокаторов, монархов, трибунов.

Любой человек, мало-мальски знакомый с военным делом, мог понять, отчего Австро-Венгерская монархия была так внимательна к географическим картам: «лоскутная империя», вобравшая в себя земли завоеванные, чужеродные, тщилась тем не менее сохранить амбиции былого величия, уповая на доктрину «агрессии на Восток».

Именно австрийская монархия, испытывавшая брезгливое чувство по отношению к чужеродному славянскому племени украинцев (общественные цели которого никак не могли совпадать с целями развивающейся австрийской буржуазии), уже двести лет назад открыла в Вене духовную семинарию для украинцев, а затем, в конце восемнадцатого века, вскоре после присоединения Галиции, во Львове эта же монархия решила создать при университете кафедры, где преподавание велось на «народном языке».

Расчет Вены был точен. Первые выпускники венской духовной семинарии, обращенные католики, пришли во Львов и организовали особые кафедры. Вновь обращенный обычно куда как более рьяно служит патрону, монарху, идее, чем тот, кому не надо доказывать свою веру и преданность, кто от рождения облечен доверием окружающих, ибо «если отец и дед нашей крови, то отчего он может быть против нас»? А тот, чьи отцы и деды были против, обязаны не словом, но делом показать себя. А что значит «показать себя»? Это значит исчезнуть как личности, раствориться в идее патрона, подчинить себя без остатка служению новому идолу.

Медленно накапливавшийся гнев безземельных, забитых украинских крестьян против помещичьего австрийского насилия венские выпускники осторожно повернули на поляков, таких же славянских чужеродцев монархии. Кровавые схватки на межах, поджоги крестьянами польских шляхетских фольварков — все это ищет суда. И суд приходит — «скорый и праведный». И поляки и украинцы, таким образом, должны осознать, что справедливость к ним может прийти лишь из столицы, из далекой и мудрой Австрии.

Все так бы и шло, но столкновения государственных интересов обычно ищут своего решения вовне, а не внутри. Внутри — это редко, это революция, которая немедленно «обкладывается», подобно берлоге, внешними силами, стремящимися навязать революции свой ход развития.

Все так бы и шло, но родился Наполеон, и прошел он по Европе, и всколыхнулись глубинные воды царств и монархий. Вместо России прежней, неведомой и далекой, появилась Россия иная, вошедшая триумфально в Париж, Россия, заявившая себя спасительницей Европы от узурпатора.

И вот уже ситуация меняется. Польской шляхте даются права; а украинцы в Галиции обязаны учить в школах польский язык; ставка теперь делается на давление «с другой стороны». Из Санкт-Петербурга, естественно, протест: «Галиция — славянская область, православие там было испокон веку». Дошло это до Галиции, прокатились по «коронной земле» пожары, полетели головы поляков — не австрийцев, а тех, кого Габсбурги выдвинули, как щит, перед собой: кидаются-то ведь на очевидное, в этом человек нередко подобен быку на корриде — ему бы, бедолаге, на тореро, а он все красный плащ бодает, зажатый в потной ладони умного мастера кровавого боя.

Петербург пытался продолжать давление. Меттерних с добрым состраданием на рассеянно-улыбчивых губах внимал, как между французскими экспромтами русских послов и обсуждением вокализов несравненной Нейбах в Опера́ все чаще и чаще затрагивался вопрос о Галиции. Отвечать на это Вена предпочитала не своим языком, но языком соплеменников петербургских послов. Львовский митрополит обратился в Вену с посланием: «Мы, живущие в Галиции, не русские, и язык наш другой, отличный от великоросского».

Таким образом факт открытого противопоставления русского языка украинскому был инспирирован Веной — после тщательного изучения «опытов» Мазепы и Орлика — через выпускников венской духовной семинарии, во имя сохранения интересов Габсбургской монархии.

А после революционных событий 1846 года, когда Вена вновь сменила курс, «поставила» на украинцев, пообещав «холопам» землю за голову каждого бунтаря-шляхтича, семена межславянской вражды надолго проросли кровавым, пышным цветом.

Возможность польско-украинского единения была подорвана, но оставалась тревожившая Вену проблема русско-украинского, антиавстрийского единения.

Дипломатическая миссия Габсбургского двора, аккредитованная в Санкт-Петербурге, зорко наблюдала за всеми процессами, происходившими в России. Развитие великорусского шовинизма находило свое проявление не только в наивных писаниях русофилов. Аппарат жандармского ведомства всей практикой своей ежегодно и ежечасно рождал глухое сопротивление на окраинах громадной империи. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Эта великая марксистская формула точнее всего иллюстрировалась той зоологической злобой, с которой царские опричники жестоко и чванливо теснили «ляхов», «хохлов», «татарву», «армяшек» и всяких там прочих «литвинов». Запрещение говорить и учиться на родном языке, русское судопроизводство, руское чиновничество, русская полиция — все это было той почвой, на которой любые семена, подброшенные заботливой рукой иноземного политического «стратега-сеятеля» давали немедленные и быстрые всходы.

В Вене стратеги от политики рассчитали: существование «самостийной» Украины в современной Европе — невозможно. Либо вся она будет в сфере среднеевропейских интересов, являясь составной частью Австро-Венгерской империи, либо останется Украиной, говоря языком официального Санкт-Петербурга, Малороссией. Естественно, в периоды мирного развития истории об отложении Украины от России — под любыми лозунгами — «самостийности», «соборности», «неподлеглости» — речи не могло быть. Но готовить проблему загодя, предвидя возможные конфликты, надо. Необходимо тешить детей

иллюзией взрослости. Пусть на Украине появятся люди, мечтающие о «самостийности» — опыт австрийского владычества в Галиции допускал и такую возможность. Пусть они начнут: дело Вены кончить. А иного окончания, кроме как включения всей Украины в состав монархии, быть не может. Считать иначе было бы непростительной политической глупостью, которая страшнее любого наперед задуманного преступления.

Развитие политических структур подобно бегу стайеров: логика борьбы предполагает смену лидера и ведомого. В начале XX века Вена сдала свои позиции Берлину во всем, хотя дальновидные дипломаты предрекали это еще во время Крымской войны; после разгрома Франции под Седаном Бисмарк вошел в Париж, и величие Австро-Венгрии окончательно сделалось прошлым. И уже в 1903 году священник Галицкий вступил в прямой контакт с Берлином — по линии организации, руководившей тайной борьбой Пруссии против «польского духа». Через десять лет, за год до сараевского выстрела, Берлин, получивший надежные контакты во Львове, предложил венски образованной, прусски сориентированной галицийской агентуре развернуть борьбу против поляков и москалей.

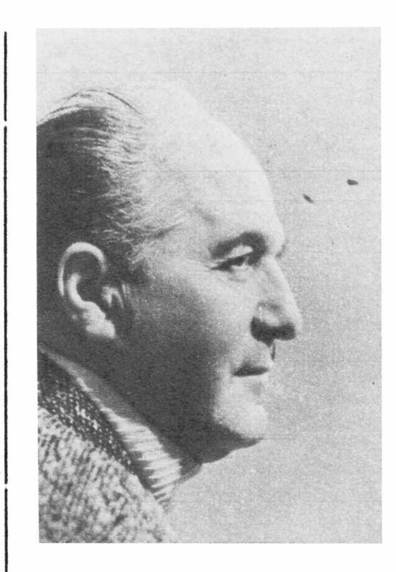
В рядах русской социал-демократии против тирании самодержавия, против «тюрьмы народов» сражались бок о бок с русскими революционерами украинские, польские, грузинские, татарские. Забиваемые в тюрьмах, обреченные на смерть в царских каторгах, большевики были так же опасны Петербургу, как и Берлину, Парижу, Вене. Социальности, классовости надо было противопоставить что-нибудь более знакомое темной массе, облегчающее ей понятие своей общности. А что, как не национализм? И вот уже социалисты, которым «германец платит», становятся тем объектом в националистической пропаганде, что ненавидим даже еще более; ведь победи они, социалисты проклятые,— и конец власти, при которой украинский помещик, еврейский банкир и польский заводчик могли вести через третьих лиц свою сольную партию, внимательно присматриваясь к взмахам дирижерской палочки в Берлине.

Именно на этих венско-прусских дрожжах антисоциализма и национализма власть имущих выросли Петлюра и Скоропадский, столь, казалось бы, несхожие в своих лозунгах, единые в одном лишь — в национализме. Поддерживая в разные периоды разных марионеток одной крови, Берлин оказался преемником венской испытанной политики стравливания славян.

Иллюзии по поводу принадлежности «самостийной» Украины к говорящей на немецком языке Европе кончились, когда свершилась революция; когда земли Скоропадских, Шептицких, Федаков и прочих украинских магнатов были отданы крестьянам; когда заводы и шахты перестали быть собственностью ста семейств, но сделались принадлежностью миллионов; когда освобожденный труд воздвиг Днепрогэс; когда великие ученые Богомолец и Патон совершили открытия мировой значимости; когда Нью-Йорк и Париж, Лондон и Цюрих аплодировали гению Довженко.

Революция выбила козыри из рук тех, кто наивно мечтал о реставрации. Гетман Скоропадский сделался теперь декоративным украшением берлинских салонов. Симон Петлюра обивал пороги варшавских и парижских ведомств, но помощи — реальной, финансовой — получить не мог. Какое-то время казалось, что химерическая ныне идея западноукраинского сепаратизма изжила себя. Однако запасы ископаемых на Украине, подсчитанные экспертами Круппа, Ротшильда и Дюпона, количество посевных площадей и возможные энергетические мощности продиктовали политикам необходимость дальнейшей работы в направлении «использования этого района в интересах всемирного прогресса». Барьер этому «всемирному прогрессу» был очевиден — Советская власть Украины. Пришла пора выдвижения новых идей, которые — внешне — должны принадлежать новым лидерам. Именно это и предстояло изучить Штирлицу, встретившись лицом к лицу с Бандерой и Мельником.

Продолжение следует.

ДВО

ОНИ НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ПРОЩАЮТ

Неслыханно! Чрезвычайное происшествие! Требуется экстренное обсуждение!

Сионистская организация Антверпена переполошилась. Почтенный член еврейской общины, аккуратнейшим образом вносящий в сионистскую кассу любые требуемые суммы, уличен в позорном проступке. Даже в трех проступках. Он, во-первых, изучал антисемитскую литературу, во-вторых, пропагандировал ее и, в-третьих, распространял.

Да, доказано, что уважаемый бухгалтер (одни называли мне его Геирсмансом, другие — Гейремансом) не просто читал, а усердно штудировал антисемитское издание — его безжалостно уличают подчеркивания целых фраз и восклицательные знаки на полях страниц. Обвиняемый и не пытается отрицать, что криминальные пометки сделаны его рукой. Следовательно, первый проступок установлен.

Да, второй проступок — факт пропаганды порочной книги — тоже налицо: однажды вечером гость бухгалтера вслух читал выдержки из антисемитского издания в присутствии золовки хозяина дома и двух знакомых.

Да, доказан и третий проступок — факт распространения антисемитской литературы. Изменивший идеям сионизма бухгалтер лично давал крамольную книгу на прочтение двум своим сослуживцам. Третий, к счастью, оказался стойким сионистом и своевременно доставил уличающее Геирсманса — Гейреманса издание руководителям организации.

Как попала к бухгалтеру враждебная книга, из-за которой загорелся весь сыр-бор? Это точно установлено. Ее продал антверпенцу бежавший из Израиля бывший болгарский гражданин. Местная сионистская организация, причисляющая таких беженцев к ренегатам и отступникам, устроила ему в Бельгии далеко не сладкую жизнь. И полученные от бухгалтера тысяча триста бельгийских франков (около сорока долларов) обеспечили его семье трехдневное, правда, не шибко сытное пропитание.

Пора, наконец, назвать страшную книгу. Издана она в Тель-Авиве. На иврите. Называется «Своими глазами». Автор — гражданка государства Израиль Фелиция Лангер. Профессия автора — адвокат.

Отчего же эта публикация зачислена в разряд антисемитских? Оттого, оказывается, что Фелиция Лангер открыто рассказала о пытках и мучениях, которым подвергаются в израильских тюрьмах арабы, обвиняемые в сопротивлении израильским властям на захваченных агрессором территориях.

Фелиция Лангер пишет только о том, что видела своими глазами в израильских тюрьмах, куда ее, адвоката, вынуждены были иногда пропускать к подзащитным. Пишет точно и обстоятельно, приводит подлинные имена и документированные факты. Она встречала среди заключенных и восьмидесятилетних стариков и четырнадцатилетних подростков.

Наиболее изощренным пыткам подвергают палестинцев в тюрьме Рамаллаха. Там, в камере высотой ниже человеческого роста, усыпанной острыми камнями, Фелиция Лангер обнаружила известного прогрессивного деятеля из Иерусалима Сулеймана аль-Наджаба. Некоторое время его считали без вести пропавшим, ибо израильские власти предпочитали отмахиваться от запросов его родственников.

Щадя чувства и нервы читателей, я не описываю пыток, выпавших в израильской тюрьме на долю Сулеймана аль-Наджаба. Издевательства, которым подвергли его в израильских застенках, в частности, в военной тюрьме Сарафанд, представляли смесь средневековых пыток и истязаний, «модернизированных» на основе новейшей техники.

Правдивая книга молодого израильского юриста рассказывает о преступлениях израильских захватчиков, аналогичных преступлениям тех, кто предстал перед Международным трибуналом в Нюрнберге.

Эти преступления доказаны. О них говорили юристы и общественные деятели многих стран в Финляндии, на сессии международной комиссии, созданной Всемирным Советом Мира для расследования нарушений Израилем прав человека. Противоречащие Женевской конвенции «чрезвычайные законы» дают возможность израильским властям чинить любые беззакония над местным населением — таковы выводы комиссии. Об этом пишет и Фелиция Лангер.

Но сионисты окрестили ее работу антисемитской, а автора и всех, кого книга навела на раздумья, антисемитами. По этому «принципу» угодил в антисемиты и антверпенский бухгалтер Геирсманс — Гейреманс.

Как же посмел он не поверить сионистской прессе, что Фелиция Лангер сочинила свою книгу прежде всего для того, чтобы отомстить евреям за то, что... ее бросил муж и сейчас ни один добропорядочный израильтянин не женится на ней?

Перепуганный бухгалтер поспешил «поверить» этой легенде. Смиренно покаялся. Неудивительно: как не раз мне говорили в Антверпене, бельгийские сионисты никогда ничего не прощают, и бухгалтер, безусловно, об этом осведомлен.

«Никогда ничего не прощают». Позвольте, ведь я, кажется, уже слышал такое о бельгийских сионистах. Конечно, могу совершенно точно сказать — когда и где...

Но сначала надо рассказать об одной встрече в Голландии, куда я приехал из Бельгии.

Амстердам. Крохотное и всегда забитое посетителями кабаре «Ли-ла-ло» на Клерекстраат. Талантливые эстрадные исполнители Жози и Жак Холланд выступают с программой песен, преимущественно фольклорных. Жози поет, а муж аккомпанирует ей на нескольких инструментах. Такой репертуар, естественно, не может вызвать никаких возражений со стороны амстердамских сионистов. Правда, те из них, кто придерживается религиозных обрядов, принципиально не посещают «Ли-ла-ло»: закуски и напитки там подают не в кошерной посуде. Кое-кто из националистов брюзжал еще и по поводу того, что в репертуаре супругов Холланд преобладают иронические песенки, в смешном свете представляющие ревнителей некоторых древних иудейских обрядов.

Брюзжали, но не трогали супругов Холланд. Но вот в их репертуаре появились и крамольные песни: Эдуарда Колмановского и Евгения Евтушенко «Хотят ли русские войны» и русская народная «Из-за острова на стрежень...». А тут еще Жози и Жак посетили Советский Союз. Подсаживаясь, по обыкновению, к столикам знакомых посетителей, артисты восторженно рассказывали о Москве и Ленинграде.

ЙНЫЕ

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

Вот тогда-то сионистские активисты Амстердама разгневались. И дали понять это исполнителям крамольных песен. Для начала только, как говорится, предупредили.

Неунывающий Жак, участник французского Сопротивления, посмеивается над угрозами. И, словно бросая вызов сионистам, супруги стали еще чаще исполнять сатирическую песенку «Антисемит». Не в бровь, а в глаз бьет она любителей молниеносного приклеивания ярлычка «антисемита» всем неугодным. И столь же зло высмеивает молниеносную амнистию «антисемитам», сумевшим чем-нибудь угодить своим вчерашним антагонистам.

Холланды намерены расширить свой репертуар, сделать его более интернациональным. Не по годам темпераментный и неизменно улыбчивый Жак рассказал мне о своих планах. Он горячо интересуется новыми произведениями советских песенников и даже меня упросил «спеть» ему несколько песен, прозвучавших у нас накануне 30-летия Победы.

...Оторвался от этих строк и с удовольствием прослушал пластинку, подаренную мне артистами. Как выразительно передает Жози характер каждой песни — явственно представляешь себе то маленького продавца папирос под дождем, то строгого учителя, величаво внушающего лукавым шалунам азы грамоты! Как изобретательно, с самыми неожиданными вариациями аккомпанирует ей Жак. Создается впечатление, что играет инструментальный ансамбль!

И все же, когда диск остановился, мне вспомнились не полные задора лица артистов, а беспокойные глаза Шимона — слегка прихрамывающего молодого человека из Марокко. Сидя с приятельницей за соседним столиком, он неожиданно включился в нашу беседу с супругами Холланд. Стоило им отойти от меня, как Шимон — верный поклонник их искусства — с нескрываемой тревогой сказал:

— Жози и Жак, как всегда, беззаботны и закрывают глаза на опасность. А ведь сионисты не оставят их в покое. Как бы я желал ошибиться, но жизнь покажет, что я, к сожалению, прав.— И подчеркнуто серьезно заключил:— Голландские сионисты да и бельгийские тоже, я хорошо знаю, не прощают ничего и никому. Сомневаетесь? Придется, значит, открыть вам тайну моей хромоты. Позвали меня на собрание проживающих здесь марокканских и сирийских евреев. Я обрадовался, что смогу прочитать вслух письмо из Израиля от моего друга Нисима Гурна. Живет он в Кирьят-Шмоне и написал мне, что темнокожим евреям там отравляют жизнь. Хотел жениться, но побоялся, что жена будет жить впроголодь... И вот об этом моем «преступлении» узнали бней-акибовцы — и проучили меня...

«Не прощают ничего и никому».

Пора, пожалуй, сказать, где же и от кого я впервые услышал такие слова о голландских и бельгийских сионистах.

Было это в Вене, на Иозефгассе, 10, в стрелковом тире «Иохан Шпрингер». Я уже рассказывал читателям «Огонька»[1] об этом, состоящем под попечительством «Сохнута» заведении, где посетители, разговаривая преимущественно на иврите, совершенствовали умение стрелять по движущейся цели.

Моей особой заинтересовался там мрачный человек в шортах, видимо, администратор. Узнав, что я москвич, он заявил:

— Наш тир — частный. Вам придется уйти.

И поручил своему подручному — более веселому молодому человеку — препроводить меня к выходу. На прощание мой конвоир весело уведомил меня:

— Ваше счастье, что вы в Австрии, а не в Бельгии и не в Голландии. Уж там бы вас просто так не выпустили!

— Именно в Бельгии и в Голландии?

— Именно, именно! Там сионисты не такие шлеперы[2], как в Австрии. Там настоящие мужчины. Они умеют ничего не прощать. Особенно, если кто-нибудь сует свой нос туда, куда не положено заглядывать чужим! Это только мы, в Вене, цацкаемся...

Тогда я встретил самокритичное сообщение вышибалы недоверчивой улыбкой. Но теперь вынужден признать: молодой весельчак был прав. Заявись я непрошеным гостем в подобный тир в Брюсселе или Амстердаме, то, пожалуй, не отделался бы одним только словесным внушением.

Что ж, неспроста, видимо, сионистские организации Бельгии и Голландии принято называть бастионом европейского сионизма.

Особенная воинственность и обостренный шовинизм сионистов Бельгии и Голландии — явление далеко не случайное. Дело не только в их принадлежности к буржуазии, не только в их влиянии на общественную жизнь этих стран. Дело еще в том, что бельгийские и голландские сионисты свято исповедуют так называемую «иерусалимскую программу», принятую в Иерусалиме руководством Всемирной сионистской организации еще до образования государства Израиль. В ногу со временем, модернизируя на каждом последующем конгрессе в том же Иерусалиме, программа эта настойчиво напоминает всем без исключения евреям, что в их жизни Израиль играет роль «централитета», что борьба за усиление этого государства — их обязанность, что они призваны бороться за эмиграцию евреев из всех стран мира на их «историческую родину».

Ведь именно на основе этих пунктов «иерусалимской программы» современный сионизм и провозгласил, что сегодня любой еврей, гражданином и подданным какой бы страны он ни был, одновременно является еще гражданином и подданным государства Израиль.

Бельгийские и голландские сионисты особо ревностно осознают себя такими «двойниками». Со всеми вытекающими последствиями. Отсюда в значительной степени их удвоенное рвение при выполнении директив своих идеологов и удвоенная нетерпимость ко всем, кого они считают антисионистами и даже просто несионистами.

ИЗ МОЛОДЫХ

Не преувеличивал ли все-таки Шимон зависимость любого голландского или бельгийского еврея от местных сионистских организаций?

Но вскоре мои сомнения рассеялись. Я убедился, что даже незначительная группа сионистской молодежи, без помощи зрелых единомышленников, имеет возможности отравить жизнь неугодным ей лицам.

— Наши главные мучители!

Так выразительно отзываются беженцы из Израиля, нашедшие приют в Брюсселе, о «золотой молодежи» бельгийской столицы. Эти кандидаты в знатные сионистские деятели, чьи автомашины модных марок можно видеть у подъездов самых шикарных баров и ночных заведений, с вызывающей гордостью именуют себя израильтянами в изгнании. Хороши изгнанники, прокучивающие за одну ночь сумму, конечно, не ими заработанную, достаточную для трудовой семьи на две недели!

В сионистской среде этих зазнавшихся юнцов именуют «маккабистами». Они члены спортивного клуба «Маккаби» — тезки одного из самых старых и традиционных сионистских объединений военизированного типа. И с тех пор, как в Брюсселе появились беженцы из Израиля, маккабисты делят свое время между спортом, ночными кутежами и травлей покинувших израильское государство людей.

— Вы изменили Израилю!
— Вы предатели еврейского народа!
— Вы заслуживаете голодной смерти!

Вот что слышат от богатых молодых бездельников люди, бежавшие из Израиля и в одиночку, и парами, и с малыми детьми и престарелыми родителями.

От угроз маккабисты переходят к действиям. Они взяли на себя контроль над соблюдением бойкота беженцам — и горе тому брюссельцу, который осмелится дать хоть самую черную работу «презренному ренегату».

Узнав, что владелец швейной мастерской близ Блошиного рынка взял на сдельщину семью беженца с «земли обетованной», двое маккабистов ночью методично искрошили оконные стекла мастерской. Удалось установить только одно: аристократические громилы приехали на элегантном автомобиле марки «Альфа-Ромео».

Маккабисты избили и нескольких беженцев, обратившихся в консульства некоторых стран с прошениями разрешить им вернуться на покинутую родину. Правда, после расправы хулиганы проявили «великодушие»: они предложили своим жертвам взять на себя расходы по... их возвращению в Израиль.

Издевательства маккабистов над затравленными беженцами обратили на себя внимание некоторых общественных организаций Брюсселя. Они пристыдили руководителей сионистских общин. Те ответили, что маккабисты преследуют беженцев из Израиля «по собственным побуждениям, а контролировать ночные похождения молодых людей невозможно».

Записав эти строки о бесчинствах маккабистов, я под вечер вышел из отеля «Приятное пребывание» на прогулку по весеннему Брюсселю. Свернув на аристократическую авеню Уинстона Черчилля, я на небольшом отрезке улицы насчитал у подъездов великолепных домов четыре легковые машины с эмблемами клуба «Маккаби» на стекле. «Континенталь» — массивный, широченный, моллюскообразный — был украшен еще и бело-голубым вымпелом со звездой Давида и надписью на иврите. Заметив слово «Сион», я собрался переписать надпись в свой блокнот.

Вышедшая из подъезда молодая парочка быстро подошла к машине. И он и она были одеты с той изысканной неряшливостью, которая сейчас на Западе обходится намного дороже самых роскошных туалетов. Заметив мой блокнот, молодой человек смерил меня подозрительным взглядом и недовольно обратился ко мне на французском языке.

Я ответил:

— Говорите со мной на идиш.

Иронически переглянувшись со спутницей, он отрывисто бросил:

— Еврей?

— Да, я еврей.

— Покинули Израиль?

— Приехал из Москвы.

— Из Москвы?!

Чтобы достоверно описать состояние владельца «Континенталя», требуется прибегнуть к эпитетам Маяковского. Ошарашенный молодой человек глядел на меня так, словно увидел перед собой «гремучую в 20 жал змею двухметроворостую».

Девушка потянула его за рукав. Ломаный еврейский язык, на котором он чертыхнулся, признаться, меня удивил — тогда я еще не знал, что все двенадцать выходящих в Бельгии сионистских газет и журналов издаются на французском и фламандском языках из-за почти стопроцентного незнания тамошними сионистами ни иврита, ни идиш.

Мощная машина с места рванула на полной скорости. Будь на моем месте беженец из Израиля, неожиданный диалог едва ли закончился бы так мирно...

А голландские ровесники молодых бельгийских сионистов? Каковы их нравы?

[1] «Бывшие». См. «Огонек» № 18, 1974 год.
[2] В переводе с идиш на русский — что-то вроде размазни, неудачника, горемыки.

Пожалуй, даже покруче. Более того, если в Бельгии неистовствуют преимущественно юноши, то в Голландии пальма первенства зачастую принадлежит представительницам прекрасного пола.

Именно девицы из молодежных сионистских объединений «Егуд габоним» и «Гашомер гацаир» [3] не очень-то многочисленных, но имеющих своих представителей даже в руководстве такого высокого координационного органа, как Нидерландский союз сионистов, настойчиво требуют создания вооруженных боевых дружин. К этим требованиям присоединились и молодые националистки из объединения с пространным названием «Еврейское молодежное движение Бней Акиба», хотя по многим другим вопросам эти три объединения хронически полемизируют.

По-разному отнеслись они, например, к полученному из Иерусалима плану видного деятеля ВСО (Всемирной сионистской организации) Мордехая Бар-Она. Возглавляемый Бар-Оном отдел «халуцим» и работы с молодежью установил цифровые показатели для молодежных сионистских организаций в странах «рассеяния», намечающие количество лиц, подлежащих отправке в Израиль.

Правда, когда дело касается переезда в Израиль, у сионистской молодежи Голландии нет никакого единодушия. И никто из них не собирается переселяться. Зато на боевые дружины у всех единый взгляд.

Молодые сионистки сумели привлечь на свою сторону и более зрелых товарок: голландское отделение Всемирной организации женщин-сионисток сочло убедительными аргументы за создание боевых дружин «самообороны». Руководительниц отделения не смутило, что аргументы эти в основном заимствованы из идейного арсенала заокеанского раввина-террориста Меира Кахане: евреев, мол, надо защищать, им грозит опасность в любой стране, в том числе и в Голландии!

Голландцы недоумевают: «От кого защищать? Зачем им нужны у нас дружины самообороны?»

Да простит мне читатель небольшое отступление, но истины ради я должен признать: кое-где есть от кого защищать, кое-где, возможно, нужны дружины самообороны. Где? Отвечу цитатой из редакционного выступления израильской газеты «Трибуна», озаглавленного «Евреи Бруклина не уступают насилию»:

«Еврейское население бруклинского квартала Борроу-парк (Нью-Йорк) начало организованную борьбу по самозащите, чтобы положить конец участившимся набегам антисемитских хулиганов на местных евреев.

Председатель бруклинской еврейской общины несколько раз обращался к ответственным властям Бруклина с просьбой усилить полицейскую охрану в Борроу-парк, особенно в вечерние часы, но до сих пор не получил соответствующих обещаний.

Бездействие властей еще больше поощрило хулиганов. Тогда местные евреи организовались сами, чтобы принять эффективные меры для самозащиты. С этой целью они создали сеть патрульных машин, с помощью которых добровольцы дежурят, сменяя друг друга в течение суток. Патрульные машины снабжены необходимым оборудованием для оказания скорой помощи на месте и для немедленной отправки пострадавших в больницу».

Вот как оно в Бруклине!

Вернемся из этого действительно опасного нью-йоркского района в Голландию. Там, как я убедился, опасность грозит только тому еврею, который рискнул каким-либо образом не угодить сионистам. Стоило, к примеру, обозревателю нидерландской телевизионной компании НОС Алмару Тьепкеме провести несколько не вполне просионистских передач, как активистки «Егуд габоним» забили тревогу:

— Антисемит! Его надо проучить!

И пытались «проучить».

В воинственности девиц сионистского толка я имел возможность наглядно убедиться в Амстердаме.

Там, на улице Иоханнес Ференеерстраат, в доме № 22, разместился добрый десяток сионистских лиг, бюро, регионов. Я заинтересовался, как выглядит этот дом, вернее, комплекс зданий, известный в Амстердаме под названием сионистского центра.

Чем значительней, на взгляд главарей, организация, тем, оказалось, малокалиберней ее вывески. И мне пришлось подойти вплотную к подъезду, чтобы разглядеть некоторые названия. Но тут, как и в Брюсселе, мой блокнот вызвал подозрения двух вышедших из здания девиц. Точнее сказать, одной бойкой шатенки. Вторая — птицеподобная брюнетка — была совершенно безучастна к моему блокноту. Но шатенка потянула подружку за собой и решительно подошла ко мне:

— Вам куда нужно? Можем вас проводить.

— Несмотря на то, что я корреспондент московского журнала?

Короткая пауза на обдумывание. Затем следует ответ:

— Вам надо раньше договориться по телефону.

— Я звонил. В редакцию «Ниве Исраэлитисе веекблаад».— И, заглянув в блокнот, уточнил:— По телефону 23-55-84.

— Говорили с редактором?

— Нет, видимо, с секретаршей.

— И что она вам сказала?

— Посовещавшись с кем-то, она мне ответила: «Чтоб ты поскорее сгорел. И не в своем «Огоньке», а в хорошем огне!»

— Правильно сказала,— обрадовалась девица побойчей.

— Можно было еще лучше сказать,— выдавила из себя равнодушная. Произнесено это было, впрочем, не столько для меня, сколько для бойкой подружки — надо было показать, что и она тоже непримирима к идейным противникам.

— Ваши брюссельские единомышленники, пожалуй, охотнее соглашаются беседовать с представителями советской печати,— попытался я поднять свои акции в недобрых глазах юных амстердамских сионисток.

— Ой, вы сильно преувеличиваете,— усомнилась шатенка, завершая наш неожиданный разговор.

РОБЕРУ ДРЕЙФУСУ НАСТОЙЧИВО СОВЕТУЮТ...

А может, я действительно преувеличил? Ну кто в самом деле из именитых сионистских деятелей Бельгии согласился встретиться со мной?

Как кто?! Согласился сам Робер Дрейфус, главный раввин Бельгии, на чьих бланках значится «Министерство юстиции, центральный раввинат». Дрейфуса совершенно не пришлось уговаривать. Он охотно назначил нашу встречу на Рю Сю Дюпон, 2:

— Жду советского писателя в четверг, 10 апреля, в шесть часов вечера.

Не без доли торжества рассказал я об этом брюссельскому журналисту, еще накануне утверждавшему, что видные сионисты не встречаются с корреспондентами не сочувствующей им печати, да еще из социалистических стран.

— И все же Дрейфус отменит встречу,— с прежней уверенностью ответил мне журналист.

— Почему? Никаких религиозных тем касаться я не собираюсь, господин Дрейфус это знает.

— Как раз на религиозные темы он охотно побеседовал бы с вами. А вас, вероятно, интересуют темы сионистские. Догадался?

— Догадались.

— Догадаются и те, кто настойчиво, весьма настойчиво посоветует главному раввину не беседовать с корреспондентом «Огонька».

— Кто же способен посоветовать, да еще весьма настойчиво, руководителю главного раввината страны отказаться от собственного добровольного обещания.

— Найдется такой... Будет именно так. Я настолько убежден, что считаю нечестным предлагать вам пари.

Да, пари проиграл бы я.

За час до назначенной встречи от имени Дрейфуса позвонили:

— Господин главный раввин никак не может найти возможности увидеться с писателем из Москвы до конца недели.

Не мог он найти такой возможности и в начале следующей недели.

Вот почему до последней минуты я не верил, что состоится моя беседа с руководителем крупной алмазной фирмы, антверпенским коммерсантом Марселем Брахфельдом.

Никаких официальных постов в сионистских организациях Брахфельд как будто не занимает, но влиянием там пользуется большим. Причина? Не только финансовый вес алмазного промышленника. Признание своего превосходства он завоевал еще и другим: все трое его детей учатся в Израиле. Весьма немаловажное обстоятельство! Ведь богатые сионисты западных стран предпочитают уговаривать еврейскую бедноту, нежели самим переезжать в Израиль или отправлять туда своих близких. Недаром, как только заходит речь о Брахфельде, бельгийские сионисты уважительно говорят:

— Его дочь учится в Иерусалимском университете, а два сына — в аристократическом колледже.

Правда, иные земляки Брахфельда, из тех, кто не торгует алмазами, а гранит их, с иронической улыбкой добавляют:

— Не думайте, тут не один голый патриотизм! Имеются причины и деловые. Пока большинство стран бойкотировало расистский режим Южной Африки, израильские дельцы сумели в значительной мере приручить южноафриканскую алмазную промышленность. А поскольку Брахфельд не последний из бельгийских торговцев алмазами, ему вовсе не мешает иметь своих людей для постоянной связи с израильскими фирмами. Но авторитет среди антверпенских сионистов у него бесспорный!

Антверпенская сионистская организация, замечу, наиболее богатая в Бельгии. Стоило только осенью 1973 года Израилю развязать военные действия на Ближнем Востоке, как из Антверпена туда ушли суда с оружием под флагом... Либерии. Это был результат «частной благотворительности» антверпенских сионистов, в первую голову алмазных королей.

Так неужели же и Марселю Брахфельду тоже «настойчиво посоветуют» отказаться от встречи с советским писателем?

Хочу объяснить читателям, почему я так стремился лично побеседовать с несколькими видными деятелями бельгийско-нидерландского сионизма, в том числе с Робером Дрейфусом и Марселем Брахфельдом.

Сионистские публицисты, когда пишут о коммунизме, социализме, советском строе, широко пользуются приемами, в основу которых положено незыблемое убеждение, что при толковании любого положения научного коммунизма и любой приметы советского общества надо исходить исключительно из интересов и выгод еврейского буржуазного национализма.

В Бельгии и Голландии, в этом бастионе международного сионизма, я наглядно убедился еще и в другом: малейшую попытку хоть поверхностно разобраться в нормах советской морали они с избытком подменяют звериной ненавистью к идеям коммунизма, к советскому строю и к тем, кто не хочет изменить своей социалистической родине.

Неспроста сионисты Бельгии и Голландии с таким упорством осуждают отдельных своих единомышленников, преимущественно из молодых, когда те пытаются хотя бы вскользь коснуться существа идей интернационализма, против которых им предписано так оголтело выступать.

И задумываться не моги над каким-нибудь явлением советской жизни, а только оголтело ругай, поноси его!

И если кто-либо из рядовых сионистов посмеет вдруг задать недопустимый вопрос на эту тему, его тут же объявляют отступником и чуть ли не антисемитом:

— Когда речь идет об евреях, сионизм всегда прав, а советский строй всегда не прав. И копаться в деталях нечего. А кто думает иначе, тот сомневается в чистоте наших идей, тот недостоин называться сионистом, тот плохой еврей!

Не стоит поэтому удивляться, что сионистские лидеры последовательно уклоняются от личных встреч со своими идейными противниками. Комментировать собственные действия они считают вредным, а попытаться проникнуть в существо чуждых им идей — бесполезным.

В ОСОБНЯКЕ АНТВЕРПЕНСКОГО КОММЕРСАНТА

В назначенное время вдвоем с французским переводчиком мы прибыли в парковый район Антверпена на Калмастраат, 7, где в перестроенном на современный лад старинном особняке проживает чета Брахфельдов.

Хозяин дома задержался, и, горячо извинившись за мужа, нас несколько минут занимала разговором его супруга. По ее словам, их дети без ума от Израиля и тоскуют по этой стране на вакациях — и в Бельгии и в Англии, где у ее родителей «дело».

Хозяйка столь настойчиво подчеркивала симпатии юных Брахфельдов к Израилю, что я спросил:

— Видимо, вам с мужем придется в конце концов переехать к детям в Израиль?

— Дело должно продолжаться в Бельгии,— коротко ответила мать.

Сорокадевятилетний коммерсант оказался моложавым и поджарым. Вероятно, он частенько захаживает в спортивный зал на первом этаже своего особняка. Господин Брахфельд вернулся с верховой прогулки и, чтобы не задерживать нас своим переодеванием, беседовал и обедал с нами в костюме наездника. С таким костюмом мирно уживалась традиционная религиозная ермолка.

Я уже был предупрежден госпожой Брахфельд, что супруг ее верующий человек и что нас ожидает кошерный обед. А «мезузу» — свидетельство того, что обитель охраняет всевышний, я без труда сам заметил над порогом: инкрустированный металлический футляр, в котором находится пергаментный свиток с божественным текстом. Но это совершенно не меняло моих планов: я ведь не собирался в беседе касаться вопросов религии.

Разговор о детях Брахфельда быстро перешел на страну, где они сейчас живут.

В связи с этим хозяин дома упомянул о «двойном подданстве» всех евреев. Он при-

[3] «Объединение сыновей» и «Молодой страж».

знал, что сионисты как минимум требуют от «двойных» постоянной материальной помощи Израилю. А как максимум... Эту скользкую деталь мы с Брахфельдом деликатно обходим, иначе нашему диалогу угрожает безвременная кончина. Так вот именно в двойном подданстве, в еврейской «экстерриториальности», видят сионисты гарантию существования нации — «джуиш сюрвивал».

Господин коммерсант соглашается со мной, что считать себя одновременно и подданными Израиля категорически не согласны очень многие евреи западных стран, не говоря уже о социалистических. Однако в Бельгии, по его мнению, это не так.

Мне пришлось напомнить Брахфельду брюссельский митинг протеста против сионистских требований к бельгийским евреям соблюдать двойное гражданство. Людей, бурно аплодировавших ораторам, вряд ли назовешь «двойными».

— Профессор Свободного Брюссельского университета Марсель Либман,— напомнил я Марселю Брахфельду,— тоже собирался выступить на митинге против двойного гражданства и в поддержку справедливой борьбы арабского народа. Но профессору пригрозили страшной расправой — его, мол, вынесут ногами вперед. И ваш тезка на том митинге не выступил.

— Спасибо вам за такого тезку,— заметил коммерсант.

Он допускает, что многие бельгийские интеллигенты еврейской национальности не только на словах, но и на деле категорически отвергают свое двойное гражданство. Он даже готов признать, что вслед за интеллигентами на такую точку зрения становятся и «простые евреи». Но...

— Они исходят только из формы,— продолжает Брахфельд.— А практически не только самому государству Израиль выгодно, чтобы каждый еврей выполнял обязанности израильского гражданина. В этом лично заинтересован любой еврей в любой стране. Ведь расширение Израиля повышает авторитет всего еврейства в целом и каждого в отдельности. Люди других национальностей никогда не уважали евреев, считали их способными только на мелкие делишки. А теперь военное могущество Израиля показало, что евреи умеют воевать и побеждать. И на это вынуждены смотреть с уважением все остальные нации.

«Все остальные нации». Брахфельд произнес это таким тоном, что мне вспомнились иронические слова Жана-Поля Сартра: «Ад — это все остальные».

Почему же, однако, не спешат сменить «ад» на «рай» те, кто так заинтересован в могуществе Израиля? Почему они, сознательно ощущающие свое двойное гражданство, не хотят стать фактически гражданами родины отцов?

— Да, таких пока не очень много, но все-таки беспрерывно едут,— сказал Брахфельд.

Мне пришлось своими словами изложить ему короткий абзац из недавней статьи сионистского публициста Яира Котлара в израильской газете «Гаарец» под тревожным заголовком «Перед алией красный свет!». А в дословном переводе этот абзац выглядит так:

«Можно говорить со всей ответственностью, что к нам из стран Запада и США практически нет притока».

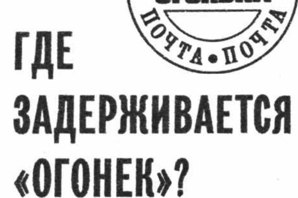
А тель-авивская «Неделя» в редакционной статье вопит на истерической ноте, вроде бы не приставшей журналу общественных, политических и экономических проблем:

«Израильтяне имеют свои претензии к американским единоверцам! Вы посылаете нам деньги, а не сыновей! Сотни тысяч, которые могли бы переехать к нам, боятся наших высоких налогов и трудностей жизни. Их страх еще больше увеличивается от рассказов тех сотен бывших эмигрантов, которые, год-два пожив в Израиле, бегут назад в США. Стыдно!»

Подобные высказывания сионистской прессы Израиля для Брахфельда не новость. И он говорит мне то, что я неоднократно слышал от многих сионистов во многих странах Западной Европы и Америки:

— Когда человек прирос к стране надежным делом и пользуется там уважением в деловых кругах, перед ним возникает серьезный вопрос: а где он полезнее сионизму, в Израиле или, может быть, в Бельгии, в Голландии, в Англии? У него есть авторитет, у него есть свои служащие, которых он обеспечивает куском хлеба. У него есть материальные возможности крепко помогать Израилю и и своей страны. А вот почему в Израиль не переезжают наши безработные или не совсем обеспеченные евреи — это действительно проблема.

Вариация на знакомую тему!

ГДЕ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ «ОГОНЕК»?

Подписчики продолжают разговор о доставке «Огонька» (см. №№ 28, 30, 32, 37).

* * *

Присоединяю свой голос к просьбам читателей — навести порядок в доставке журнала. До этого года «Огонек» (выписываю я его 15 лет) был на моем столе точно каждую субботу. С начала же 1975 года «Огонек» появляется раз в месяц, сразу по 2 номера, что меня, конечно, огорчает и удивляет. Последний журнал был 30-й, тогда как «Неделю» я получаю точно и уже имею 35 номеров.

Я ходила на почту и жаловалась на такую неаккуратную доставку, но там мне сказали, что журналы не задерживают. Писала в Белград, оттуда ответили, что «Огонек» высылается из Москвы прямо подписчику.

Очень прошу, примите меры к точной доставке «Огонька».

Ваш старый подписчик Ксения ПАВЛОВА.

Зрянанин, Югославия.

* * *

На каком транспорте доставляется в Вологду журнал «Огонек»? Самолет покрывает это расстояние за 1 час, поезд — за 8 часов, а журнал поступает в продажу на 20—21-й день после его выхода в Москве.

Неужели непонятно, что теряется злободневность материалов?

А. А. СОКОЛОВ.

Вологда.

* * *

Я подписываюсь на «Огонек» с 1950 года, и до нынешней весны мне не приходилось сетовать на доставку журнала. А если и бывали «перебои», то самое большее на неделю. Но вот с мая этого года «Огонек» действительно из еженедельника превратился в ежемесячник. Последний № 30, который должен был быть у меня 29—31 июля, я получила 14 августа, и вот сегодня, 27 августа, ни № 31, ни №№ 32, 33 и в помине нет, а нормально уже срок для № 34!! Кроме «Огонька», получаю «Правду» (каждый день!), «Неву», «Звезду» и «Спутник» бесперебойно.

Очень обидно, что приходится жаловаться на милый сердцу «Огонек».

С товарищеским приветом Евгения ХААРТМАН (САБИНИНА).

Хельсинки. Финляндия.

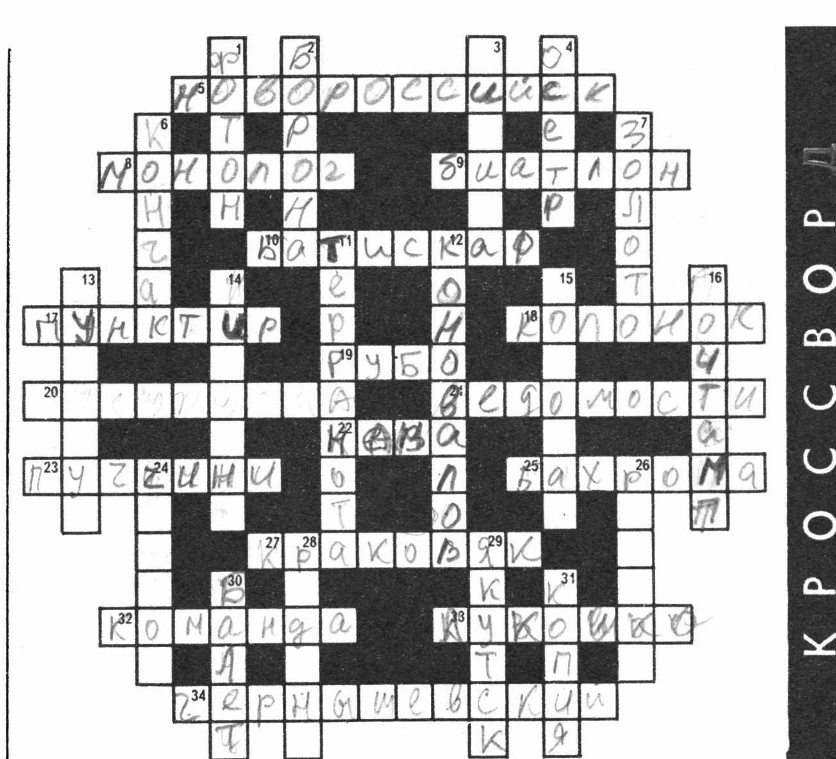
* * *

Четвертый год я подписываюсь на «Огонек». Три года журнал аккуратно приходил по вторникам. С мая 1975 года началась очень нерегулярная доставка. То две недели и даже больше — без «Огонька», а потом приходят два журнала сразу, то поздний номер приходит прежде предыдущего. № 30 (от 26 июля) я получила сегодня, 19 августа. Было бы очень приятно, если бы доставка журнала наладилась как можно скорее.

С уважением

З. В. ТВЕЛЛС (НЕУПОКОЕВА).

Гаага, Нидерланды.

По горизонтали: 5. Город-герой. 8. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 9. Современное зимнее двоеборье. 10. Глубоководный снаряд для океанографических исследований. 17. Прерывистая линия. 18. Пушной зверек. 19. Автор панорам «Оборона Севастополя» и «Бородино». 20. Кормовое растение. 21. Первая русская печатная газета. 22. Река в СССР. 23. Итальянский композитор. 25. Тесьма для украшения одежды, портьер. 27. Польский народный танец. 32. Экипаж судна. 33. Корзина из лубка или прутьев. 34. Русский революционный публицист, писатель.

По вертикали: 1. Квант света. 2. Сельскохозяйственное орудие. 3. Басня И. А. Крылова. 4. Промысловая рыба. 6. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 7. Металл. 11. Керамическое изделие. 12. Рассказ М. Горького. 13. Приток Хопра. 14. Водоразборная колонка. 15. Созвездие северного полушария неба. 16. Предприятие связи. 24. Хищная птица. 26. Овощ. 28. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 29. Столица автономной советской республики. 30. Вид театрального искусства. 31. Точное воспроизведение оригинала, подлинника.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 5. Циолковский. 8. Курсив. 10. «Накипь». 11. Анапа. 14. Планк. 16. Уклейка. 19. Карат. 20. Карбюратор. 21. Козловский. 23. Адыча. 25. Таможня. 26. Смерч. 30. Пресс. 32. Шарада. 33. Коршун. 34. Севастополь.

По вертикали: 1. Патиссон. 2. Левицкий. 3. «Мальва». 4. Оксана. 6. Тулон. 7. Шпага. 9. Катет. 12. Олдридж. 13. Баккара. 15. Кирза. 17. Крона. 18. Клоун. 19. Кросс. 22. Гомер. 24. Чаган. 27. Машук. 28. Сталевар. 29. Барельеф. 30. Панама. 31. «Скупой».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (к 100-летию со дня рождения). **Фото Н. Козловского**

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Антанас Урбанявичус — портной. * В этом кафе с удовольствием коротают время клиенты комбината бытового обслуживания «Буйтис». * Без точного времени не обойтись даже пенсионерам, и Гинтаутас Сорока налаживает часы Марии Круконене и Оне Баранаускене. * Паневежис. Этот дом добрых услуг спроектировала архитектор Ниоле Гарбаляускине. * Семья Иозаса Пракапаса — одна из многих, пользующихся услугами службы быта в Меркине. * А это мастер красоты Яне Аучунайте из Рамигалы. * Цех ручной вязки КБО «Буйтис» в Паневежисе.

Фото В. Сальмре

(См. в номере материал «Новые дела старого Юзе».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/IX—75 г. А 00639. Подп. к печ. 23/IX—75 г. Формат $70 \times 108^1/_8$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2236. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 1100.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Где море, там рыбаки. Колхоз «Узвара» — крупнейшее хозяйство побережья.

Дзинтари. Геометрия отдыха.

«Казаки-разбойники».

JŪRMALA

ЖЕМЧУЖИН

Воздушный коктейль «Море — сосны».

Вайвари. Автокемпинг.

◄ Дубулты. Дом творчества писателей.

Сегодня прохладно...

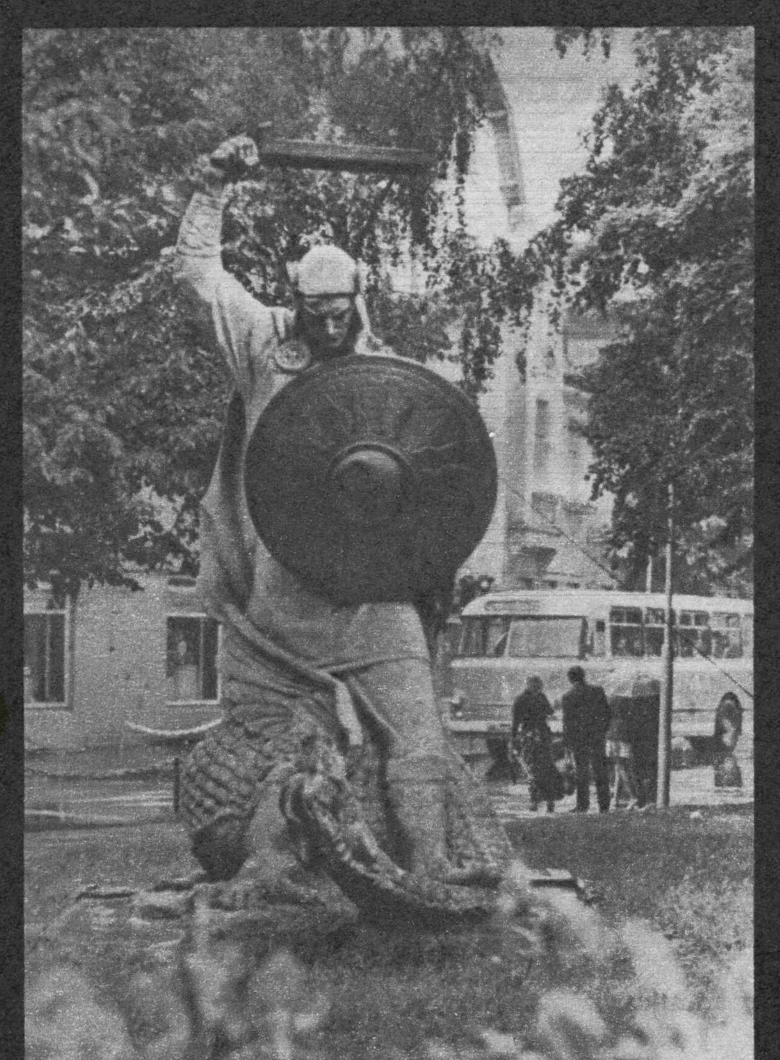
А РИЖСКОГО ВЗМОРЬЯ ›

Когда вы прилетаете в Ригу или сходите на перрон Рижского вокзала, а затем по широкому современному шоссе берете курс на Рижское взморье, к городу Юрмале, вы еще не совсем, если раньше не были в этих местах, представляете себе, что такое Рижское взморье. Наверно, вы уже что-то слышали о нем, о его чудесном воздухе, соснах, широких пляжах, тянущихся более чем на тридцать километров, не перегороженных ни в одном месте. Наверно, все это вы слышали. Но всегда лучше увидеть, чем услышать. И поэтому, когда вы оказываетесь в Риге и отправляетесь в Юрмалу, в районы этого курортного латышского города, в Майори, Дзинтари, Дубулты и другие, с вами уже кто-то незримый по дороге ведет беседу о том, что вы сможете найти, увидеть в этих местах. Справа по ходу машины вас встречают лаконичные надписи, сообщающие о том, сколько в Юрмале врачей, санаториев, домов отдыха, сколько ресторанов, кинотеатров... Близость столицы Латвии, старинного города Риги, где по вечерам в Домском соборе вы сможете послушать выступления лучших симфонических и хоровых коллективов нашей страны,— все это околдовывает вас, и вы невольно чувствуете благодарность даже к самому себе за то, что избрали местом отдыха Рижское взморье.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Скульптура на привокзальной площади города Майори.

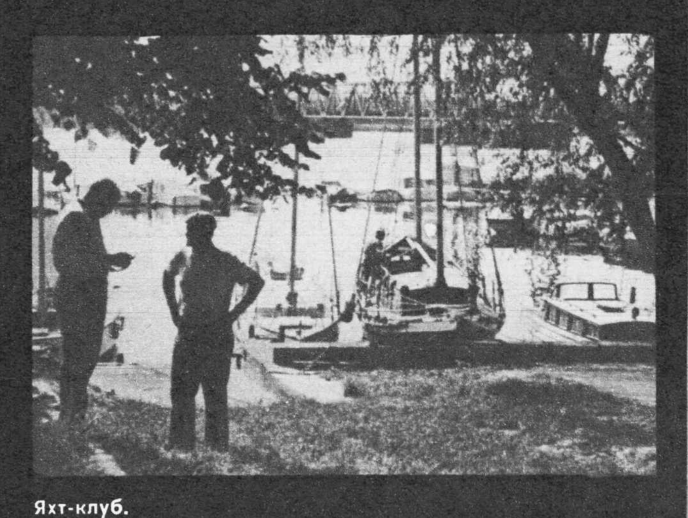

Майори. Гостиница «Юрмала».

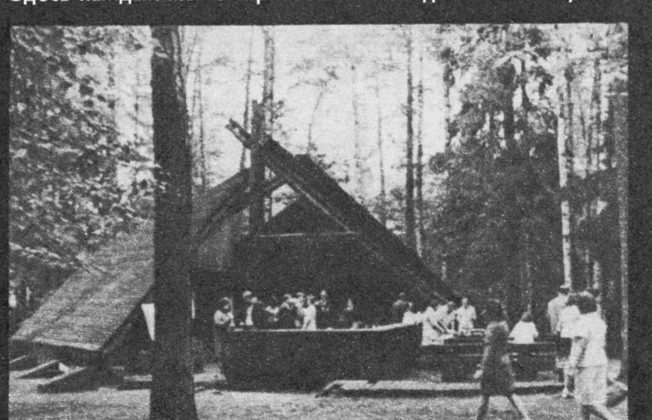

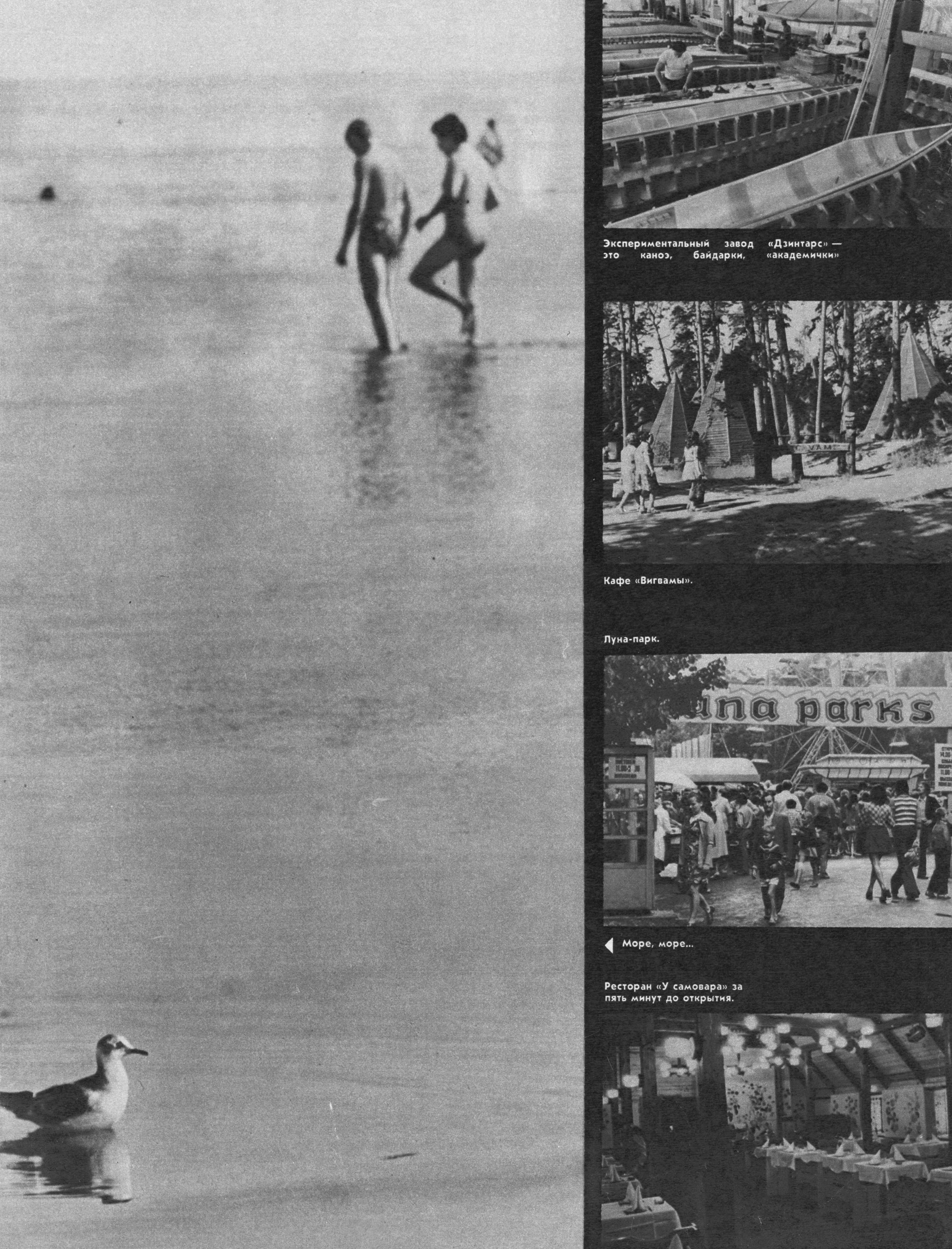
Лучшие курорты мира обозначены на этом глобусе.

Яхт-клуб.

Здесь каждый может приготовить блюдо на свой вкус.

Экспериментальный завод «Дзинтарс» — это каноэ, байдарки, «академички»

Кафе «Вигвамы».

Луна-парк.

◀ Море, море...

Ресторан «У самовара» за пять минут до открытия.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663